

Генри
Каттнер

**ПРОФЕССОР
НАКРЫЛСЯ!**

*и прочие фантастические
неприятности*

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Генри Каттнер

**«Профессор накрылся!» и прочие
фантастические неприятности**

«Азбука-Аттикус»

1941–1958

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Каттнер Г.

«Профессор накрылся!» и прочие фантастические неприятности
/ Г. Каттнер — «Азбука-Аттикус», 1941–1958 — (Фантастика и
фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-22871-9

Генри Каттнер, публиковавшийся не только под своей настоящей фамилией, но и под доброй дюжиной псевдонимов, считается одним из четырех или пяти ведущих американских фантастов 1940-х. Легендарные жанровые журналы, такие как «Future», «Thrilling Wonder», «Planet Stories» и «Weird Tales», более чем охотно принимали произведения, написанные им самостоятельно или в соавторстве с женой, известным мастером фантастики и фэнтези Кэтрин Люсиль Мур; бывало, что целый выпуск журнала отводился для творчества Каттнера. Почти все, созданное этим автором, имеет оттенок гениальности, но особенно удавалась ему «малая литературная форма»: рассказы о мутантах Хогбенах, о чудаковатом изобретателе Гэллегере и многие другие, сдобренные неподражаемым юмором, несколькими поколениям читателей привили стойкую любовь к фантастике. Повесть «Ночная схватка», номинировавшаяся на ретроспективную премию «Хьюго», является приквелом к знаменитому роману «Ярость». На эту же премию номинировались «Ветка обломилась, полетела колыбель», «То, что вам нужно», «Некуда отступить». В книгу вошли лучшие, завоевавшие всемирную популярность рассказы великого Мастера, в том числе любимый многими цикл о необычной семейке Хогбенов!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-22871-9

© Каттнер Г., 1941–1958
© Азбука-Аттикус, 1941–1958

Содержание

Военные игры	8
Профессор накрылся	18
Котел с неприятностями	27
До скорого!	37
Пчхи-хологическая война	49
Механическое эго	66
Двурукая машина	96
Порог	112
Мы идем искать	123
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Генри Каттнер

«Профессор накрылся!» и прочие фантастические неприятности (сборник)

Henry Kuttner and C. L. Moore

THE OLD ARMY GAME © Henry Kuttner, 1941

EXIT THE PROFESSOR © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1947

PILE OF TROUBLE © Henry Kuttner, 1948

SEE YOU LATER © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1949

COLD WAR © Henry Kuttner, 1949

THE EGO MACHINE © Henry Kuttner, 1951

TWO-HANDED ENGINE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1955

THRESHOLD © Henry Kuttner, 1940

CAMOUFLAGE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1945

WHEN THE BOUGH BREAKS © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1944

WHAT YOU NEED © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1945

HOME IS THE HUNTER © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1953

JUKE-BOX © Henry Kuttner, 1947

OR ELSE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1953

RITE OF PASSAGE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1956

UNDER YOUR SPELL © Henry Kuttner, 1943

SHOCK © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1943

TROPHY © Henry Kuttner, 1944

FALSE DAWN © Henry Kuttner, 1942

JESTING PILOT © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1947

LINE TO TOMORROW © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1945

THE VOICE OF THE LOBSTER © Henry Kuttner, 1950

THE LITTLE THINGS © Henry Kuttner, 1946

ENDOWMENT POLICY © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1943

THIS IS THE HOUSE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1946

THE DEVIL WE KNOW © Henry Kuttner, 1941

YEAR DAY © Henry Kuttner, 1953

ABSALOM © Henry Kuttner, 1946

HOME THERE'S NO RETURNING © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1955

CLASH BY NIGHT © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1943

NEAR MISS © Henry Kuttner, 1958

A CROSS OF CENTURIES © Henry Kuttner, 1958

THE FAIRY CHESSMEN © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1946

All rights reserved

© В. И. Баканов, перевод, 1989

© Э. Березина (наследник), перевод, 1968

© О. Г. Битов (наследник), перевод, 1982

© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1968

© Н. М. Евдокимова (наследник), перевод, 1967, 1968

© Б. М. Жужунава (наследник), перевод, 2007

© О. Г. Зверева, перевод, 2006

© Т. В. Иванова (наследник), перевод, 1968

- © Д. С. Кальницкая, перевод, 2023
© А. С. Киланова, перевод, 2023
© Е. В. Кисленкова, перевод, 2023
© Г. Л. Корчагин, перевод, 2016
© А. Н. Круглов, перевод, 2023
© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2023
© А. С. Полошак, перевод, 2023
© И. Г. Почиталин (наследник), перевод, 1992
© Е. С. Секисова, перевод, 2006
© С. Б. Теремязева, перевод, 2016
© А. Н. Тетеревникова (наследник), перевод, 1965
© И. А. Тетерина, перевод, 2007
© А. В. Третьяков, перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

* * *

Генри Каттнер (1915–1958) прожил недолго, но успел сделать и в фантастике, и для фантастики столько, что иному не сделать, доживи он хоть до мафусаиловых лет. Юмор и внешняя простота, за которой скрывается напряженная писательская работа, доброта и человечность – вот качества его как писателя и как человека. Не говоря уже о влиянии Каттнера на многие имена, ставшие впоследствии звездными (Рэй Брэдбери, Роджер Желязны). Часть из созданного рисателем сделана в соавторстве с женой, Кэтрин Мур, и это ни для кого не тайна. В России первый сборник Каттнера вышел в знаменитой «зэфке» в 1968 году. Писатель и историк Роман Подольный отзывался о книге так: «Творчество Каттнера дошло до нас, «как свет давно умерших звезд». Ошибся он лишь в одном: звезда Каттнера живет до сих пор.

* * *

Пусть мои слова покажутся богохульством, но я все же признаюсь, что не скоро прощу Господа Бога за то, что в 1958 году забрал у нас Генри Каттнера... Это абсолютно неправильный поступок, потому что этот писатель обладал очень необычным, особенным талантом. Наше общество привыкло считать, что в нем полно непризнанных гениев. Судя по моему опыту, это глубочайшее заблуждение. Генетически обусловленный интуитивный талант – редкая штука. Настоящих творцов крайне мало, и они разбросаны по всему миру... Большинство писателей похоже друг на друга как две капли воды, их можно с легкостью заменить одного на другого, и наша культура не изменилась бы ни на йоту. Нас окружают полчища посредственностей, людей, неспособных к созиданию, поэтому Генри Каттнер – исключительно своеобразный писатель, маниакально одержимый творчеством, – всегда был для меня предметом восхищения.

Рэй Брэдбери

Военные игры

Я раньше как думал: армейская жизнь – это маршируй себе с винтовкой в руках да форму носи. В общем, сначала-то я обрадовался, что выберусь с холмов нашего Кентукки, потому как решил, что смогу поглядеть на мир, а то, может, и чего поинтереснее со мной приключится.

С тех пор как пристукнули последнего из Флетчеров, у нас в Пайни наступила скука жуткая, да и дядюшка Элмер все ныл, что вот зачем, мол, он прикончил Джаред Флетчера, ведь тот был последним из клана и не с кем ему теперь будет драться. После этого дядюшка по-серьезному пристрастился к кукурузной браге, и нам приходилось гнать самогонку сверхурочно, чтобы выпивка у него не кончалась.

Однако учитель из Пайни всегда мне твердил: любую трепотню следует зачинать с самого начала. Так я, пожалуй, и поступлю. Только не знаю я, где это самое начало. Наверное, оно пришлось на тот день, когда я получил письмо с надписью «Хьюи Хогбен». Это папуля так прочел, а он страсть как в грамоте разбирается.

– Ага, – говорит, – вот буква «Х», все правильно. Это, наверное, тебе, Сонк.

Меня так кличут – Сонк, потому как я типа коренастый, да ростом не вышел. Мамуля говорит, что я просто еще не вырос, хотя мне уже почти двадцать два стукнуло, а росту во мне едва больше шести футов. Я раньше так из-за этого переживал, что тайком бегал колоть дрова – все силенок себе прибавлял. Так вот, папуля отнес мое письмо учителю, чтобы тот его прочитал, а потом примчался назад, что-то выкрикивая на ходу, как помешанный.

– Война! – орал он. – Война началась! Давай, Элмер, тащи свою железяку!

Дядюшка Элмер сидел в углу, потягивая кукурузную брагу и заодно пробуя приучить к ней малыша.

– Какая война? Кончилась она уже давно, – пробормотал он, слегка кося глазом, будто чокнутый. – Эти чертовы янки оказались нам не по зубам. Я слышал, и генерал Ли погиб...

– Как это нет войны, есть война! – упрямо возразил папуля. – Учитель говорит, Сонку в армию идти надобно.

– Хочешь сказать, мы от них снова отколоться вздумали? – изумился дядюшка Элмер, разглядывая кувшин с брагой. – А что я говорил?! Этим проклятым янки нас в свой Союз не затащить.

– Ну, про это я ничего не знаю, – пожал плечами папуля. – Ни черта не разобрал, что там болтал учитель. Но одно знаю точно: надо идти на войну.

– Собирайся, Элмер, – сказала мамуля, доставая из шкафа свою старую пушку. – Мы все туда пойдем. Не знаю, правда, какой будет прок от такого коротышки, как ты, – повернулась она ко мне, – хотя пальнуть из ружья ты кое-как сможешь.

– Ну ты даешь, ма, – сказал я, краем глаза замечая, что к нашему дому подъезжает на своем муле учитель. – Да я ж отлично стреляю.

– Ага, как же, – прокаркал дядюшка Элмер. – Парни Бойер тебя чуть не завалили, а их и было-то всего шестеро.

– Они на меня сзади набросились, – возразил я. – Но когда я отдышался, им на орехи-то досталось...

– Хватит языки чесать, балаболки, – решительно сказала ма. – Пойдем уже.

И мы все гурьбой вывалились за дверь, слегка помяв при этом учителя, но он сам был виноват, потому как не успел вовремя убраться с дороги. Но у нашей ма доброе сердце, она тут же вернулась и помогла ему подняться. Он что-то бормотал о гориллах и буйволах, но быстро заткнулся, когда мы влили в него немного кукурузовки, с трудом вырвав ее из рук дядюшки Элмера, который никак не хотел отдавать кувшин. После этого учитель вдруг подскочил и

сунул голову в ведро с водой, которое стояло на столе, но мы из вежливости не обратили на это внимания – иносронец, как-никак, все они там такие.

– Сначала вы сбиваете меня с ног, – говорит он, немного отдышавшись, – а потом вливаете в горло расплавленную лаву. О боже!

– Не выражайтесь, – говорит ему ма, кивая в мою сторону, – у меня парень подрастает.

– Если он подрастет еще немного, у него на голове можно будет строить пентхаус, – говорит учитель. Он вечно произносит всякие странные слова, которые я не понимаю.

– Мы ж вроде куда-то торопились... – рычит дядюшка Элмер, забирая назад драгоценный кувшин.

– Да нет никакой войны! – кричит нам вслед учитель и рвет на себе волосы. – Мистер Хогбен убежал, так меня и не дослушав!

Потом он принялся говорить и все говорил, говорил, пока мы наконец не уразумели, о чем идет речь. Вроде какие-то кланы в Европе передрались меж собой, и нам пора было смазывать винтовки на тот случай, если они разойдутся по-настоящему и примутся вдруг палить по нам.

– Ага, понятненько, – в конце концов сказала ма, и все мы снова наострили лыжи в сторону горизонта.

– Нет, всем нельзя! – кричит вслед учитель, сделавшись красным как рак. – В армию ведь призвали только Хьюи!

– Они бы еще нашего малыша призвали! – рявкнул в ответ па. – Сонк еще от горшка два вершка.

– Ему уже за двадцать один. А вы, мистер Хогбен, слишком стары для армии.

Па ломанулся было на учителя, но его внезапно перехватила ма.

– Тихо, ты! – прикрикнула она, и па покорился, продолжая что-то ворчать себе под нос. – Что ж ты так петушишься-то? Не куренок, чай.

– А правда, сколько вам лет, мистер Хогбен? – спросил учитель.

– Ну, это... Честно сказать, в восемьдесят седьмом я сбился со счета, – подумав, ответил па.

– А мне сто три, – прокаркал дядюшка Элмер, но у нас в Пайни все знают, какой он врун. Учитель зажмурился, а потом сказал каким-то странным голосом:

– Президент Соединенных Штатов подписал закон, согласно которому все мужчины в возрасте от двадцати одного до тридцати пяти лет подлежат мобилизации. Хьюи должен отслужить в армии один год, если только у него нет специального освобождения.

– Да ему ж роста не хватает, – вроде как заревновал па. – В армию таких не берут.

Но ма задумчиво сказала:

– Раз президент просит, значит так нужно, Сонк. А теперь садись рядом с учителем, и пусть он тебе растолкует, чего от тебя хотят.

Я так и поступил, и мы вместе принялись заполнять бумагу, которую мне прислал президент. Пришлось, правда, немного повозиться, потому как к нам все время лез дядюшка Элмер, но через некоторое время учитель схватил кувшин с кукурузовкой и порядком глотнул оттудова.

– Эх! – сказал он, сразу вспотев. – Серьезная болезнь требует серьезного лечения. Давай дальше, Сонк. На что ты живешь?

– Ну, однажды я толкнул старому Лэнгланду кукурузу. В обмен на пару штанов, – не очень уверенно ответил я.

Хрясь! Это ма изо всех сил огрела меня метлой по голове.

– А где это ты взял кукурузу? – спросила она. – Из самогонного аппарата стащил?

– Да ты чо, ма! – воскликнул я, уворачиваясь от метлы. – Мне дядюшка Элмер ее дал, чтобы я не рассказывал о том, как он...

– Ах ты мелкота!.. – заорал дядюшка Элмер, набрасываясь на меня с кулаками.

– Твой доход! – выкрикнул учитель, чуть не переходя на визг. – Наличные! Металлические деньги!

– О да, – обрадовался я. – В прошлом мае я нашел десять центов.

В жизни не видел, чтоб человек так высоко прыгал от ярости. Но он же иностранец, опять рассудил я, а потому решил немного обождать. И правда, снова выпив кукурузовки, учитель вроде как подобрел. Потом забрал у меня бумагу и сказал, что сам ею займется. После этого ничего не случилось до того самого дня, как учитель пришел к нам и сказал, что мне нужно явиться на зазывной пункт.

В голове у меня все так смешалось, что я начал соображать, только очутившись в какой-то комнате вместе с дядюшкой Элмером и странными людьми, которых я не знал. Говорили они очень смешно. Велели мне раздеться и пройти в соседнюю комнату, что я и сделал, а там оказался какой-то коротышка, который заорал что-то насчет медведя и выскочил вон, оставив дверь открытой. Я огляделся по сторонам – нет никакого медведя...

Ну, в общем, я стал ждать, и он вскоре вернулся вместе с высоким таким мужиком, который ухмылялся во весь рот.

– Ну вот видите, док, – сказал он. – Никакой это не медведь. Судя по личному делу, это Хьюи Хогбен.

– Но он такой, э-э-э, волосатый, – возразил коротышка.

– Это потому, что с прошлой недели не брился, – радостно объяснил я. – Мы забивали свиней, и бритва куда-то запропала. И вообще, какой же я волосатый? Вы бы видели па. На нем такая шерсть, как на этих, о которых мне учитель как-то рассказывал, ну, как их там... на иаках!

Доктор постучал меня по груди, но я ничего не почувствовал. Потом он сказал:

– Здоров как бык. Подними-ка вот это, Хогбен.

И показал на железную болванку с ручкой, что стояла на полу. Ну, я ее и поднял. Она оказалась тяжелее, чем я думал, а потому вырвалась у меня из рук и шмякнулась о стену. Штукатурка так и посыпалась.

– Господи боже! – побледнел доктор.

– Ох, звиняйте, мистер, – сказал я.

– В лагере будешь извиняться, когда попадешь под команду сержанта. Насколько я их знаю, сидеть тебе на гауптвахте.

В это время поднялись шум и суматоха. Дядюшка Элмер выяснил, что в армию его мобилизовать отказываются, а потому отвязал свою деревянную ногу и принялся ею кого-то гонять. В конце концов я его поймал, стараясь не слушать, что он там выкрикивает (подобные выражения такому молодому человеку, как я, слушать еще рано), после чего усадил на мула, привязал к седлу и хорошенько хлопнул животину (мула, конечно, не дядюшку) по заднице, чтобы домой топал. Последнее, что я видел, было лицо дядюшки Элмера, которое прыгало вверх-вниз у мула под брюхом. У бедной животины наверняка вся шерсть потом повылезла, такие словечки дядюшка использовал. Тут я заметил, что весь народ на улице глазеет на меня, и вспомнил, что на мне ничегошеньки нет. В общем, смутился я ваще.

Наш учитель говорит, что, когда происходит уйма вещей, о которых не хочется рассказывать, нужно просто нарисовать на бумаге линию из звездочек. Я этого не умею, поэтому мой дружок, который все это записывает, делает это за меня.

Короче, оделся я снова, прошел еще через всякую чепуховину и наконец оказался в лагере, солдатом действенной армии. Доктор, кстати, надул меня, когда говорил, что я все время буду где-то там сидеть. Нигде я не сидел. Но моя ма всегда мне говорила, что старших нужно слушаться – по крайней мере, пока я не повзрелею. Вот я только и делал, что слушался.

Люди иногда злятся ну из-за самых дурацких пустяков. Вот, например, стреляли мы по мишеням, я в свое яблочко попал, а после взял и соседние мишени все перестрелял. Чего ж тут кричать? А потом поднялся шум из-за того, что я проделал дырки для пальцев в своих башмаках – так ведь ходить сразу стало удобнее. А потом снова был переполох – это когда я наступил на лицо одному парню, но это уж по чистой случайности. Просто я немного споткнулся, а он тут и подвернись. Этот парень все время привязывался к моему дружку, мне даже пришлось попросить его оставить моего приятеля в покое. А парень в ответ меня по носу стукнул. В общем, после того, как я на него наступил, парня быстренько потащили в лазарет, а меня посадили в комнату нести какую-то вахту.

Дружка моего звали Джимми Мэк, и он был ужас до чего образованный. Тощий, маленький, едва-едва росточком до нормы дотягивал. Я думаю, мы с ним потому и сдружились, что оба были коротышками. Он говорил, что его дедуля книжек перечитал даже больше, чем он сам. Звали дедулю Элифалет Мэк, и он изобретал всякие штуковины. Все считали его сумасшедшим, но Джимми говорил, что это вовсе не так. Дедуля работал над такой штукой, от которой самолеты лучше летают, – сплав, вот как ее Джимми называл.

То есть, как я понял, когда самолет сделан из этой штуки, то он может быть страсть каким большим и летать страсть как далеко. Однако дедуля Мэк этот сплав еще не изобрел, а только чуток подвзорвался, когда попытался нам показать, как работает его изобретение. Когда мы уходили, он плакал и расчесывал свои обгорелые бакенбарды, но Джимми сказал, что когда-нибудь дедуля обязательно своего добьется.

Наш лагерь располагался как раз возле большого леса, и я иногда улучал минутку, чтоб смотаться туда по важным делам. Это касалось меня одного, потому я даже Джимми ничего не рассказывал. Вот из-за этого у меня и случились неприятности. Однажды меня привели в комнату, где было полным-полно офицеров в блестящих пуговицах, и начали задавать вопросы, которых я не понимал.

Вообще-то, наш майор относился ко мне хорошо, но тогда он сидел злой как черт. И все вертел в руках какую-то смятую бумажку да на меня исподлобья поглядывал.

– Рядовой Хогбен! – говорит вдруг. – Где вы были сегодня днем?

– Ну вы даете, майор, – ответил я. – Прогуляться ходил, только и всего.

– За пределами лагеря?

– Ну... Да, сэр, – сказал я, потому как не хотел врать.

– Это запрещено. И вы так гуляете не первый раз. Вас неоднократно видели в лесу.

– Страсть как люблю погулять по холмам, майор, – сказал я.

Один офицер с белыми усами издал такой звук, как если бы проглотил какую-то гадость, и посмотрел на меня очень зло.

– Думаешь, мы в это поверим? – спросил он.

– Да вы что! Я вправду люблю гулять по холмам, – пожал плечами я.

– Нет, по холмам ты гулял совсем не поэтому. А как ты объяснишь вот эту бумажку, которую нашел в твоём кармане проверяющий?

Майор показал мне клочок бумаги, обгоревшей по краям.

– Я ее тоже нашел. В смысле, перед проверяющим, – сказал я. – Как раз сегодня, когда гулял по холмам. Она трепыхалась на ветру, я ее и подобрал.

– А тебе известно, что здесь написано?

– Я не больно-то до букв знаток. Думал, Джимми мне прочитает.

– Джимми? – уточнил усатый, и майор ответил:

– Рядовой Мэк. Он вне подозрений.

– Все вне подозрений! Особенно вот с этим зашифрованным донесением, где указано место расположения лагеря и дается оценка... э-э-э... некоторых данных.

– Послушайте, полковник, – перебил майор, – рядовой Хогбен не шпион, я в этом уверен. Думаю, на холме кто-то прятался, зарисовывал лагерь и следил за нашими маневрами, а потом появился Хогбен и спугнул его. Шпион хотел сжечь донесение, но ветер вырвал у него из рук листок, и тот не успел сгореть.

– Как-то неубедительно, майор, – проворчал полковник.

– Во всяком случае, никаких секретных маневров в нашем лагере не проводилось. Ума не приложу, зачем шпиону...

– Они действуют очень скрупулезно, – авторитетно заявил полковник, а я еще подивился: кто это «они»? – Работают как машины. Схватывают каждую деталь. Даже если она кажется незначительной. Нам нельзя рисковать. Рядовой Хогбен, вы арестованы.

– На время расследования, – вроде как дружелюбно сказал мне майор, но я покачал головой.

– А нельзя обождать до завтра, майор? – спросил я.

Мы с Джимми собирались навестить евойного дедулю. Он написал, что изобретение готово и хочет нам его показать.

– Твоя увольнительная отменяется! – рявкнул полковник. – С кем ты встречался в лесу?

– Ни с кем, – ответил я. – Сэр, я обещался Джимми, что с ним пойду, а ма всегда мне говорила, что слово свое нужно держать.

– На гауптвахту! – выкрикнул полковник ужасно громко, и меня увел дежурный офицер.

На душе у меня было противно-противно. А потом я узнал, что Джимми уже ушел, попросив мне передать, чтоб я догонял его. Наверное, он не знал, что меня посадили на гауптвахту.

Сколько ни ломал я голову, так и не понял, чего я такого натворил. А Джимми-то я обещался... И вот, когда стемнело, я вылез через окно, немного раздвинув железные прутья и ободрав о них плечи. В этот момент как раз из-за холма встала луна, ну, караульный меня и заметил. Это был тот самый парень, который приставал к Джимми, вот он и бросился на меня. Я вовсе не хотел его трогать, думал, что он сразу отскочит, когда увидит мой кулак. В общем, кончилось все тем, что он остался лежать, тихонько так постанывая, а я решил, что бросать его на голой земле нельзя, потому как было довольно холодно.

В общем, затащил я его в свою камеру, из которой только что выбрался, и уложил там поудобнее. Потом вынул у него изо рта выбитый зуб, чтоб он его ненароком не проглотил, и ушел. Пробираясь мимо часовых было опасно, но я проскочил, даже прихватил по дороге кувшин с кукурузовкой, а потом направился напрямиком к дороге.

Ночь стояла славная, было светло, как днем, и сойки перекликались в лунном свете, и машины проносились по дороге, и снег шапкой лежал на деревьях. Мне стало так хорошо-хорошо, что даже захотелось выпить. Я хлебнул из кувшина и зашагал вперед.

Прошло, наверное, полчаса, как вдруг на дорогу, аки летучая мышь из ада, вылетела машина и с грохотом пронеслась мимо. За рулем сидел дедуля Джимми, Элифалет Мэк, его бакенбарды так и развевались. Я было принялся его звать, но он меня не услышал.

Наконец я выбрался из канавы, куда прыгнул, чтобы не угодить под колеса, снова хлебнул кукурузовки, а потом опять сиганул в канаву, потому как мимо просвистел большой черный седан, битком набитый народом.

Один из этого народа крикнул мне что-то навроде «Думкопф!», да только я не понял, что это значит. Я снова отхлебнул из кувшина и приготовился опять прыгать в канаву, потому как на горизонте показалась еще одна машина.

Но возле меня она вдруг остановилась, и я увидел, что за рулем сидит Джимми, а рядом с ним – какой-то лысый человечек.

– Сонк! – крикнул мне мой дружок. – Залазь быстрее!

– Что такое происходит? – спросил я, подходя к машине. – Я только что видел твоего дедулю.

Тут Джимми меня сграбастал и втащил на заднее сиденье, а лысый человечек вылез, сказал: «Поезжайте без меня» – и бросился бежать по дороге.

А мы рванули вперед с такой скоростью, с какой я еще никогда не ездил.

– Вот ведь перегни тебя через ногу, – сказал я, перебираясь на переднее сиденье, – да успокойся ты, Джимми. Что приключилось-то такое?

– Пятая колонна, – ответил мой дружок. – Похоже, они здесь давно ошивались, собирая информацию, а тут узнали про дедулино изобретение. Когда я пришел, они как раз пытались заставить его выдать им формулу.

– Что, всей колонной? – спросил я.

– Это шпионы! – заорал Джимми. – Иностранцы! У нас завязалась драка, и дедуля удрал вместе с документами. Они кинулись за ним вдогонку, а я, когда пришел в себя, тоже прыгнул в машину и ходу. Ничего автобусик, верно?

Джимми – он механик. Все время говорит о двигателях и всяких таких штуках.

– А тот лысый, он кто? – спросил я.

– Это его машина. Всю дорогу умолял его высадить, да у меня не было времени останавливаться.

Мы резко свернули, потом машину занесло на грязи, потом мы поднялись на берег реки, там развернулись и понеслись вниз. Распутавшись, я снова перебрался на переднее сиденье и отхлебнул кукурузовки.

– Слушай, Джимми, а ты, случаем, не тогось? – подозрительно осведомился я. – Да объясни ты толком, что происходит?

– Я и пытаюсь тебе это объяснить, дурья твоя башка! – крикнул Джимми. – Те люди хотят отобрать у дедули его формулы. Секретный сплав для военных аэропланов. Дедуля уже довел его до совершенства, как они...

– А почему дедуля не вызвал полицию? – спросил я.

– Откуда здесь полиция? Держу пари, дедуля сейчас несется в наш лагерь. Больше помощи ждать неоткуда.

Какая-то случайная машина попыталась загородить нам дорогу. Джимми отчаянно засигналил и круто пошел на обгон. Я услышал скрежет, чьи-то вопли, а когда открыл глаза, той машины уже не было. Оглянувшись, я увидел, что она стоит в стороне от дороги, застряв на холме промеж двух сосен.

– Вон они! – воскликнул Джимми.

Мы приближались к лагерю. Дорога сделалась совсем прямой, по бокам тянулись холмы, и лес стоял такой красивый-красивый в лунном свете. Машина дедули Элифалета была прямо впереди, но вдруг она начала крениться, потом съехала в канаву и перевернулась.

– Шина лопнула! – застонал Джимми.

Черный седан тоже несся впереди. Я увидел, как дедуля выбрался из перевернутой машины, оглянулся и почесал вверх по склону холма напрямик в лес. Седан остановился, из него выскочили какие-то люди и побежали за дедулей. Они в него стреляли.

– Вот теперь понятно, – удовлетворенно сказал я. – Видать, они с твоим дедулей сильно повздорили. Типичная семейная вражда, с нами такое бывало.

Впереди просвистела пуля. Двое из седана остались поджидать нас, остальные побежали в лес. Джимми прыгнул и нажал на тормоза. Я в это время как раз приложился к кувшину, поэтому ничего не видел. Понял только, что вдруг пробиваю лобное стекло и лечу.

О землю я грохнулся будь здоров, да еще и в черепашке застрял кусок стекла, больно было страсть, а потому я сел и первым делом его вытащил. Вокруг валялись обломки машины дедули Элифалета, в которую мы врезались, а в это время двое парней из седана схватились

с Джимми. Он, конечно, коротышка, но драться умеет так будь здоров. Наконец одному из парней удалось-таки обойти его и схватить за руки, а второй в это время изо всех сил двинул ему прямо в челюсть.

– Эй, вы! – сказал я, очень рассердившись. – А ну, пустите его, слышите?

Джимми повалился в снег и остался там лежать, а парни, обернувшись, удивленно уставились на меня. Оба здоровые, крепкие, у каждого по маленькой такой пукалке, которые больно стреляют, и оба целятся в меня.

– Еще солдат! – воскликнул один. – Убить эту швайнхунд!

Ма всегда мне говорила: оружие – не игрушка, а потому, когда парни начали стрелять, я быстренько нырнул за останки от дедулиной машины. Двигатель у нее, похоже, вообще держался на соплях. Да так оно и оказалось, потому как, когда я к нему прислонился, он тут же и отвалился. Спрятаться-то я спрятался, но пуля все равно смазала мне по уху. Двое парней шли ко мне, стреляя на ходу.

– Он не вооружен, Ганс, – прохрипел один из них. – Заходи справа...

В армии это называется атакой с фаланги. Мне как-то не хотелось, чтобы за спиной у меня оказался человек с оружием, а потому я решил опередить их. Схватил двигатель и запустил им в парней, хоть эта штука и оказалась непривычно тяжелой.

«Готт!» – выкрикнул один из них, а второй сказал: «Дер Тойфель!» А потом они покатились в сугроб вместе с двигателем и остались там лежать, я это сам видел – из сугроба одни ноги торчали. Ноги эти немного так подергались, а потом затихли, и тогда я решил, что парни эти пока ко мне не полезут. Зато бедный Джимми так и лежал на снегу с закрытыми глазами. Я оглянулся, нет ли поблизости кувшина с кукурузовкой, чтобы дать ему глотнуть, да только кувшин перевернулся, а снег, где пролилась кукурузовка, так и шипел. В этой же луже трепыхалась сойка и что-то испуганно верещала.

Я подхватил Джимми на руки и понес в лагерь, где у меня был спрятан еще один кувшин с кукурузовкой. Из леса доносились вопли дедули Элифалета, но ма всегда мне говорила: в семейные разборки вмешиваться не след. Джимми – то совсем другое дело, Джимми был моим дружком. Зато я хорошо помнил, как в прошлом июле, когда Гудвины напали на Джема Мартина, ну, на того, что с костылем всегда ходит, так вот после того, как я этих Гудвинов расшвырял во все стороны, старина Джем долго гнался за мной, палил мне вслед да орал, чтоб я не лез не в свое дело. Ма потом сказала – когда доставала из меня пулю, – что так мне и надо.

Но тут я заметил, что крики доносятся с холма, где стоит одинокая расщепленная сосна, и сразу передумал. Осторожненько так уложил Джимми в канаву и побежал вверх по холму. Ногам было больно, поэтому я скинул башмаки, спрятал их в трухлявой колоде и побежал дальше.

Не люблю я эти все новозаведения.

Там протекал ручей – так, небольшой овражек, – который перерезал холм, и вот на краю этого самого овражка, под соснами, я и увидел дедулю Элифалета, который отбивался от пятерых парней. Да куда ему с ними справиться! Они его повалили на землю и держали, а он только ругался да тряс своими обгорелыми бакенбардами.

– Ах! – воскликнул один из парней, здоровенный такой, с усами. – Вердамнт солдат!

– Эй-эй, погодьте, – тут же сказал я. – Не цельтесь в меня из этой железоплевалки, мистер. Я ж к вам по-доброму.

– Он не вооружен, Курт, – прошептал другой парень. – Возможно...

Курт оглянулся по сторонам.

– Ты здесь один? – спросил он, не опуская оружия.

– А сколько ж меня может быть? – удивился я. – Вы, это, лучше бы убирались отсюда подобру-поздорову, пока я до вас не добрался. И без вас тут беспорядка хватает. Давайте сма- тывайте удочки.

Но тут дедуля принялся визжать, как кабан, которого режут.

– Помогите! – вопил он. – Убивают!

– А вам я помочь не могу, – ответил я. – Ма всегда мне наказывала, чтобы я в чужие дела нос свой не совал. Кстати, а что вы с ним делать-то собрались? – спросил я Курта.

– Мы... Мы просто уйдем, – ответил он, как-то странно на меня поглядывая.

– Вот и ладно, – кивнул я. – Вы идите, а я тут своими делами займусь.

Но только я повернулся, как раздался выстрел и что-то больно стукнуло меня по голове. Благо, я чуть в сторонку сдвинулся, а то я хорошенько мозгами пораскинул бы. Однако ж пуля меня все-таки задела, потому как я вырубился, а когда пришел в себя, то увидел, что стою на снегу, да еще к дереву примотанный. Вряд ли я долго в беспамятстве валялся, но дедуля Элифалет был уже привязан рядом со мной к другой сосне.

– Ничего себе, дружки, – укорил я парней. – Я ж и не собирался лезть в ваши дела.

– Молчать, швайнхунд! – прорычал Курт. – Теперь быстрее за дело, у нас мало времени. Где ты спрятал бумаги, старый дурак?

Дедуля только головой затряс, вроде как не в себе. Курт усмехнулся.

– Снимите с него ботинки. И дайте мне спички. И, Фриц, проследи, чтобы этому дегенерату видно было.

– Какой же я дегенерал, я всего лишь только рядовой, – поправил я, но меня никто не слушал.

Пока дедуле расшнуровывали ботинки, он орал и ругался, но все это было разминкой, как я думаю. Зато когда ему стали подпаливать пятки – вот где дедуля показал себя во всей красе. Я постарался запомнить некоторые из его выражений, чтобы потом передать их дядюшке Элмеру, хотя, конечно, узнай об этом ма, шкуру бы с меня спустила. А потом они стали жечь спички и под моими пятками, и я даже обрадовался, потому как уже давно стоял босиком на снегу. Примерз маленько.

– У него, похоже, подошвы из дубленой кожи, – проворчал Фриц. – Ах! Он как динозавр – не понимает, что ему больно.

Я хотел было подсказать, что если уж он хочет сделать мне больно, пусть пнет ногой чуть пониже пояса, но потом передумал. Через некоторое время дедуля Элифалет простонал:

– Бумаги в пещере, черт бы вас взял! Тут есть пещера, я спрятал бумаги там.

– Йа! – сказал Курт, ужасно довольный. – Надеюсь, ты не врешь. Пошли! Фриц, останься здесь и стереги эту парочку.

– А может...

– Подожди, пока я не найду бумаги. Потом можешь их пристрелить.

– Злые вы какие-то, – сказал я. – Эй! Дедуль! Ты про какую пещеру говорил? Про ту, что в овраге?

Он в ответ только застонал, а Курт и с ним еще двое стали спускаться вниз. Фриц взвел курок и усмехнулся.

Я заорал вслед Курту:

– Не смейте лезть в ту пещеру, слышите? – заорал я вслед Курту.

– Фриц, если что, солдата можешь пристрелить! – крикнул он в ответ и скрылся из виду.

Тогда-то я и скумекал, что все, пора что-то делать. И начал выдергивать руки из веревок, которыми был привязан к дереву. Фриц это заметил и велел мне перестать, но я его не послушался. Тогда он зашел сзади и ударил меня рукоятью своей пукалки по рукам, что-то бормоча себе под нос. Я продолжал ерзать.

Тогда он встал передо мной и приставил дуло пистолета мне к брюху.

– Так. Сейчас я тебя убью, – сказал он. – Хайль...

Видать, не больно-то он разбирался в драках, иначе не подошел бы ко мне так близко. Резко наклонив голову, я двинул ему прям между глаз – черепушка у меня чуть не раскололась, да еще и заболела ужас как. Фрицева пукалка брякнулась мне на ногу, а сам Фриц зашатался, глупо так улыбаясь, и потом тоже упал. На лбу у него вздувалась здоровенная шишка.

Только мне было не до него, потому как я быстренько освободился и подобрал пистолет. Дедуля Элифалет кричал мне, чтоб я его поскорее развязал, но я уж больно спешил. Курт и его парни уже спустились в овраг. Пролезая сквозь сугробы, я бросился вдоль берега ручья и наконец нагнал Курта и компанию. Они подходили к пещере, то и дело проваливаясь в воду там, где лед был потоньше.

– Эй! – крикнул я. – Не смейте туда лезть!

Они в ответ лишь дали по мне залп, особо не целясь и о чем-то переговариваясь на незнакомом мне языке. Я тоже пальнул в них, но промазал, потому как никогда из подобного оружия не стрелял. Правда, потом одного я все-таки задел, попал ему в руку, да только в левую, и понял, что дело мое дрянь. Ма за такую стрельбу выдрала бы меня как следует.

Наконец я расстрелял все патроны, швырнул пистолет в Курта и сиганул вниз вслед за ним. Лететь мне было футов двадцать пять, не больше, и я приземлился точнехонько на одного из парней, как раз на того, которого в руку ранил – то есть я хочу сказать, что, когда я на него прыгнул, у него была ранена только рука. А потом он остался лежать головой в сугробе, слабо дергая ножками.

Итого остались трое, но палили они с такой скоростью, что двоим вскорости пришлось перезаряжать свои пукалки. Третий выстрелил в меня и попал в ребро, но тут я решил применить стратегию. Упав, я перекатился и облапил его за ноги.

Остальные бросились было ко мне с явно кровожадными намерениями, но я просто встал, продолжая держать своего парня за ноги, и принялся раскручивать его над головой. Он заорал, и его оружие отлетело куда-то далеко в кусты. Я встал поудобнее и продолжал крутить парня, надеясь отогнать Курта с подручным. Мой план увенчался успехом. Когда я разжал руки, парень перелетел через овражек и, как пушечное ядро, врезался в скалу. Больше я его не видел.

Тем временем Курт поднялся и метнулся к пещере, а второй парень направил на меня пистолет. У меня не было времени вступать с ним в переговоры, а потому я со всего маху заехал ему прямо в брюхо. Он никак не хотел отдавать пистолет, да только руки сами разжались, когда я из него немного дух вышиб.

– Ах! – сказал он. – Дер блицкриг! – Но это были его последние слова.

Курт уже был в пещере, когда я до него добрался. Он как раз нагнулся и засовывал в карман какие-то бумаги, но сразу обернулся и выстрелил в меня, правда, промазал жутко. Оружия у меня не было, да и времени не было его искать, а потому я просто зачерпнул пригоршню снега. Как раз когда я швырнул в него снежком, мне в плечо угодила пуля, и левая рука сразу обвисла. Но я очень метко швыряюсь – это вам и ма скажет, – и мой снежок попал Курту прямо в лицо. Наверное, в этом снежке было и земли немножко, судя по тому, как повел себя Курт.

Затем я подбежал и хотел схватить его пистолет, но он никак не желал расставаться со своей пукалкой. А потому сильно двинул меня как раз туда, где больно. Я очень не люблю, когда меня туда бьют, поэтому я схватил его за руку и немного так пошвырял, да все о стену. Он сначала верещал, потом затих, вроде как вырубился, а когда я его отпустил, он пулей вылетел из пещеры и несся не останавливаясь, пока не остановился о сосну за овражком. После этого бухнулся в ручей и больше не показывался.

Из меня сочилась кровь, но у меня еще было полно дел. Я собрал всех парней и потащил их к тому месту, где был привязан дедуля Элифалет. В кувшине, что разлился, еще плескалось на дне самый чуток кукурузовки, поэтому, отвязав дедулю от дерева, я дал ему сделать глоток. После чего стал ждать, когда тот немного успокоится. Тем временем на холме показался Джимми, который, пошатываясь, вел за собой целую армию во главе с полковником и майором, а потому мне пришлось мой кувшин быстренько сунуть под куст.

Затем случилось так много всякого шума и гама, что я почти ничего не помню, кроме того, что снова оказался в лагере, в своей палатке вместе с Джимми. Я лежал на койке и перебирал пальцами ног, которые весьма вольготно себя чувствовали без этих тесных башмаков. Смешно было вспоминать, как все суетились вокруг моего плеча со всеми этими бинтами и лекарствами. Ма шлепнула бы примочку, влила бы в меня галлон кукурузовки и надавала тумачков, чтоб не лез куда не следует. Только я когда немного подумал, то решил, что и вовсе я не лез куда не следует. А совсем наоборот. Вот и Джимми подтвердил.

– То были шпионы, Сонк. Иностранцы агенты, – сказал он, попыхивая самокруткой. – Держу пари, тебе дадут медаль.

– Ну ты даешь, – сказал я. – Я ж всего-то защищал свои права.

Джимми удивленно так на меня посмотрел и продолжил:

– Дедулин сплав оказался что надо. Завтра полковник отсылает дедулю вместе с его формулами в Вашингтон. А ты спас его открытие от грязных шпионов, Сонк. Ты смельчак, каких я еще не видывал.

– Просто я не мог позволить им войти в ту пещеру, – сказал я и сразу заткнулся, потому как понял, что проговорился.

Но Джимми тут же начал приставать ко мне с расспросами и не отставал до тех пор, пока я ему все не рассказал, но прежде взял с него слово, что он будет как могила.

– Как думаешь, где я брал свою кукурузовку? – спросил я. – По-твоему, мне ее из Кентукки в посылке присылали? У меня самогонный аппарат есть.

У Джимми отвисла челюсть.

– Ты хочешь сказать, что...

– Ну да, – кивнул я. – В той пещере. Только никому не говори, а то ни одного глоточка больше не дождешься. А кукурузовка у меня – во какая! Меня сам дядюшка Элмер обучал.

Джимми расхохотался так, что чуть не лопнул, а когда немного успокоился, то сказал:

– Лады, Сонк. Значит, ты нелегально держишь в лесу самогонный аппарат. Но болтать о нем я не стану. К тому же ты герой. Ты ведь захватил в плен тех шпионов.

– Ошибка вышла... – признался я. – Я-то думал, ко мне енти, как их, нагловики пожаловали. С виду-то форменные они были...

Профессор накрылся

1

Мы – Хогбены, других таких нет. Чудак прохвессор из большого города мог бы это знать, но он разлетелся к нам незванный, так что теперь, по-моему, пусть пеняет на себя. В Кентукки вежливые люди занимаются своими делами и не суют нос, куда их не просят.

Так вот, когда мы шугали братьев Хейли самодельным ружьем (до сих пор не пойдем, как оно стреляет), тогда все и началось – с Рейфа Хейли, он крутился возле сарая да вынюхивал, чем там пахнет в оконце, – норовил поглядеть на Крошку Сэма. После Рейф пустил слух, будто у Крошки Сэма три головы или еще кой-что похуже.

Ни единому слову братьев Хейли верить нельзя. Три головы! Слыханное ли дело, сами посудите? Когда у Крошки Сэма всего-навсего две головы, больше сроду не было.

Вот мы с мамулей смастерили то ружье и задали перцу братьям Хейли. Я же говорю, мы потом сами в толк не могли взять, как оно стреляет. Соединили сухие батареи с какими-то катушками, проводами и прочей дребеденью, и эта штука как нельзя лучше прошла Рейфа с братьями насквозь.

В вердикте коронер записал, что смерть братьев Хейли наступила мгновенно; приехал шериф Эбернати, выпил с нами маисовой водки и сказал, что у него руки чешутся проучить меня так, чтобы родная мама не узнала. Я пропустил это мимо ушей. Но видно, какой-нибудь чертов янки-репортеришка жареное учуял, потому как вскорости явился к нам высокий, толстый, серьезный дядька и ну выпрашивать всю подноготную.

Наш дядя Лес сидел на крыльце, надвинув шляпу чуть ли не до самых зубов.

– Убирались бы лучше подобру-поздорову обратно в свой цирк, господин хороший, – только и сказал он. – Нас Барнум самолично приглашал, и то мы наотрез отказались. Верно, Сонк?

– Точно, – подтвердил я. – Не доверяю я Финеасу. Он обозвал Крошку Сэма уродом, надо же!

Высокий и важный дядька – прохвессор Томас Гэлбрейт – посмотрел на меня.

– Сколько тебе лет, сынок? – спросил он.

– Я вам не сынок, – ответил я. – И лет своих не считал.

– На вид тебе не больше восемнадцати, – сказал он, – хоть ты и рослый. Ты не можешь помнить Барнума.

– А вот и помню. Будет вам трепаться. А то как дам в ухо.

– Никакого отношения к цирку я не имею, – продолжал Гэлбрейт. – Я биогенетик.

Мы давай хохотать. Он вроде бы раскипятился и захотел узнать, что тут смешного.

– Такого слова и на свете-то нет, – сказала мамуля.

Но тут Крошка Сэм зашелся криком. Гэлбрейт побелел как мел и весь затрясся. Прямо рухнул наземь. Когда мы его подняли, он спросил, что случилось.

– Это Крошка Сэм, – объяснил я. – Мамуля его успокаивает. Он уже перестал.

– Это ультразвук, – буркнул прохвессор. – Что такое «Крошка Сэм» – коротковолновый передатчик?

– Крошка Сэм – младенец, – ответил я коротко. – Не смейте его обзывать всякими словами. А теперь, может, скажете, чего вам нужно?

Он вынул блокнот и стал его перелистывать.

¹ Переводы цикла рассказов Генри Каттнера о Хогбенах, выполненные Н. М. Евдокимовой, являются классикой русских переводов в жанре фантастики.

– Я у-ученый, – сказал он. – Наш институт изучает евгенику, и мы располагаем о вас кое-какими сведениями. Звучат они неправдоподобно. По теории одного из наших сотрудников, в малокультурных районах естественная мутация может остаться нераспознанной и...

Он приостановился и в упор посмотрел на дядю Леса.

– Вы действительно умеете летать? – спросил он.

– Ну, об этом мы распространяться не любим. Однажды проповедник дал нам хороший нагоняй. Дядя Лес назююкался и взмыл над горами – до одури напугал охотников и медведей. Да и в Библии нет такого, что людям положено летать. Обычно дядя Лес делает это исподтишка, когда никто не видит.

Как бы там ни было, дядя Лес надвинул шляпу еще ниже и прорычал:

– Это уж вовсе глупо. Человеку летать не дано. Взять хотя бы эти новомодные выдумки, о которых мне все уши прожужжали. Между нами, они вообще не летают. Просто бредни, вот и все.

Гэлбрейт хлопнул глазами и снова заглянул в блокнот.

– Но тут, с чужих слов, есть свидетельства о массе необычных качеств, присущих вашей семье. Умение летать – только одно из них. Я знаю, теоретически это невозможно – если не говорить о самолетах, – но...

– Хватит трепаться!

– В состав мази средневековых ведьм входил алконит, дающий иллюзию полета, разумеется совершенно субъективную.

– Перестанете вы нудить?

Взбешенного дядю Леса прорвало, я так понимаю – от смущения. Он вскочил, швырнул шляпу на крыльцо и взлетел. Через минуту стремительно опустился, подхватил свою шляпу и скорчил рожу прохвессору. Потом опять взлетел и скрылся за ущельем, мы его долго не видели.

Я тоже взбесился.

– По какому праву вы к нам пристаёте? – сказал я. – Дождетесь, что дядя Лес возьмет пример с папули, а это будет чертовски неприятно. Мы папулю в глаза не видели с тех пор, как тут крутился один тип из города. Налоговый инспектор, кажется.

Гэлбрейт ничего не сказал. Вид у него был какой-то растерянный. Я дал ему выпить, и он спросил про папулю.

– Да папуля где-то здесь, – ответил я. – Только его теперь не увидишь. Он говорит, так ему больше нравится.

– Ага, – сказал Гэлбрейт и выпил еще рюмочку. – О господи. Сколько, говоришь, тебе лет?

– А я про это ничего не говорю.

– Ну, какое воспоминание у тебя самое первое?

– Что толку запоминать? Только голову себе зря забиваешь.

– Фантастика, – сказал Гэлбрейт. – Не ожидал, что отошлю в институт такой отчет.

– Не нужно нам, чтобы тут лезли всякие, – сказал я. – Уезжайте отсюда и оставьте нас в покое.

– Но помилуй! – Он заглянул за перила крыльца и заинтересовался ружьем. – Это еще что?

– Такая штука, – ответил я.

– Что она делает?

– Всякие штуки, – ответил я.

– Угу. Посмотреть можно?

– Пожалуйста, – ответил я. – Да я вам отдам эту хреновину, только бы вы отсюда уехали.

Он подошел и осмотрел ружье. Папуля встал (он сидел рядом со мной), велел мне избавиться от чертового янки и вошел в дом. Вернулся прохвессор.

– Потрясающе! – говорит. – Я кое-что смыслю в электронике, и, по моему мнению, это нечто выдающееся. Каков принцип действия?

– Чего-чего? – отвечаю. – Она дырки делает.

– Она стрелять патронами никак не может. В казенной части у нее две линзы вместо... как, говоришь, она действует?

– Откуда я знаю.

– Это ты ее сделал?

– Мы с мамулей.

Он давай сыпать вопросами.

– Откуда я знаю, – говорю. – Беда с ружьями в том, что их надо каждый раз перезаряжать. Вот мы и подумали: смастерим ружье по-своему, чтоб его никогда не заряжать. И верно, не приходится.

– А ты серьезно обещал мне его подарить?

– Если отстанете.

– Послушай, – сказал он, – просто чудо, что вы, Хогбены, так долго оставались в тени.

– На том стоим.

– Должно быть, теория мутации верна! Вас надо обследовать. Это же одно из крупнейших открытий после... – И пошел чесать в том же духе. Я мало что понял.

В конце концов я решил, что есть только два выхода, а после слов шерифа Эбернати мне не хотелось убивать, пока шерифов гнев не остынет. Не люблю скандалов.

– Допустим, я поеду с вами в Нью-Йорк, раз уж вам так хочется, – сказал я. – Оставьте вы мою семью в покое?

Он вроде бы пообещал, правда нехотя. Но все же уступил и побожился: я пригрозил, что иначе разбужу Крошку Сэма. Он-то, конечно, хотел повидать Крошку Сэма, но я объяснил, что это все равно без толку. Как ни верти, не может Крошка Сэм поехать в Нью-Йорк. Он должен лежать в цистерне, без нее ему становится худо. В общем, прохвессор остался мной доволен и уехал, когда я пообещал ему встретиться с ним наутро в городке. Но все же на душе у меня, по правде сказать, было паскудно. Мне не доводилось еще ночевать под чужой крышей после той заварушки в Старом Свете, когда нам пришлось в темпе уносить ноги.

Мы тогда, помню, переехали в Голландию. Мамуля всегда неравнодушна была к человеку, который помог нам выбраться из Лондона. В его честь дала имя Крошке Сэму. А фамилию того человека я уже позабыл. Не то Гвинн, не то Стюарт, не то Пипин – у меня в голове все путается, когда я вспоминаю то, что было до войны Севера с Югом.

Вечер прошел, как всегда, нудно. Папуля, конечно, сидел невидимый, и мамуля все злилась, подозревая, что он тянет маисовой больше, чем положено, но потом сменила гнев на милость и налила ему настоящего виски. Все наказывали мне вести себя прилично.

– Этот прохвессор ужас до чего умный, – сказала мамуля. – Все прохвессора такие. Не морочь ему голову. Будь паинькой, а не то я тебе покажу, где раки зимуют.

– Буду паинькой, мамуля, – ответил я.

Папуля дал мне затрещину, что с его стороны было нечестно: ведь я-то его не мог видеть!

– Это чтоб ты лучше запомнил, – сказал он.

– Мы люди простые, – ворчал дядя Лес. – И нечего прыгать выше головы, никогда это к добру не приводит.

– Я и не пробовал, честно! – сказал я. – Только я так считаю...

– Не наделай бед! – пригрозила мамуля, и тут мы услышали, как в мезонине дедуля заворочался. Порой дедуля не двигается неделями, но в тот вечер он был прямо-таки живчик.

Мы, само собой, поднялись узнать, чего он хочет.

Он заговорил о прохвессоре.

– Чужак-то, а? – сказал дедуля. – Продувная бестия! Редкостные губошлепы собрались у моего ложа, когда я сам от старости слабею разумом! Один Сонк не без хитрости, да и тот, прости меня, Господи, дурак дураком.

Я только поерзал на месте и что-то пробормотал, лишь бы не смотреть дедуле в глаза – я этого не выношу. Но он на меня не обратил внимания. Все бушевал:

– Значит, ты собрался в этот Нью-Йорк? Кровь Христова, да разве ты запомнил, что мы, как огня, стережемся Лондона и Амстердама – да и Нью-Амстердама² – из боязни дознания? Уж не хочешь ли ты попасть в ярмарочные уроды? Хоть это и не самое страшное.

Дедуля у нас старейший и иногда вставляет в разговор какие-то допотопные словечки. Наверное, жаргон, к которому привыкнешь в юности, прилипает на всю жизнь. Одного у дедули не отнимешь: ругается он лучше всех, кого мне довелось послушать.

– Ерунда, – сказал я. – Я ведь хотел как лучше!

– Так он еще речет супротив, паршивый неслух! – возмутился дедуля. – Во всем виноваты ты и твоя родительница. Это вы пресечению рода Хейли способствовали. Когда б не вы, ученый бы сюда и не пожаловал.

– Он прохвессор, – сообщил я. – Звать его Томас Гэлбрейт.

– Знаю. Я прочитал его мысли через мозг Крошки Сэма. Опасный человек. Все мудрецы опасны. Кроме разве Роджера Бэкона, и того мне пришлось подкупить, дабы... не важно. Роджер был незаурядный человек. Внемлите же: никто из вас да не едет в Нью-Йорк. Стоит лишь нам покинуть сию тихую заводь, стоит кому-то нами заинтересоваться – и мы пропали. Вся их волчья стая вцепится и разорвет нас в клочья. А твои безрассудные полеты, Лестер, помогут тебе как мертвому припарка – ты внемлешь?

– Но что же нам делать? – спросила мамуля.

– Да чего там, – сказал папуля. – Я этого прохвоста угомоню. Спущу в цистерну, и делу конец.

– И испортишь воду? – взвилась мамуля. – Попробуй только!

– Что за порочное племя вышло из моих чресел! – сказал дедуля, расвирепев окончательно. – Ужли не обещали вы шерифу, что убийства прекратятся... хотя бы на ближайшее время? Ужли и слово Хогбена – ничто? Две святыни пронесли мы сквозь века – нашу тайну и честь Хогбенов! Только посмейте умертвить этого Гэлбрейта – вы мне ответите!

Мы все побледнели. Крошка Сэм опять проснулся и захныкал.

– Что же теперь делать? – спросил дядя Лес.

– Наша великая тайна должна остаться нерушимой, – сказал дедуля. – Поступайте как знаете, только без убийств. Я тоже обмозгую сию головоломку.

Тут он, казалось, заснул, хотя точно про него никогда ничего не знаешь.

На другой день мы встретились с Гэлбрейтом в городке, как и договорились, но еще раньше я столкнулся на улице с шерифом Эбернати, который, завидев меня, зло сверкнул глазами.

– Лучше не нарывайся, Сонк, – сказал он. – Помни, я тебя предупреждал.

Очень неудобно получилось.

Как бы там ни было, я увидел Гэлбрейта и рассказал ему, что дедуля не пускает меня в Нью-Йорк. Гэлбрейт не очень-то обрадовался, но понял, что тут уж ничего не поделаешь.

Его номер в отеле был забит научной дребеденью и мог напугать всякого. Ружье стояло тут же, и Гэлбрейт как будто в нем ничего не менял. Он стал меня переубеждать.

– Ничего не выйдет, – отрезал я. – Нас от этих гор не оттащишь. Вчера я брякнул сдуру, никого не спросясь, вот и все.

² Старинное название Нью-Йорка. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчиков.

– Послушай, Сонк, – сказал он. – Я расспрашивал в городке о Хогбенах, но почти ничего не узнал. Люди здесь скрытные. Но все равно их свидетельство было бы только лишним подтверждением. Я не сомневаюсь, что наши теории верны. Ты и вся твоя семья – мутанты, вас надо обследовать.

– Никакие мы не мутанты, – ответил я. – Вечно ученые обзывают нас какими-то кличками. Роджер Бэкон окрестил нас гомункулами, но...

– Что?! – вскрикнул Гэлбрейт. – Что ты сказал?

– Э... издольщик один из соседнего графства, – тут же опомнился я, но видно было, что прохвессора не проведешь. Он стал расхаживать по номеру.

– Бесплезно, – сказал он. – Если ты не поедешь в Нью-Йорк, я попрошу, чтобы институт выслал сюда комиссию. Тебя надо обследовать во славу науки и ради прогресса человечества.

– Этого еще не хватало, – ответил я. – Воображаю, что получится. Выставьте нас, как уродов, всем на потеху. Крошку Сэма это убьет. Уезжайте-ка отсюда и оставьте нас в покое.

– Оставить вас в покое? Когда вы умеете создавать такие приборы? – Он махнул рукой в сторону ружья. – Как же оно работает? – спросил он ни с того ни с сего.

– Да не знаю я... Смастерили, и дело с концом. Послушайте, прохвессор. Если на нас глазеть понаедут, быть беде. Большой беде. Так говорит дедуля.

Гэлбрейт стал теревить собственный нос:

– Что ж, допустим... а ответишь мне на кое-какие вопросы, Сонк?

– Не будет комиссии?

– Посмотрим.

– Нет, сэр. Не стану...

Гэлбрейт набрал побольше воздуха:

– Если ты расскажешь все, что мне нужно, я сохраню ваше пребывание в тайне.

– А я-то думал, у вас в институте знают, куда вы поехали.

– А-а, да, – спохватился Гэлбрейт. – Естественно, знают. Но про вас там ничего не известно.

Он поддал мне мысль. Убить его ничего не стоило, но тогда дедуля стер бы меня в порошок, да и с шерифом приходилось считаться. Поэтому я сказал: «Ладно уж» – и кивнул.

Господи, о чем только этот тип не спрашивал! У меня аж круги поплыли перед глазами. А он распаялся все больше и больше.

– Сколько лет твоему дедушке?

– Понятия не имею.

– Гомункулы, гм... Говоришь, он когда-то был рудокопом?

– Да не он, его отец, – сказал я. – На оловянных копиях в Англии. Только дедуля говорит, что в то время она называлась Британия. На них тогда еще навели колдовскую чуму. Пришлось звать лекарей... друнов? Друдов?

– Друидов?

– Во-во. Эти друиды, дедуля говорит, были лекарями. В общем, рудокопы мерли как мухи, по всему Корнуэллу, и копи пришлось закрыть.

– А что за чума?

Я объяснил ему, как запомнил из рассказов дедули, и прохвессор страшно разволновался, пробормотал что-то, насколько я понял, о радиоактивном излучении. Ужас какую околесицу он нес.

– Искусственная мутация, обусловленная радиоактивностью! – говорит, а у самого глаза и зубы разгорелись. – Твой дед родился мутантом! Гены и хромосомы перестроились в новую комбинацию. Да ведь вы, наверное, сверхлюди!

– Нет уж, – возразил я. – Мы Хогбены. Только и всего.

– Доминанта, типичная доминанта. А у тебя вся семья... э-э-э... со странностями?

– Эй, легче на поворотах! – пригрозил я.

– В смысле – все ли умеют летать?

– Сам-то я еще не умею. Наверное, мы какие-то уроды. Дедуля у нас – золотая голова. Всегда учил, что нельзя высовываться.

– Защитная маскировка, – подхватил Гэлбрейт. – На фоне косной социальной культуры отклонения от нормы маскируются легче. В современном цивилизованном мире вам было бы так же трудно утаиться, как шилу в мешке. А здесь, в глуши, вы практически невидимы.

– Только папуля, – уточнил я.

– О боже, – вздохнул он. – Скрывать такие невероятные природные способности... Представляете, что вы могли бы совершить?

Вдруг он распалился пуще прежнего, и мне не очень-то понравился его взгляд.

– Чудеса, – повторял он. – Все равно что лампу Аладдина найти.

– Хорошо бы вы от нас отвязались, – говорю. – Вы и ваша комиссия.

– Да забудь ты о комиссии. Я решил пока что заняться этим самостоятельно. При условии, если ты будешь содействовать. В смысле – поможешь мне. Согласен?

– Не-а, – ответил я.

– Тогда я приглашу сюда комиссию из Нью-Йорка, – сказал он злорадно.

Я призадумался.

– Ну, – сказал я наконец, – чего вы хотите?

– Еще не знаю, – медленно проговорил он. – Я еще не полностью охватил перспективы.

Но он готов был ухватить все в охапку. Сразу было видать. Знаю я такое выражение лица.

Я стоял у окна, смотрел на улицу, и тут меня вдруг осенило. Я рассудил, что, как ни кинь, чересчур доверять прохвессору – вовсе глупо. Вот я и подобрался, будто ненароком, к ружью и кое-что там подправил.

Я прекрасно знал, чего хочу, но, если бы Гэлбрейт спросил, почему я скручиваю проволочку тут и сгибаю какую-то чертовщину там, я бы не мог ответить. В школах не обучался. Но твердо знал одно: теперь эта штучка сработает как надо.

Прохвессор строчил что-то в блокноте. Он поднял глаза и заметил меня.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Тут было что-то неладно, – соврал я. – Не иначе как вы тут мудрили с батарейками. Вот сейчас испытайте.

– Здесь? – возмутился он. – Я не хочу возмещать убытки. Испытывать надо в безопасных условиях.

– Видите вон там, на крыше, флюгер? – Я показал пальцем. – Никто не пострадает, если мы в него нацелимся. Можете испытывать, не отходя от окна.

– Это... это не опасно?

Ясно было, что у него руки чешутся испытать ружье. Я сказал, что все останутся в живых, он глубоко вздохнул, подошел к окну и неумело взялся за приклад.

Я отодвинулся в сторонку. Не хотел, чтобы шериф меня увидел. Я-то его давно приметил – он сидел на скамье возле продуктовой лавки через дорогу.

Все вышло, как я и рассчитывал. Гэлбрейт спустил курок, целясь во флюгер на крыше, и из дула вылетели кольца света. Раздался ужасающий грохот. Гэлбрейт повалился навзничь, и тут началось такое столпотворение, что передать невозможно. Вопль стоял по всему городку.

Ну, чувствую, самое время сейчас превратиться в невидимку. Так я и сделал.

Гэлбрейт осматривал ружье, когда в номер ворвался шериф Эбернати. А с шерифом шутки плохи. У него был пистолет в руке и наручники наготове; он отвел душу, изругав прохвессора последними словами.

– Я вас видел! – орал он. – Вы, столичные, думаете, что вам здесь все сойдет с рук. Так вот, вы ошибаетесь!

– Сонк! – вскричал Гэлбрейт, озираясь по сторонам. Но меня он, конечно, увидеть не мог. Тут они сцепились. Шериф Эбернати видел, как Гэлбрейт стрелял из ружья, а шерифу палец в рот не клади. Он поволок Гэлбрейта по улице, а я, неслышно ступая, двинулся следом. Люди метались как угорелые. Почти все прижимали руки к щекам.

Профессор продолжал ныть, что ничего не понимает.

– Я все видел! – оборвал его Эбернати. – Вы прицелились из окна – и тут же у всего города разболелись зубы! Посмейте только еще раз сказать, будто вы не понимаете!

Шериф у нас умница. Он с нами, Хогбенами, давно знаком и не удивляется, если иной раз творятся чудные дела. К тому же он знал, что Гэлбрейт – ученый. Так вот, получился скандал, люди доискались, кто виноват, и я оглянуться не успел, как они собрались линчевать Гэлбрейта.

Эбернати его увел. Я немножко поклонился по городку. На улицу вышел пастор, посмотреть на церковные окна – они его озадачили. Стекла были разноцветные, и пастор никак не мог понять, с чего это они вдруг расплавились. Я бы ему подсказал. В цветных стеклах есть золото – его добавляют, чтобы получить красный тон.

В конце концов я подошел к тюрьме. Меня все еще нельзя было видеть. Поэтому я подслушал разговор Гэлбрейта с шерифом.

– Все Сонк Хогбен, – повторял профессор. – Поверьте, это он перестроил проектор!

– Я вас видел, – отвечал Эбернати. – Вы все сделали сами. Ой! – Он схватился рукой за челюсть. – Прекратите-ка, да поживее! Толпа настроена серьезно. В городе половина людей сходит с ума от зубной боли.

Видно, у половины городских в зубах были золотые пломбы. То, что сказал на это Гэлбрейт, меня не очень-то удивило.

– Я ожидаю прибытия комиссии из Нью-Йорка; сегодня же вечером позвоню в институт, там за меня поручатся.

Значит, он всю дорогу собирался нас продать. Я как чувствовал, что у него на уме.

– Вы избавите меня от зубной боли – и всех остальных тоже, а не то я открою двери и впущу линчевателей! – простонал шериф. И ушел прикладывать к щеке пузырь со льдом.

Я прокрался обратно в коридор и стал шуметь, чтобы Гэлбрейт услышал. Я подождал, пока он не кончит ругать меня на все корки. Напустил на себя глупый вид.

– Видно, я маху дал, – говорю. – Но могу все исправить.

– Да ты уж наисправлял достаточно. – Тут он остановился. – погоди. Как ты сказал? Ты можешь вылечить эту... что это?

– Я осмотрел ружье, – говорю. – Кажется, я знаю, где напорол. Оно теперь настроено на золото, и все золото в городе испускает тепловые лучи или что-то в этом роде.

– Наведенная избирательная радиоактивность, – пробормотал Гэлбрейт очередную бессмыслицу. – Слушай. Вся эта толпа... у вас когда-нибудь линчуют?

– Не чаще раза-двух в год, – успокоил я. – И эти два раза уже позади, так что годовую норму мы выполнили. Жаль, что я не могу переправить вас к нам домой. Мы бы вас запросто спрятали.

– Ты бы лучше что-нибудь предпринял! – говорит. – А не то я вызову из Нью-Йорка комиссию! Ведь тебе это не очень-то по вкусу, а?

Никогда я не видел, чтобы человек с честным лицом так нагло врал в глаза.

– Дело верное, – говорю. – Я подкручу эту штуковину так, что она в два счета погасит лучи. Только я не хочу, чтобы люди связывали нас, Хогбенов, с этим делом. Мы любим жить спокойно. Вот что, давайте я пойду в ваш отель и налажу все как следует, а потом вы соберете тех, кто мается зубами, и спустите курок.

– Но... да, но...

Он боялся, как бы не вышло еще хуже. Но я его уговорил. На улице бесновалась толпа, так что долго уговаривать не пришлось. В конце концов я плюнул и ушел, но вернулся невидимый и подслушал, как Гэлбрейт улаживает с шерифом.

Они между собой поладили. Все, у кого болят зубы, соберутся и рассядутся в мэрии. Потом Эбернати приведет прохвессора с ружьем и попробует всех вылечить.

– Прекратится зубная боль? – настаивал шериф. – Точно?

– Я... вполне уверен, что прекратится.

Эбернати уловил его нерешительность.

– Тогда уж лучше испробуйте сначала на мне. Я вам не доверяю.

Видно, никто никому не доверял.

Я прогулялся до отеля и кое-что изменил в ружье. И тут я попал в переplet. Моя невидимость истоцилась. Вот ведь как скверно быть подростком.

Когда я стану на сотню-другую лет постарше, то буду оставаться невидимым сколько влезет. Но пока я еще не очень-то освоился. Главное, теперь я не мог обойтись без помощи, потому что должен был сделать одно дело, за которое никак нельзя братья у всех на глазах.

Я поднялся на крышу и мысленно окликнул Крошку Сэма. Когда настроился на его мозг, попросил вызвать папулю и дядю Леса. Немного погодя с неба спустился дядя Лес; летел он тяжело, потому что нес папулю. Папуля ругался: они насилу увернулись от коршуна.

– Зато никто нас не видел, – утешил его дядя Лес. – По-моему.

– У городских сегодня своих хлопот полон рот, – ответил я. – Мне нужна помощь. Прохвессор обещал одно, а сам затевает напустить сюда комиссию и всех нас обследовать.

– В таком случае ничего не поделаешь, – сказал папуля. – Нельзя же кокнуть этого типа. Дедуля запретил.

Тогда я сообщил им свой план. Папуля невидимый, ему все это будет легче легкого. Потом мы провертели в крыше дырку, чтобы подсматривать, и заглянули в номер Гэлбрейта. И как раз вовремя. Шериф уже стоял там с пистолетом в руке (так он ждал), а прохвессор, позеленев, наводил на Эбернати ружье. Все прошло без сучка без задоринки. Гэлбрейт спустил курок, из дула выскочило пурпурное кольцо света, и все. Да еще шериф открыл рот и сглотнул слюну.

– Ваша правда! Зуб не болит!

Гэлбрейт обливался потом, но делал вид, что все идет по плану.

– Конечно действует, – сказал он. – Естественно. Я же говорил.

– Идемте в мэрию. Вас ждут. Советую вылечить всех, иначе вам не поздоровится.

Они ушли. Папуля тайком двинулся за ними, а дядя Лес подхватил меня и полетел следом, держась поближе к крышам, чтобы нас не заметили. Вскоре мы расположились у одного из окон мэрии и стали наблюдать.

Таких страстей я еще не видел, если не считать лондонской чумы. Зал был битком набит, люди катались от боли, стонали и выли. Вошел Эбернати с прохвессором – прохвессор нес ружье, – и все завопили еще громче.

Гэлбрейт установил ружье на сцене, дулом к публике, шериф снова вытащил пистолет, велел всем замолчать и обещал, что сейчас у всех зубная боль пройдет.

Я папулю, ясное дело, не видел, но знал, что он на сцене. С ружьем творилось что-то немислимое. Никто не замечал, кроме меня, но я-то следил внимательно. Папуля, конечно невидимый, вносил кое-какие поправки. Я ему все объяснил, но он и сам не хуже меня понимал, что к чему. И вот он скоренько наладил ружье как надо.

А что потом было – конец света. Гэлбрейт прицелился, спустил курок, из ружья вылетели кольца света – на этот раз желтые. Я попросил папулю выбрать такую дальность, чтобы за пределами мэрии никого не задело. Но внутри...

Что ж, зубная боль у них прошла. Ведь не может человек страдать от золотой пломбы, если никакой пломбы у него и в помине нет.

Теперь ружье было налажено так, что действовало на все неживое. Дальность папуля выбрал точка в точку. Вмиг исчезли стулья и часть люстры. Публика сбилась в кучу, поэтому ей худо пришлось. У колченогого Джеффа пропала не только деревянная нога, но и стеклянные глаза. У кого были вставные зубы, ни одного не осталось. Многих словно наголо обрили.

И платья ни на ком я не видел. Ботинки ведь неживые, как и брюки, рубашки, юбки. В два счета все в зале оказались в чем мать родила. Но это уж пустяк, зубы-то у них перестали болеть, верно?

Часом позже мы сидели дома – все, кроме дяди Леса, – как вдруг открывается дверь и входит дядя Лес, а за ним, шатаясь, прохвессор. Вид у Гэлбрейта был самый жалкий. Он опустился на пол, тяжело, с хрипом дыша и тревожно поглядывая на дверь.

– Занятная история, – сказал дядя Лес. – Лечу это я над окраиной городка и вдруг вижу: бежит прохвессор, а за ним – целая толпа, и все замотаны в простыни. Вот я его и прихватил. Доставил сюда, как ему хотелось.

И мне подмигнул.

– О-о-о-х! – простонал Гэлбрейт. – А-а-а-х! Они сюда идут?

Мамуля подошла к двери.

– Вон сколько факелов лезет в гору, – сообщила она. – Не к добру это.

Прохвессор свирепо глянул на меня.

– Ты говорил, что можешь меня спрятать! Так вот, теперь прячь! Все из-за тебя!

– Чушь, – говорю.

– Прячь, иначе пожалеешь! – завизжал Гэлбрейт. – Я... я вызову сюда комиссию.

– Ну вот что, – сказал я. – Если мы вас укроем, обещаете забыть о комиссии и оставить нас в покое?

Прохвессор пообещал.

– Минуточку, – сказал я и поднялся в мезонин к дедуле. Он не спал.

– Как, дедуля? – спросил я.

С секунду он прислушивался к Крошке Сэму.

– Прохвост лукавит, – сказал он вскорее. – Желает всенепременно вызвать ту шелудивую комиссию, вопреки всем своим посулам.

– Может, не стоит его прятать?

– Нет, отчего же, – сказал дедуля. – Хогбены дали слово – больше не убивать. А укрыть беглеца от преследователей – право же, дело благое.

Мне показалось, он подмигнул. Дедулю не разберешь. Я спустился по лестнице. Гэлбрейт стоял у двери – смотрел, как в гору взбираются факелы. Он в меня так и вцепился.

– Сонк! Если ты меня не спрячешь...

– Спрячу, – ответил я. – Пошли.

Отвели мы его в подвал...

Когда к нам ворвалась толпа во главе с шерифом Эбернати, мы прикинулись простаками. Позволили перерыть весь дом. Крошка Сэм и дедуля на время стали невидимыми, их никто не заметил. И само собой, толпа не нашла никаких следов Гэлбрейта. Мы его хорошо укрыли, как и обещали.

С тех пор прошло несколько лет. Прохвессор как сыр в масле катается. Но только нас он не обследует. Порой мы вынимаем его из бутылки, где он хранится, и обследуем сами.

А бутылочка-то ма-ахонькая!

Котел с неприятностями

Лемюэла мы прозвали Горбун, потому что у него три ноги. Когда Лемюэл подрос (как раз в войну Севера с Югом), он стал поджимать лишнюю ногу внутрь штанов, чтобы никто ее не видел и зря язык не чесал. Ясное дело, вид у него был при этом самый что ни на есть верблужий, но ведь Лемюэл не любитель форсить. Хорошо, что руки и ноги у него сгибаются не только в локтях и коленях, но и еще в двух суставах, иначе поджатую ногу вечно сводили бы судороги.

Мы не видели Лемюэла годков шестьдесят. Все Хогбены живут в Кентукки, но он – в южной части гор, а мы – в северной. И надо полагать, обошлось бы без неприятностей, не будь Лемюэл таким безалаберным. Одно время мы уже подумали – каша заваривается не на шутку. Нам, Хогбенам, доводилось хлебнуть горя и раньше, до того как мы переехали в Пайпервилл: бывало, люди все подглядывают за нами да подслушивают, норовят дознаться, с чего это в округе собаки лаем исходят. До того дошло – совсем невозможно стало летать. В конце концов дедуля рассудил, что пора смотать удочки, перебраться южнее, к Лемюэлу.

Терпеть не могу путешествий. Последний раз, когда мы плыли в Америку, меня аж наизнанку выворачивало. Летать – и то лучше. Но в семье верховодит дедуля.

Он заставил нас нанять грузовик, чтобы переправить пожитки. Труднее всего было втиснуть малыша. В нем-то самом весу кило сто сорок, не больше, но цистерна уж больно здоровая. Зато с дедулей никаких хлопот: его просто увязали в старую дерюгу и запихнули под сиденье. Всю работу пришлось делать мне. Папуля насосался маисовой водки и совершенно обалдел. Знай ходил на руках да песню горланил – «Вверх тормашками весь мир».

Дядя вообще не пожелал ехать. Он забился под ясли в хлеву и сказал, что соснет годиков десять. Там мы его и оставили.

– Вечно они скачут! – все жаловался дядя. – И чего им на месте не сидится? Пятисот лет не пройдет, как они опять – хлоп! Бродяги бесстыжие, перелетные птицы! Ну и езжайте, скатертью дорога!

Ну и уехали.

Лемюэл, по прозвищу Горбун, – наш родственник. Аккурат перед тем, как мы поселились в Кентукки, там, говорят, пронесся ураган. Всем пришлось засучить рукава и строить дом, один Лемюэл ни в какую. Ужас до чего никудышный. Так и улетел на юг. Каждый год или через год он ненадолго просыпается, и мы тогда слышим его мысли, но остальное время он бревно бревном.

Решили пожить у него.

Сказано – сделано.

Видим, Лемюэл живет в заброшенной водяной мельнице, в горах, неподалеку от города Пайпервилл. Мельница обветшала, на честном слове держится. На крыльце сидит Лемюэл. Когда-то он сел в кресло, но кресло под ним давно уже развалилось, а он и не подумал проснуться и починить. Мы не стали будить Лемюэла. Втащили малыша в дом, и дедуля с папулей стали вносить бутылки с маисовой.

Мало-помалу устроились. Сперва было не ахти как удобно. Лемюэл, непутевая душа, припасов в доме не держит. Он проснется ровно настолько, чтобы загипнотизировать в лесу какого-нибудь енота, и, глядишь, тот уже скачет, пришибленный, согласный стать обедом. Лемюэл питается енотами, потому что у них лапы прямо как руки. Пусть меня поцарапают, если этот лодырь Лем гипнозом не заставляет енотов разводить огонь и жариваться. До сих пор не пойму, как он их свежует. А может, просто выплевывает шкурку? Есть люди, которым лень делать самые немудреные вещи.

Когда ему хочется пить, он насылает дождь себе на голову и открывает рот. Позор, да и только.

Правда, никто из нас не обращал внимания на Лемюэла. Мамуля с ног сбилась в хлопотах по хозяйству. Папуля, само собой, удрал с кувшином маисовой, и вся работа свалилась на меня. Ее было не много. Главная беда – нужна электроэнергия. На то, чтобы поддерживать жизнь малыша в цистерне, току уходит прорва, да и дедуля жрет электричество, как свинья помой. Если бы Лемюэл сохранил воду в запруде, мы бы вообще забот не знали, но ведь это же Лемюэл! Он преспокойно дал ручью высохнуть. Теперь по руслу текла жалкая струйка.

Мамуля помогла мне смастерить в курятнике одну штуковину, и после этого у нас электричества стало хоть отбавляй.

Неприятности начались с того, что в один прекрасный день по лесной тропе к нам при-топал костлявый коротышка и словно бы обомлел, увидев, как мамуля стирает во дворе. Я тоже вышел во двор – любопытства ради.

– День выдался на славу, – сказала мамуля. – Хотите выпить, гостенек?

Он сказал, что ничего не имеет против, я принес полный кувшин, коротышка выпил маисовой, судорожно перевел дух и сказал, мол, нет уж, спасибо, больше не хочет, ни сейчас, ни потом, никогда в жизни. Сказал, что есть уйма более дешевых способов надсадить себе глотку.

– Недавно приехали? – спросил он.

Мамуля сказала, что да, недавно, Лемюэл нам родственник. Коротышка посмотрел на Лемюэла – тот все сидел на крыльце, закрыв глаза, – и сказал:

– По-вашему, он жив?

– Конечно, – ответила мамуля. – Полон жизни, как говорится.

– А мы-то думали, он давно покойник, – сказал коротышка. – Поэтому ни разу не взяли с него избирательного налога. Я считаю, вам лучше и за себя заплатить, если уж вы сюда въехали. Сколько вас тут?

– Примерно шестеро, – ответила мамуля.

– Все совершеннолетние?

– Да вот у нас папуля, Сонк, малыш...

– Лет-то сколько?

– Малышу уже годочков четыреста, верно, мамуля? – сунулся было я, но мамуля дала мне подзатыльник и велела помалкивать. Коротышка ткнул в меня пальцем и сказал, что про меня-то и спрашивает. Черт, не мог я ему ответить. Сбилась со счета еще при Кромвеле. Кончилось тем, что коротышка решил собрать налог со всех, кроме малыша.

– Не в деньгах счастье, – сказал он, записывая что-то в книжечку. – Главное, в нашем городе голосовать надо по всем правилам. В Пайпервилле босс только один, и зовут его Илай Гэнди. С вас двадцать долларов.

Мамуля велела мне набрать денег, и я ушел на поиски. У дедули была одна-единственная монетка, про которую он сказал, что это, во-первых, динарий, а во-вторых, талисман; дедуля прибавил, что свистнул эту монетку у какого-то Юлия где-то в Галлии. Папуля был пьян в стельку. У малыша заваялись три доллара. Я обшарил карманы Лемюэла, но добыл там только два яичка иволги.

Когда я вернулся к мамуле, она поскребла в затылке, но я ее успокоил:

– К утру сделаем, мамуля. Вы ведь примете золото, мистер?

Мамуля вlepила мне пощечину. Коротышка посмотрел как-то странно и сказал, что золото примет, отчего бы и нет. Потом он ушел лесом и повстречал на тропе енота, который нес охапку прутьев на растопку, – как видно, Лемюэл проголодался. Коротышка прибавил шагу.

Я стал искать металлический хлам, чтобы превратить его в золото.

На другой день нас упрятали в тюрьму.

Мы-то, конечно, все знали заранее, но ничего не могли поделать. У нас одна линия: не задирать нос и не привлекать к себе лишнего внимания. То же самое наказал нам дедуля и на этот раз. Мы все поднялись на чердак (все, кроме малыша и Лемюэла, который никогда не почешется), и я устался в угол, на паутину, чтобы не смотреть на дедулю. От его вида у меня мороз по коже.

– Ну их, холуев зловонных, не стоит мारаться, – сказал дедуля. – Лучше уж в тюрьму, там безопасно. Дни инквизиции навеки миновали.

– Нельзя ли спрятать ту штуковину, что в курятнике?

Мамуля меня стукнула, чтобы не лез, когда старшие разговаривают.

– Не поможет, – сказала она. – Сегодня утром приходили из Пайпервилла соглядатаи, видели ее.

– Прорыли вы погреб под домом? – спросил дедуля. – Вот и ладно. Укройте там меня с малышом. – Он опять сбился на старомодную речь. – Поистине досадно прожить столь долгие годы и вдруг попасть впросак, осрамиться перед гнусными олухами. Надлежало бы им глотки перерезать. Да нет же, Сонк, ведь это я для красного словца. Не станем привлекать к себе внимание. Мы и без того найдем выход.

Выход нашелся сам. Всех нас выволокли (кроме дедули с малышом, они к тому времени уже сидели в погребке). Отвезли в Пайпервилл и упрятали в каталажку. Лемюэл так и не проснулся. Пришлось тянуть его за ноги.

Что до папули, то он не протрезвел. У него свой коронный номер. Он выпьет маисовой, а потом, я так понимаю, алкоголь попадает ему в кровь и превращается в сахар или еще во что-то. Волшебство, не иначе. Папуля старался мне растолковать, но до меня туго доходило. Спиртное идет в желудок; как может оно попасть оттуда в кровь и превратиться в сахар? Просто глупость. А если нет, так колдовство. Но я-то к другому клоню: папуля уверяет, будто обучил своих друзей, которых звать Ферменты (не иначе как иностранцы, судя по фамилии), превращать сахар обратно в алкоголь и потому умеет оставаться пьяным сколько душе угодно. Но все равно он предпочитает свежую маисовую, если только подвернется. Я-то не выношу колдовских фокусов, мне от них страшно делается.

Ввели меня в комнату, где было порядочно народу, и приказали сесть на стул. Стали сыпать вопросами. Я прикинулся дурачком. Сказал, что ничего не знаю.

– Да не может этого быть! – заявил кто-то. – Не сами же они соорудили... неотесанные увальни-горцы! Но несомненно, в курятнике у них урановый котел.

Чепуха какая.

Я все прикидывался дурачком. Немного погодя отвели меня в камеру. Она кишела клопами. Я выпустил из глаз что-то вроде лучей и поубивал всех клопов – на удивление занюханному человечку со светло-рыжими баками, который спал на верхней койке, и я не заметил, как он проснулся, а когда заметил, было уже поздно.

– На своем веку в каких только чудных тюрьмах я не перебивал, – сказал занюханный человечек, часто-часто помаргивая, – каких только необыкновенных соседей по камере не перевидал, но ни разу еще не встречал человека, в котором заподозрил бы дьявола. Я, Армбрестер, Хорек Армбрестер, уекли меня за бродяжничество. А тебя в чем обвиняют, друг? В том, что скупал души по взвинченным ценам?

Я ответил, что рад познакомиться. Нельзя было не восхититься его речью. Просто страсть какой образованный был.

– Мистер Армбрестер, – сказал я, – понятия не имею, за что сижу. Нас сюда привезли ни с того ни с сего – папулю, мамулю и Лемюэла. Лемюэл, правда, все еще спит, а папуля пьян.

– Мне тоже хочется напиться допьяна, – сообщил мистер Армбрестер. – Тогда меня не удивляло бы, что ты повис в воздухе между полом и потолком.

Я засмутился. Вряд ли кому охота, чтобы его застукали за такими делами. Со мной это случилось по рассеянности, но чувствовал я себя круглым идиотом. Пришлось извиниться.

– Ничего, – сказал мистер Армбрестер, переваливаясь на живот и почесывая баки. – Я этого уже давно жду. Жизнь я прожил в общем и целом весело. А такой способ сойти с ума не хуже всякого другого. Так за что тебя, говоришь, арестовали?

– Сказали, что у нас урановый котел стоит, – ответил я. – Спорим, у нас такого нет. Чугунный, я знаю, есть, сам в нем воду кипятил. А уранового сроду на огонь не ставил.

– Ставил бы, так запомнил бы, – отозвался он. – Скорее всего, тут какая-то политическая махинация. Через неделю выборы. На них собирается выступить партия реформ, а старикашка Гэнди хочет раздавить ее, прежде чем она сделает первый шаг.

– Что ж, пора нам домой, – сказал я.

– А где вы живете?

Я ему объяснил, и он задумался.

– Интересно. На реке, значит? То есть на ручье? На Медведице?

– Это даже не ручей, – уточнил я.

Мистер Армбрестер засмеялся.

– Гэнди величал его рекой Большой Медведицы, до того как построил недалеко от вас Гэнди-плотину. В том ручье нет воды уже полвека, но лет десять назад старикашка Гэнди получил ассигнования – один бог знает, на какую сумму. Выстроил плотину только благодаря тому, что ручей назвал рекой.

– А зачем ему это было надо? – спросил я.

– Знаешь, сколько шальных денег можно выколлотить из постройки плотины? Но против Гэнди не попрешь, по-моему. Если у человека собственная газета, он сам диктует условия. Ого! Сюда кто-то идет.

Вошел человек с ключами и увел мистера Армбрестера. Спустя еще несколько часов пришел кто-то другой и выпустил меня. Отвел в другую комнату, очень ярко освещенную. Там был мистер Армбрестер, были мамуля с папулей и Лемюэлом и еще какие-то дюжие ребята с револьверами. Был там и тощий сухонький тип с лысым черепом и змеиными глазками; все плясали под его дудку и величали его мистером Гэнди.

– Парнишка – обыкновенный деревенский увальнь, – сказал мистер Армбрестер, когда я вошел. – Если он и угодил в какую-то историю, то случайно.

Ему дали по шее и велели заткнуться. Он заткнулся. Мистер Гэнди сидел в сторонке и кивал с довольным подлым видом. У него был дурной глаз.

– Послушай, мальчик, – сказал он мне. – Кого ты выгораживаешь? Кто сделал урановый котел в вашем сарае? Говори правду, или тебе не поздоровится.

Я только посмотрел на него, да так, что кто-то стукнул меня по макушке. Чепуха. Ударом по черепу Хогбенов не проймешь. Помню, наши враги Адамсы схватили меня и давай дубасить по голове, пока не выбились из сил, – даже не пикнули, когда я побросал их в цистерну.

Мистер Армбрестер подал голос.

– Вот что, мистер Гэнди, – сказал он. – Я понимаю, будет большая сенсация, если вы узнаете, кто сделал урановый котел, но ведь вас и без того переизберут. А может быть, это вообще не урановый котел.

– Кто его сделал, я знаю, – заявил мистер Гэнди. – Ученые-ренегаты. Или беглые военные преступники, нацисты. И я намерен их найти!

– Ого, – сказал мистер Армбрестер. – Понял вашу идею. Такая сенсация взволнует всю страну, не так ли? Вы сможете выставить свою кандидатуру на пост губернатора или в сенат или... в общем, диктовать любые условия.

– Что тебе говорил этот мальчишка? – спросил мистер Гэнди. Но мистер Армбрестер заверил его, что я ничего такого не говорил.

Тогда принялись колошматить Лемюэла.

Это занятие утомительное. Никто не может разбудить Лемюэла, если уж его разморило и он решил вздремнуть, а таким разморенным я никого никогда не видел. Через некоторое время его сочли мертвецом. Да он и вправду все равно что мертвец: до того ленив, что даже не дышит, если крепко спит.

Папуля творил чудеса со своими приятелями Ферментами, он был пьянее пьяного. Его пытались отхлестать, но ему это вроде щекотки. Всякий раз, как на него опускали кусок шланга, папуля глупо хихикал. Мне стало стыдно.

Мамулю никто не пытался отхлестать. Когда кто-нибудь подбирался к ней достаточно близко, чтобы ударить, он тут же белел как полотно и пятился весь в поту, дрожа крупной дрожью. Один наш знакомый прохвессор как-то сказал, что мамуля умеет испускать направленный пучок инфразвуковых волн. Прохвессор врал. Она всего-навсего издает никому не слышимый звук и посылает куда хочет. Ох уж эти мне трескучие слова! А дело-то простое, все равно что белок бить. Я и сам так умею.

Мистер Гэнди распорядился водворить нас обратно – он, мол, с нами еще потолкует. Поэтому Лемюэла выволокли, а мы разошлись по камерам сами. У мистера Армбрестера на голове осталась шишка величиной с куриное яйцо. Он со стонами улегся на койку, а я сидел в углу, поглядывал на его голову и вроде бы стрелял светом из глаз, только этого света никто не мог увидеть. На самом деле такой свет... эх, образования не хватает. В общем, он помогает не хуже примочки. Немного погодя шишка на голове у мистера Армбрестера исчезла, и он перестал стонать.

– Попал ты в переделку, Сонк, – сказал он (к тому времени я ему назвал свое имя). – У Гэнди теперь грандиозные планы. И он совершенно загипнотизировал жителей Пайпервилла. Но ему нужно больше – загипнотизировать весь штат или даже всю страну. Он хочет стать фигурой национального масштаба. Подходящая новость в газетах может его устроить. Кстати, она же гарантирует ему переизбрание на той неделе, хоть он в гарантиях и не нуждается. Весь городок у него в кармане. У вас и вправду был урановый котел?

Я только посмотрел на него.

– Гэнди, по-видимому, уверен, – продолжал он. – Выслал несколько физиков, и они сказали, что это явно уран-двести тридцать пять с графитовыми замедлителями. Сонк, я слышал их разговор. Для своего же блага – перестань укрывать других. К тебе применят наркотик правды – пентатол натрия или скополамин.

– Вам надо поспать, – сказал я, потому что услышал у себя в мозгу зов дедули. Я закрыл глаза и стал вслушиваться. Это было нелегко: все время вклинивался папуля.

– Пропусти рюмашку, – весело предложил папуля, только без слов, сами понимаете.

– Чтоб тебе сдохнуть, клейменная вошь, – сказал дедуля совсем не так весело. – Убери отсюда свой неповоротливый мозг, Сонк!

– Да, дедуля, – сказал я мысленно.

– Надо составить план...

Папуля повторил:

– Пропусти рюмашку, Сонк.

– Да замолчи же, папуля, – ответил я. – Имей хоть каплю уважения к старшим. Это я про дедулю. И вообще, как я могу пропустить рюмашку? Ты же далеко, в другой камере.

– У меня личный трубопровод, – сказал папуля. – Могу сделать тебе... как это называется... переливание. Телепортация, вот это что. Я просто накоротко замыкаю пространство между твоей кровеносной системой и моей, а потом перекачиваю алкоголь из своих вен в твои. Смотри, это делается вот так.

Он показал мне как – вроде картинку нарисовал у меня в голове. Действительно легко. То есть легко для Хогбена.

Я осатанел.

– Папуля, – говорю, – пень ты трухлявый, не заставляй своего любящего сына терять к тебе больше уважения, чем требует естество. Я ведь знаю, ты книг сроду не читал. Просто подбираешь длинные слова в чьем-нибудь мозгу.

– Пропусти рюмашку, – не унимался папуля и вдруг как заорет. Я услышал смешок дедули.

– Крадешь мудрость из умов людских, а? – сказал дедуля. – Это я тоже умею. Сейчас я в своей кровеносной системе мгновенно вывел культуру возбудителя мигрени и телепортировал ее тебе в мозг, пузатый негодник! Чумы нет на изверга! Внемли мне, Сонк. В ближайшее время твой ничтожный родитель не будет нам помехой.

– Есть, дедуля, – говорю. – Ты в форме?

– Да.

– А малыш?

– Тоже. Но действовать должен ты. Это твоя задача, Сонк. Вся беда в той... все забываю слово... в том урановом котле.

– Значит, это все-таки он, – сказал я.

– Кто бы подумал, что хоть одна душа в мире может его распознать? Делать такие котлы научил меня мой прародитель; они существовали еще в его времена. Поистине, благодаря им мы, Хогбены, стали мутантами. Господи, твоя воля, теперь я сам должен обворовать чужой мозг, чтобы внести ясность. В городе, где ты находишься, Сонк, есть люди, коим ведомы нужные мне слова... вот погоди.

Он порывлся в мозг у нескольких человек. Потом продолжил:

– При жизни моего прародителя люди научились расщеплять атом. Появилась... гм... вторичная радиация. Она оказала влияние на гены и хромосомы некоторых мужчин и женщин... у нас, Хогбенов, мутация доминантная. Вот потому мы и мутанты.

– То же самое говорил Роджер Бэкон, точно? – припомнил я.

– Так. Но он был дружелюбен и хранил молчание. Кабы в те дни люди дознались о нашем могуществе, нас сожгли бы на костре. Даже сегодня открываться небезопасно. Под конец... ты ведь знаешь, что воспоследует под конец, Сонк.

– Да, дедуля, – подтвердил я, потому что и в самом деле знал.

– Вот тут-то и закавыка. По-видимому, люди вновь расщепили атом. Оттого и распознали урановый котел. Его надлежит уничтожить; он не должен попасть на глаза людям. Но нам нужна энергия. Не много, а все же. Легче всего ее получить от уранового котла, но теперь им нельзя пользоваться. Сонк, вот что надо сделать, чтобы нам с малышом хватило энергии.

Он растолковал мне, что надо сделать.

Тогда я взял да и сделал.

Стоит мне глаза скосить, как я начинаю видеть интересные картинки. Взять хоть решетку на окнах. Она дробится на малюсенькие кусочки, и все кусочки бегают взад-вперед как шальные. Я слышал, это атомы. До чего же они веселенькие – суетятся, будто спешат к воскресной проповеди. Ясное дело, ими легко жонглировать, как мячиками. Посмотришь на них пристально, выпустишь что-то такое из глаз – они сгрудятся, а это смешно до невозможности. По первому разу я ошибся и нечаянно превратил железные прутья в золотые. Пропустил, наверное, атом. Затем, после этого, я научился и превратил прутья в ничто. Выкарабкался наружу, а потом обратно превратил их в железо. Сперва удостоверился, что мистер Армбрестер спит. В общем, легче легкого.

Нас поместили на седьмом этаже большого здания – наполовину мэрии, наполовину тюрьмы. Дело было ночью, меня никто не заметил. Я и улетел. Один раз мимо меня прошмыгнула сова – думала, я в темноте не вижу, а я в нее плюнул. Попал, между прочим.

С урановым котлом я справился. Вокруг него полно было охраны с фонарями, но я повис в небе, куда часовые не могли досягнуть, и занялся делом. Для начала разогрел котел так, что штуки, которые мистер Армбрестер называет графитовыми замедлителями, превратились в ничто, исчезли. После этого можно было без опаски заняться... ураном-235, так, что ли? Я и занялся, превратил его в свинец. В самый хрупкий. До того хрупкий, что его сдуло ветром. Вскорости ничего не осталось.

Тогда я полетел вверх по ручью. Воды в нем была жалкая струйка, а дедуля объяснил, что нужно гораздо больше. Слетал я к вершинам гор, но и там ничего подходящего не нашел. А дедуля заговорил со мной. Сказал, что малыш плачет. Надо было, верно, сперва найти источник энергии, а уж потом рушить урановый котел.

Оставалось одно – наслать дождь.

Насылать дождь можно по-разному, но я решил просто заморозить тучу. Пришлось спуститься на землю, по-быстрому смастерить аппаратик, а потом лететь высоко вверх, где есть тучи. Времени убил порядком, зато довольно скоро грянула буря и хлынул дождь. Но вода не пошла вниз по ручью. Искал я, искал, обнаружил место, где у ручья дно провалилось. Видно, под руслом тянулись подземные пещеры. Я скоренько законопатил дыры. Стоит ли удивляться, что в ручье столько лет нет воды, о которой можно говорить всерьез? Я все уладил.

Но ведь дедуле требовался постоянный источник, я и давай кругом шарить, пока не разыскал большие родники. Я их вскрыл. К тому времени дождь лил как из ведра. Я завернул проведать дедулю.

Часовые разошлись по домам – надо полагать, малыш их вконец расстроил, когда начал плакать. По словам дедули, все они заткнули уши пальцами и с криком бросились врассыпную. Я, как велел дедуля, осмотрел и кое-где починил водяное колесо. Ремонт там был мелкий. Сто лет назад вещи делали на совесть, да и дерево успело стать мореным. Я любовался колесом, а оно вертелось все быстрее – ведь вода в ручье прибывала... да что я – в ручье! Он стал рекой.

Но дедуля сказал, это что, видел бы я Аппиеву дорогу, когда ее прокладывали.

Его и малыша я устроил со всеми удобствами, потом улетел назад в Пайпервилл. Ближился рассвет, а я не хотел, чтобы меня заметили. На обратном пути плюнул в голубя.

В мэрии был переполох. Оказывается, исчезли мамуля, папуля и Лемюэл. Я-то знал, как это получилось. Мамуля в мыслях переговорила со мной, велела идти в угловую камеру, там просторнее. В той камере собрались все наши. Только невидимые.

Да, чуть не забыл: я ведь тоже сделался невидимым, после того как пробрался в свою камеру, увидел, что мистер Армбрестер все еще спит, и заметил переполох.

– Дедуля мне дал знать, что творится, – сказала мамуля. – Я рассудила, что не стоит пока путаться под ногами. Сильный дождь, да?

– Будьте уверены, – ответил я. – А почему все так волнуются?

– Не могут понять, что с нами случилось, – объяснила мамуля. – Как только шум стихнет, мы вернемся домой. Ты, надеюсь, все уладил?

– Я сделал все, как дедуля велел... – начал было я, и вдруг из коридора послышались вопли.

В камеру вкатился матерый жирный енот с охапкой прутьев. Он шел прямо-прямо, пока не уперся в решетку. Тогда он сел и начал раскладывать прутья, чтобы разжечь огонь. Взгляд у него был ошалелый, поэтому я догадался, что Лемюэл енота загипнотизировал.

Под дверью камеры собралась толпа. Нас-то она, само собой, не видела, зато глазела на матерого енота. Я тоже глазел, потому что до сих пор не могу сообразить, как Лемюэл сдирает с енотов шкуру. Как они разводят огонь, я и раньше видел (Лемюэл умеет их заставить), но почему-то ни разу не был рядом, когда еноты раздевались догола – сами себя свеживали. Хотел бы я на это посмотреть.

Но не успел елот начать, один из полисменов цап его в сумку – и унес; так я и не узнал секрета. К тому времени рассвело. Откуда-то непрерывно доносился рев, а один раз я различил знакомый голос.

– Мамуля, – говорю, – это, похоже, мистер Армбрестер. Пойду погляжу, что там делают с бедолагой.

– Нам домой пора, – уперлась мамуля. – Надо выпустить дедулю и малыша. Говоришь, вертится водяное колесо?

– Да, мамуля, – говорю. – Теперь электричества вволю.

Она пошарила в воздухе, нащупала папулю и стукнула его.

– Проснись!

– Пропусти рюмашку, – завел опять папуля.

Но она его растолкала и объявила, что мы идем домой. А вот разбудить Лемюэла никто не в силах. В конце концов мамуля с папулей взяли Лемюэла за руки и за ноги и вылетели с ним в окно (я развеял решетку в воздухе, чтобы они пролезли). Дождь все лил, но мамуля сказала, что они не сахарные, да и я пусть лечу следом, не то мне всыпят пониже спины.

– Ладно, мамуля, – поддакнул я. Но на самом деле и не думал лететь. Я остался выяснить, что делают с мистером Армбрестером.

Его держали в той же ярко освещенной комнате. У окна, с самой подлой миной, стоял мистер Гэнди, а мистеру Армбрестеру закатали рукав, вроде бы стеклянную иглу собирались всадить. Ну погодите! Я тут же сделался видимым.

– Не советую, – сказал я.

– Да это же младший Хогбен! – взвыл кто-то. – Хватай его!

Меня схватили. Я позволил. Очень скоро я уже сидел на стуле с закатанным рукавом, а мистер Гэнди щерился на меня по-волчьи.

– Обработайте его наркотиком правды, – сказал он. – А бродягу теперь не стоит допрашивать.

Мистер Армбрестер, какой-то пришибленный, твердил:

– Куда делся Сонк – я не знаю! А знал бы – не сказал бы...

Ему дали по шее.

Мистер Гэнди придвинул лицо чуть ли не к моему носу.

– Сейчас мы узнаем всю правду об урановом котле, – объявил он. – Один укол – и ты все выложишь. Понятно?

Воткнул мне в руку иглу и впрыснул лекарство. Щекотно стало.

Потом начали расспрашивать. Я сказал, что знать ничего не знаю. Мистер Гэнди распорядился сделать мне еще один укол. Сделали.

Совсем невтерпеж стало от щекотки.

Тут кто-то вбежал в комнату – и в крик.

– Плотику прорвало! – орет. – Гэнди-плотину! В южной долине затоплена половина ферм!

Мистер Гэнди попятился и завизжал:

– Вы с ума сошли! Не может быть! В Большой Медведице уже сто лет нет воды!

Потом все сбились в кучку и давай шептаться. Что-то насчет образчиков. И внизу уже толпа собралась.

– Вы должны их успокоить, – сказал кто-то мистеру Гэнди. – Они кипят от возмущения. Посевы загублены.

– Я их успокою, – заверил мистер Гэнди. – Доказательств никаких. Эх, как раз за неделю до выборов.

Он выбежал из комнаты, за ним бросились остальные. Я встал со стула и почесался. Лекарство, которым меня накачали, дико зудело под кожей. Я обозлился на мистера Гэнди.

– Живо! – сказал мистер Армбрестер. – Давай уносить ноги. Сейчас самое время.

Мы унесли ноги через боковой вход. Это было легко. Подошли к парадной двери, а там под дождем куча народу мокнет. На ступенях суда стоит мистер Гэнди, все с тем же подлым видом, лицом к лицу с рослым плечистым парнем, который размахивает обломком камня.

– У каждой плотины свой предел прочности, – объяснял мистер Гэнди, но рослый парень взревел и замахнулся камнем над его головой.

– Я знаю, где хороший бетон, а где плохой! – прогремел он. – Тут сплошной песок! Да эта плотина и галлона воды не удержит!..

Мистер Гэнди покачал головой.

– Возмутительно! – говорит. – Я потрясен не меньше, чем вы. Разумеется, мы целиком доверяли подрядчикам. Если строительная компания «Эджекс» пользовалась некондиционными материалами, мы взыщем с нее по суду.

В эту минуту я до того устал чесаться, что решил принять меры. Так я и сделал.

Плечистый парень отступил на шаг и ткнул пальцем в мистера Гэнди.

– Вот что, – говорит. – Ходят слухи, будто строительная компания «Эджекс» принадлежит вам. Это правда?

Мистер Гэнди открыл рот и снова закрыл. Он чуть заметно вздрогнул.

– Да, – говорит, – я ее владелец.

Надо было слышать вопль толпы.

Плечистый парень аж задохнулся:

– Вы сознались? Может быть, сознаетесь и в том, что знали, что плотина никуда не годится, а? Сколько вы нажили на строительстве?

– Одиннадцать тысяч долларов, – ответил мистер Гэнди. – Это чистая прибыль, после того как я выплатил долю шерифу, олдермену и...

Но тут толпа двинулась вверх по ступенькам, и мистера Гэнди не стало слышно.

– Так-так, – сказал мистер Армбрестер. – Редкое зрелище. Ты понял, что это означает, Сонк? Гэнди сошел с ума. Не иначе. Но на выборах победит партия реформ, она прогонит мошенников, и для меня снова настанет приятная жизнь в Пайпервилле. Пока не подамся на юг. Как ни странно, я нашел у себя в кармане деньги. Пойдем выпьем, Сонк?

– Нет, спасибо, – ответил я. – Мамуля рассердится; она ведь не знает, куда я делся. А больше не будет неприятностей, мистер Армбрестер?

– В конце концов когда-нибудь будут, – сказал он, – но очень не скоро. Смотри-ка, старикашку Гэнди ведут в тюрьму! Скорее всего, хотят защитить от разъяренной толпы. Это надо отпраздновать, Сонк. Ты не передумал... Сонк! Ты где?

Но я стал невидимым.

Ну вот и все. Под кожей у меня больше не зудело. Я улетел домой и помог наладить гидроэлектростанцию на водяном колесе. Со временем наводнение схлынуло, но с тех пор по руслу течет полноводная река, потому что в истоках ее я все устроил как надо. И зажили мы тихо и спокойно, как любим. Для нас такая жизнь безопаснее.

Дедуля сказал, что наводнение было законное. Напомнило ему то, про которое рассказывал ему еще его дедуля. Оказывается, при жизни дедулиного дедули были установлены котлы и многое другое, но очень скоро все это вышло из повиновения и случился настоящий потоп. Дедулиному дедуле пришлось бежать без оглядки. С того дня и до сих пор про его родину никто и слыхом не слыхал; надо понимать, в Атлантиде все утонули. Впрочем, подумаешь, важность, какие-то иностранцы.

Мистера Гэнди упрятали в тюрьму. Так и не узнали, что заставило его во всем сознаться; может, в нем совесть заговорила. Не думаю, чтоб из-за меня. Наверяд ли. А все же...

Помните тот фокус, что показал мне папуля, – как можно коротнуть пространство и перекачать маисовую из его крови в мою? Так вот, мне надоел зуд под кожей, где толком и не поче-

шешься, и я сам проделал такой фокус. От впрыснутого лекарства, как бы оно ни называлось, меня одолел зуд. Я маленько искривил пространство и перекачал эту пакость в кровь мистера Гэнди, когда он стоял на ступеньках крыльца. У меня зуд тут же прошел, но у мистера Гэнди он, видно, начался сильнее. Так и надо подлецу!

Интересно, не от зуда ли он всю правду выложил?

До скорого!

Старый Енси, пожалуй, самый подлый человечиска во всем мире. Свет не видел более наглого, закоренелого, тупого, отпетого, гнусного негодяя. То, что с ним случилось, напомнило мне фразу, услышанную однажды от другого малого, – много воды с тех пор утекло. Я уж позабыл, как звали того малого, кажется, Людовик, а может, и Тамерлан; но он как-то сказал, что, мол, хорошо бы у всего мира была только одна голова, тогда ее легко было бы снести с плеч.

Беда Енси в том, что он дошел до ручки: считает, что весь мир ополчился против него, и разрази меня гром, если он не прав. С этим Енси настали хлопотные времена даже для нас, Хогбенов.

Енси-то типичный мерзавец. Вообще вся семейка Тарбеллов не сахар, но Енси даже родню довел до белого каления. Он живет в однокомнатной хибарке на задворках у Тарбеллов и никого к себе не подпускает, разве только позволит всунуть продукты в полукруглую дырку, выпиленную в двери.

Лет десять назад делали новое межевание, что ли, и вышло так, что из-за какой-то юридической закавыки Енси должен был заново подтвердить свои права на землю. Для этого ему надо было прожить на своем участке с год. Примерно в те же дни он поругался с женой, выехал за пределы участка и сказал, что, дескать, пусть земля достается государству, пропади все пропадом, зато он проучит всю семью. Он знал, что жена пропускает иногда рюмочку-другую на деньги, вырученные от продажи репы, и трясется, как бы государство не отняло землицу.

Оказалось, эта земля вообще никому не нужна. Она вся в буграх и завалена камнями, но жена Енси страшно переживала и упрасивала мужа вернуться, а ему характер не позволял.

В хибарке Енси Тарбелл обходился без элементарных удобств, но он ведь тупица и к тому же пакостник. Вскорости миссис Тарбелл померла: она кидалась камнями в хибарку из-за бугра, а один камень ударил в бугор и рикошетом попал ей в голову. Остались восемь Тарбеллов-сыновей да сам Енси. Но и тогда Енси с места не сдвинулся.

Может, там бы он и жил, пока не превратился бы в мощи и не вознесся на небо, но только его сыновья затеяли с нами склоку. Мы долго терпели – ведь они не могли нам повредить. Но вот гостивший у нас дядя Лес разнервничался и заявил, что устал перепелом взлетать под небеса всякий раз, как в кустах хлопнет ружье. Шкура-то у него после ран быстро заживает, но он уверял, что страдает головокружениями, оттого что на высоте двух-трех миль воздух разреженный.

Так или иначе, травля все продолжалась, и никто из нас от нее не страдал, что особенно бесило восьмерых братьев Тарбеллов. И однажды на ночь глядя они гурьбой вломились в наш дом с оружием в руках. А нам скандалы были ни к чему.

Дядя Лем – он близнец дяди Леса, но только родился намного позже – давно впал в зимнюю спячку где-то в дупле, так что его все это не касалось. Но вот малыша, дай ему бог здоровья, стало трудновато таскать взад-вперед, ведь ему уже исполнилось четыреста лет и он для своего возраста довольно крупный ребенок – пудов восемь будет.

Мы все могли попрягаться или уйти на время в долину, в Пайпервилл, но ведь в мезонине у нас дедуля, да и к прохвессору, которого мы держим в бутылке, я привязался. Не хотелось его оставлять – ведь в суматохе бутылка, чего доброго, разобьется, если восьмеро братьев Тарбеллов налижутя как следует.

Прохвессор славный, хоть в голове у него винтика не хватает. Все твердит, что мы мутанты (ну и словечко!), и треплет языком про каких-то своих знакомых, которых называет хромосомами. Они как будто попали, по словам прохвессора, под жесткое облучение и народили потомков, не то доминантную мутацию, не то Хогбенов, но я вечно это путаю с заговором

круглоголовых – было такое у нас в Старом Свете. Ясное дело, не в *настоящем* Старом Свете, тот давно затонул.

И вот, раз уж дедуля велел нам молчать в тряпочку, мы дождались, пока восьмеро братьев Тарбеллов высадят дверь, а потом все сделались невидимыми, в том числе и малыш. И стали ждать, чтобы все прошло стороной, но не тут-то было.

Побродив по дому и вдоволь натешась, восьмеро братьев Тарбеллов спустились в подвал. Это было хуже, потому что застигло нас врасплох. Малыш-то стал невидимым, и цистерна, где мы его держим, тоже, но ведь цистерна не может тягаться с нами в проворстве.

Один из восьмерки Тарбеллов со всего размаху налетел на цистерну и как следует расшиб голень. Ну и ругался же он! Нехорошо, когда ребенок слышит такие слова, но в ругани наш дедуля кому угодно даст сто очков вперед, так что я-то ничему новому не научился.

Он, значит, ругался на чем свет стоит, прыгал на одной ноге, и вдруг ни с того ни с сего дробовик выстрелил. Там, верно, курок на волоске держался. Выстрел разбудил малыша, тот перепугался и завопил. Такого вопля я еще не слышал, а ведь мне приходилось видеть, как мужчины бледнеют и начинают трястись, когда малыш орет. Наш прохвессор как-то сказал, что малыш издает инфразвуки. Надо же!

В общем, семеро братьев Тарбеллов из восьми тут же отдали богу душу, даже пикнуть не успели. Восьмой только начинал спускаться вниз по ступенькам; он затрясся мелкой дрожью, повернулся – и наутек. У него, верно, голова пошла кругом, и он не соображал, куда бежит. Окончательно сдрейфив, он очутился в мезонине и наткнулся прямехонько на дедулю.

И вот ведь грех: дедуля до того увлекся, поучая нас уму-разуму, что сам напрочь забыл стать невидимым. По-моему, один лишь взгляд, брошенный на дедулю, прикончил восьмого Тарбелла. Бедняга повалился на пол, мертвый как доска. Ума не приложу, с чего бы это, хоть и должен признать, что в те дни дедуля выглядел не лучшим образом. Он поправлялся после болезни.

– Ты не пострадал, дедуля? – спросил я, слегка встряхнув его.

Он меня отчехвостил.

– А я-то при чем, – возразил я.

– Кровь Христова! – воскликнул он, разъяренный. – И этот сброд, эти лицемерные олухи вышли из моих чресел! Положи меня обратно, юный негодяй.

Я снова уложил его на дерюжную подстилку, он поворочался с боку на бок и закрыл глаза. Потом объявил, что хочет вздремнуть и пусть его не будят, разве что настанет Судный день. При этом он нисколько не шутил.

Пришлось нам самим поломать голову над тем, как теперь быть. Мамуля сказала, что мы не виноваты, в наших силах только погрузить восьмерых братьев Тарбеллов в тачку и отвезти их домой, что я и исполнил. Только в пути я застеснялся, потому что не мог придумать, как бы повежливее рассказать о случившемся. Да и мамуля наказывала сообщить эту весть осторожно. «Даже хорек способен чувствовать», – повторяла она.

Тачку с братьями Тарбеллами я оставил в кустах, сам поднялся на бугор и увидел Енси: он грелся на солнышке, книгу читал. Я стал медленно прохаживаться перед ним, насвистывая «Янки-Дудл». Енси не обращал на меня внимания.

Енси – маленький, мерзкий, грязный человечешка с раздвоенной бородой. Росту в нем метра полтора, не больше. На усах налипла табачная жвачка, но, может, я несправедлив к Енси, считая его простым неряхой. Говорят, у него привычка – плевать себе в бороду, чтобы на нее садились мухи: он их ловит и обрывает им крылышки. Енси не глядя поднял камень и швырнул его, чуть не угодив мне в голову.

– Заткни пасть и убирайся, – сказал он.

– Воля ваша, мистер Енси, – ответил я с облегчением и совсем было собрался.

Но тут же вспомнил, что мамуля, чего доброго, отхлещет меня кнутом, если я не выполню ее наказа, тихонько сделал круг, зашел Енси за спину и заглянул ему через плечо – посмотреть, что он там читает. Потом я еще капельку передвинулся и встал с ним лицом к лицу.

Он захихикал себе в бороду.

– Красивая у вас картинка, мистер Енси, – заметил я.

Он все хихикал и, видно, на радостях подобрел.

– Уж это точно! – сказал он и хлопнул себя кулаком по костлявому заду. – Ну и ну! С одного взгляда захмелеешь!

Он читал не книгу. Это был журнал (такие продаются у нас в Пайпервилле), раскрытый на картинке. Художник, который ее сделал, умеет рисовать. Правда, не так здорово, как тот художник, с которым я когда-то водился в Англии. Того звали Крукшенк³ или Крукбек, если не ошибаюсь.

Так или иначе, у Енси тоже была стоящая картинка. На ней были нарисованы люди, много-много людей, все на одно лицо и выходят из большой машины, которая – мне сразу стало ясно – ни за что не будет работать. Но все люди были одинаковые, как горошины в стручке. Еще там красное пучеглазое чудище хватало девушку – уж не знаю зачем. Красивая картинка.

– Хорошо бы такое случалось в жизни, – сказал Енси.

– Это не так уж трудно, – объяснил я. – Но вот эта штука неправильно устроена. Нужен только умывальник да кое-какой металлический лом.

– А?

– Вот эта штука, – повторил я. – Аппарат, что превращает одного парня в целую толпу парней. Он неправильно устроен.

– Ты, надо понимать, умеешь лучше? – окрысился он.

– Приходилось когда-то, – ответил я. – Не помню, что там папуля задумал, но он был обязан одному человеку по имени Кадм. Кадму срочно потребовалось много воинов, и папуля устроил так, что Кадм мог разделиться на целый полк солдат. Подумаешь! Я и сам так умею.

– Да что ты там бормочешь? – удивился Енси. – Ты не туда смотришь. Я-то говорю об этом красном чудище. Видишь, что оно собирается сделать? Откусить этой красотке голову, вот что. Видишь, какие у него клыки? Хе-хе-хе. Жаль, что я сам не это чудище. Уж я бы тьму народу сожрал.

– Вы бы ведь не стали жрать свою плоть и кровь, бьюсь об заклад, – сказал я, почуяв способ сообщить весть осторожно.

– Биться об заклад грешно, – провозгласил он. – Всегда плати долги, никого не бойся и не держи пари. Азартные игры – грех. Я никогда не бился об заклад и всегда платил долги. – Он умолк, почесал в баках и вздохнул. – Все, кроме одного, – прибавил он хмуро.

– Что же это за долг?

– Да задолжал я одному малому. Беда только, с тех пор никак не могу его разыскать. Лет тридцать тому будет. Я тогда, помню, наакался вдрызг и сел в поезд. Наверно, еще и ограбил кого-то, потому что у меня оказалась пачка денег – коню пасть заткнуть хватило бы. Как поразмыслить, этого-то я и не пробовал. Вы держите лошадей?

– Нет, сэр, – ответил я. – Но мы говорили о вашей плоти и крови.

– Помолчи, – оборвал меня старый Енси. – Так вот, и повеселился же я! – Он слизнул жвачку с усов. – Слышал о таком городе – Нью-Йорк? Речь там у людей такая, что слова не разберешь. Там-то я и повстречал этого малого. Частенько я жалею, что потерял его из виду. Честному человеку вроде меня противно умирать, не разделавшись с долгами.

– А у ваших восьмерых сыновей были долги? – спросил я.

Он покосился на меня, хлопнул себя по тощей ноге и кивнул.

³ *Джордж Крукшенк* (1792–1878) – иллюстратор книг Диккенса.

– Теперь понимаю, – говорит. – Ты сын Хогбенов?

– Он самый. Сонк Хогбен.

– Как же, слышал про Хогбенов. Все вы колдуны, точно?

– Нет, сэр.

– Уж я что знаю, то знаю. Мне о вас все уши прожужжали. Нечистая сила, вот вы кто. Убирайся-ка отсюда подобру-поздорову, живо!

– Я-то уже иду. Хочу только сказать, что, к сожалению, вы бы не могли сожрать свою плоть и кровь, даже если бы стали таким чудищем, как на картинке.

– Интересно, кто бы мне помешал!

– Никто, – говорю, – но все они уже в раю.

Тут старый Енси расхихикался. Наконец, переведя дух, он сказал:

– Ну, нет! Эти ничтожества попали прямой наводкой в ад, и поделом им. Как это произошло?

– Несчастный случай, – говорю. – Семерых, если можно так выразиться, уложил малыш, а восьмого – дедуля. Мы не желали вам зла.

– Да и не причинили, – опять захихикал Енси.

– Мамуля шлет извинения и спрашивает, что делать с останками. Я должен отвезти тачку домой.

– Увози их. Мне они не нужны. Туда им и дорога, – отмахнулся Енси.

Я сказал «ладно» и собрался в путь. Но тут он заорал, что передумал. Велел свалить трупы с тачки. Насколько я понял из его слов (разобрал я не много, потому что Енси заглушал себя хохотом), он намерен был попинать их ногами.

Я сделал как велено, вернулся домой и все рассказал мамуле за ужином – были бобы, треска и домашняя настойка. Еще мамуля напекла кукурузных лепешек. Ох и вкусотища! Я откинулся на спинку стула, рассудив, что заслужил отдых, и задумался, а внутри у меня стало тепло и приятно. Я старался представить, как чувствует себя боб в моем желудке. Но боб, наверно, вовсе бесчуйственный.

Не прошло и получаса, как на дворе завизжала свинья, как будто ей ногой наподдали, и кто-то постучался в дверь.

Это был Енси. Не успел он войти, как выудил из штанов цветной носовой платок и давай шмыгать носом. Я посмотрел на мамулю круглыми глазами. Ума, мол, не приложу, в чем дело. Папуля с дядей Лесом пили маисовую водку и сыпали шуточками в углу. Сразу видно было, что им хорошо: стол между ними так и трясся. Ни папуля, ни дядя не притрагивались к столу, но он все равно ходил ходуном – старался наступить то папуле, то дяде на ногу. Папуля с дядей раскачивали стол мысленно. Это у них такая игра.

Решать пришлось мамуле, и она пригласила старого Енси посидеть, отведать бобов. Он только всхлипнул.

– Что-нибудь не так, сосед? – вежливо спросила мамуля.

– Еще бы, – ответил Енси, шмыгая носом. – Я совсем старик.

– Это уж точно, – согласилась мамуля. – Может, и помоложе Сонка, но все равно на вид вы дряхлый старик.

– А? – вытаращился на нее Енси. – Сонка? Да Сонку от силы семнадцать, хоть он и здоровый вымахал.

Мамуля смутилась.

– Разве я сказала «Сонк»? – быстро поправилась она. – Я имела в виду дедушку Сонка. Его тоже зовут Сонк.

Дедулю зовут вовсе не Сонк; он и сам не помнит своего настоящего имени. Как его только не называли в старину – пророком Илией и по-всякому. Я даже не уверен, что в Атлантиде,

откуда дедуля родом, вообще были в ходу имена. По-моему, там людей называли цифрами. Впрочем, не важно.

Старый Енси, значит, все шмыгал носом, стонал и охал, прикидывался – мол, мы убили восьмерых его сыновей и теперь он один-одинешенек на свете. Правда, получасом раньше его это не трогало, я ему так и выложил. Но он заявил, что не понял тогда, о чем это я толкую, и приказал мне заткнуться.

– У меня семья могла быть еще больше, – сказал он. – Было еще двое ребят, Зеб и Робби, да я их как-то пристрелил. Косо на меня посмотрели. Но все равно вы, Хогбены, не имели права убивать моих ребятишек.

– Мы не нарочно, – ответила мамуля. – Просто несчастный случай вышел. Мы будем рады хоть как-нибудь возместить вам ущерб.

– На это-то я и рассчитывал, – говорит старый Енси. – Вам уж не отвертеться после всего, что вы натворили. Даже если моих ребят убил малыш, как уверяет Сонк, а ведь он у нас враль. Тут в другом деле: я рассудил, что все вы, Хогбены, должны держать ответ. Но пожалуй, мы будем квиты, если вы окажете мне одну услугу. Худой мир лучше доброй ссоры.

– Все, что угодно, – сказала мамуля, – лишь бы это было в наших силах.

– Сущая безделица, – заявляет старый Енси. – Пусть меня на время превратят в целую толпу.

– Да ты что, Медеи наслушался? – вмешался папуля, спяну не сообразив, что к чему. – Ты ей не верь. Это она с Пелеем злую шутку сыграла. Когда его зарубили, он так и остался мертвым; вовсе не помолодел, как она ему сулила.

– Чего? – Енси вынул из кармана старый журнал и сразу раскрыл его на красивой картинке. – Вот это самое. Сонк говорит, что вы так умеете. Да и все кругом знают, что вы, Хогбены, колдуны. Сонк сказал, вы как-то устроили такое одному голодранцу.

– Он, верно, о Кадме, – говорю.

Енси помахал журналом. Я заметил, что глаза у него стали масляные.

– Тут все видно, – сказал он с надеждой. – Человек входит в эту штуковину, а потом только знай выходит оттуда десятками, снова и снова. Колдовство. Уж я-то про вас, про Хогбенов, все знаю. Может, вы и дурачили городских, но меня вам не одурачить. Все вы до одного колдуны.

– Какое там, – вставил папуля из своего угла. – Мы уже давно не колдуем.

– Колдуны, – упорствовал Енси. – Я слышал всякие истории. Даже видал, как он, – и в дядю Леса пальцем тычет, – летает по воздуху. Если это не колдовство, то я уж ума не приложу, что тогда колдовство.

– Неужели? – спрашиваю. – Нет ничего проще. Это когда берут чуточку...

Но мамуля велела мне придержать язык.

– Сонк говорит, вы умеете, – продолжал Енси. – А я сидел и листал этот журнал, картинки смотрел. Пришла мне в голову хорошая мысль. Спору нет, всякий знает, что колдун может находиться в двух местах сразу. А может он находиться сразу в трех местах?

– Где два, там и три, – сказала мамуля. – Да только никаких колдунов нет. Точь-в-точь как эта самая хваленая наука, о которой кругом твердят. Все досужие люди из головы выдумывают. На самом деле так не бывает.

– Так вот, – заключил Енси, откладывая журнал, – где двое или трое, там и целое скопище. Кстати, сколько всего народу на Земле?

– Два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать, – говорю.

– Тогда...

– Стойте, – говорю, – теперь два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот семнадцать. Славный ребеночек, оторва.

– Мальчик или девочка? – любопытствовала мамуля.

– Мальчик, – говорю.

– Так пусть я окажусь сразу в двух миллиардах и скольких-то там еще местах сразу. Мне бы хоть на полминутки. Я не жадный. Да и хватит этого.

– Хватит на что? – поинтересовалась мамуля.

Енси хитренько посмотрел на меня исподлобья.

– Есть у меня забота, – ответил он. – Хочу разыскать того малого. Только вот беда: не знаю, можно ли его теперь найти. Времени уж прошло порядком. Но мне это позарез нужно. Мне земля пухом не будет, если я не рассчитаюсь со всеми долгами, а я тридцать лет как хожу у того малого в должниках. Надо снять с души грех.

– Это страсть как благородно с вашей стороны, сосед, – похвалила мамуля.

Енси шмыгнул носом и высморкался в рукав.

– Тяжкая будет работа, – сказал он. – Уж очень долго я ее откладывал на потом. Я-то собирался при случае отправить восьмерых моих ребят на поиски того малого, так что, сами понимаете, я вконец расстроился, когда эти никудышники вдруг сгнули ни с того ни с сего. Как мне теперь искать того малого?

Мамуля с озабоченным видом пододвинула Енси кувшин.

– Ух ты! – сказал он, отхлебнув здоровенную порцию. – На вкус – прямо адов огонь. Ух ты!

Налил себе по новой, перевел дух и хмуро глянул на мамулю.

– Если человек хочет спилить дерево, а сосед сломал его пилу, то сосед, я полагаю, должен отдать ему взамен свою. Разве не так?

– Конечно так, – согласилась мамуля. – Только у нас нет восьми сыновей, которых можно было бы отдать взамен.

– У вас есть кое-что получше, – сказал Енси. – Злая черная магия, вот что у вас есть. Я не говорю ни да ни нет. Дело ваше. Но по-моему, раз уж вы убили этих бездельников и теперь все мои планы летят кувырком, вы должны хоть как-то мне помочь. Пусть я только найду того малого и рассчитаюсь с ним, больше мне ничего не надо. Так вот, разве не святая правда, что вы можете размножить меня, превратить в целую толпу моих двойников?

– Да, наверно, правда, – подтвердила мамуля.

– А разве не правда, что вы можете устроить, чтобы каждый из этих прохвостов двигался так быстро, что увидел бы всех людей во всем мире?

– Это пустяк, – говорю.

– Уж тогда бы, – сказал Енси, – я бы запросто разыскал того малого и выдал бы ему все, что причитается. – Он шмыгнул носом. – Я честный человек. Не хочу помирать, пока не расплачусь с долгами. Черт меня побери, если я согласен гореть в преисподней, как вы, грешники.

– Да полно, – сморщилась мамуля. – Пожалуй, сосед, мы вас выручим, если вы это так близко к сердцу принимаете. Да, сэр, мы все сделаем так, как вам хочется.

Енси заметно приободрился.

– Ей-богу? – спросил он. – Честное слово? Поклянитесь.

Мамуля как-то странно на него посмотрела, но Енси снова вытащил платок, так что нервы у нее не выдержали и она дала торжественную клятву. Енси повеселел.

– А долго надо произносить заклинание? – спрашивает.

– Никаких заклинаний, – говорю. – Я же объяснял, нужен только металллом да умывальныйник. Это недолго.

– Я скоро вернусь.

Енси хихикнул и выбежал, хохоча уже во всю глотку. Во дворе он захотел пнуть ногой цыпленка, промазал и захохотал пуще прежнего. Видно, хорошо у него стало на душе.

– Иди же смастери ему машинку, пусть стоит наготове, – сказала мамуля. – Пошевеливайся.

– Ладно, мамуля, – говорю, а сам застыл на месте, думаю.

Мамуля взяла в руку метлу.

– Знаешь, мамуля...

– Ну?

– Нет, ничего.

Я вернулся от метлы и ушел, а сам все старался разобраться, что же меня грызет. Что-то грызло, а что, я никак не мог понять. Душа не лежала мастерить машинку, хотя ничего зорного в ней не было. Я, однако, отошел за сарай и занялся делом. Минут десять потратил – правда, не очень спешил. Потом вернулся домой с машинкой и сказал: «Готово». Папуля велел мне заткнуться.

Что ж, я уселся и стал разглядывать машинку, а на душе у меня кошки скребли. Загвоздка была в Енси. Наконец я заметил, что он позабыл свой журнал, и начал читать рассказ под картинкой – думал, может, пойму что-нибудь. Как бы не так.

В рассказе описывались какие-то чудные горцы, они будто бы умели летать. Это-то не фокус, непонятно было, всерьез ли писатель все говорит или шутит. По-моему, люди и так смешные, незачем выводить их еще смешнее, чем в жизни.

Кроме того, к серьезным вещам надо относиться серьезно. По словам прохвессора, очень многие верят в эту самую науку и принимают ее всерьез. У него-то всегда глаза разгораются, стоит ему завести речь о науке. Одно хорошо было в рассказе: там не упоминались девчонки. От девчонок мне становилось как-то не по себе.

Толку от моих мыслей все равно не было, поэтому я спустился в подвал поиграть с малышом. Цистерна ему становится тесна. Он мне обрадовался. Замигал всеми четырьмя глазками по очереди. Хорошенький такой. Но что-то в том журнале я вычитал, и теперь оно не давало мне покоя.

По телу у меня мурашки бегали, как давным-давно в Лондоне, перед большим пожаром. Тогда еще многие вымерли от страшной болезни.

Тут я вспомнил, как дедуля рассказывал, что его точно так же кинуло в дрожь, перед тем как Атлантиду затопило. Правда, дедуля умеет предвидеть будущее, хоть в этом нет ничего хорошего, потому что оно то и дело меняется. Я еще не умею предвидеть. Для этого надо вырасти. Но я нутром чуял что-то неладное, пусть даже ничего пока не случилось.

Я совсем было решил разбудить дедулю, так встревожился. Но тут у себя над головой я услышал шум. Поднялся в кухню, а там Енси распивает кукурузный самогон (мамуля поднесла). Только я увидел старого хрыча, как у меня опять появилось дурное предчувствие.

Енси сказал: «Ух ты», поставил кувшин и спросил, готовы ли мы. Я показал на свою машинку и ответил, что вот она, как она ему нравится.

– Только и всего? – удивился Енси. – А сатану вы не призовете?

– Незачем, – отрезал дядя Лес. – И тебя одного хватит, галоша ты проспиртованная.

Енси был страшно доволен.

– Уж я таков, – откликнулся он. – Скользкий, как галоша, и насквозь проспиртован. А как она действует?

– Да просто делает из одного тебя много-много Енси, вот и все, – ответил я.

До сих пор папуля сидел тихо, но тут он, должно быть, подключился к мозгу какого-нибудь прохвессора, потому что вдруг понес дикую чушь. Сам-то он длинных слов сроду не знал.

Я тоже век бы их не знал, от них даже самые простые вещи запутываются.

– Человеческий организм, – заговорил папуля важно-преважно, – представляет собой электромагнитное устройство, мозг и тело испускают определенные лучи. Если изменить

полярность на противоположную, то каждая ваша единица, Енси, автоматически притянется к каждому из ныне живущих людей, ибо противоположности притягиваются. Но прежде вы войдете в аппарат Сонка и вас раздробят...

– Но-но! – взвыл Енси.

– ...на базовые электронные матрицы, которые затем можно копировать до бесконечности, точно так же, как можно сделать миллионы идентичных копий одного и того же портрета – негативы вместо позитивов. Поскольку для электромагнитных волн земные расстояния ничтожны, каждую копию мгновенно притянет каждый из остальных жителей Земли, – продолжал папуля как заведенный. – Но два тела не могут иметь одни и те же координаты в пространстве-времени, поэтому каждую Енси-копию отбросит на расстояние полуметра от каждого человека.

Енси беспокойно огляделся по сторонам.

– Вы забыли очертить магический пятиугольник, – сказал он. – В жизни не слышал такого заклинания. Вы ведь вроде не собирались звать сатану?

То ли потому, что Енси и впрямь похож был на сатану, то ли еще по какой причине, но только неумогу мне стало терпеть – так скребло на душе. Разбудил я дедулю. Про себя, конечно, ну и малыш подсобил – никто ничего не заметил. Тотчас же в мезонине что-то заколыхалось: это дедуля проснулся и приподнялся в постели. Я и глазом моргнуть не успел, как он давай нас распекать на все корки.

Брань-то слышали все, кроме Енси. Папуля бросил выпендриваться и закрыл рот.

– Олухи царя небесного! – гремел разъяренный дедуля. – Тунеядцы! Да будет вам ведомо: мне снились дурные сны, и надлежит ли тому удивиться? В хорошенькую ты влип историю, Сонк. Чутья у тебя нет, что ли? Неужто не понял, что замышляет этот медоточивый проходимец? Берись-ка за ум, Сонк, да поскорее, а не то ты и после совершеннолетия останешься сосунком. – Потом он прибавил что-то на санскрите. Дедуля прожил такой долгий век, что иногда путает языки.

– Полно, дедуля, – мысленно сказала мамуля, – что такого натворил Сонк?

– Все вы хороши! – завопил дедуля. – Как можно не сопоставить причину со следствием? Сонк, вспомни, что узрел ты в том бульварном журнальчике. С чего это Енси изменил намерения, когда чести в нем не больше, чем в старой сводне? Ты хочешь, чтобы мир обезлюдел раньше времени? Спроси-ка Енси, что у него в кармане штанов, черт бы тебя побрал!

– Мистер Енси, – спрашиваю, – что у вас в кармане штанов?

– А? – Он запустил лапу в карман и вытащил оттуда здоровенный ржавый гаечный ключ. – Ты об этом? Я его подобрал возле сарая. – А у самого морда хитрая-прехитрая.

– Зачем он вам? – быстро спросила мамуля.

Енси нехорошо так на нас посмотрел.

– Не стану скрывать, – говорит. – Я намерен трахнуть по макушке всех и каждого, до последнего человека в мире, и вы обещали мне помочь.

– Господи помилуй, – только и сказала мамуля.

– Вот так! – прыснул Енси. – Когда вы меня заколдуете, я окажусь везде, где есть хоть кто-нибудь еще, и буду стоять у человека за спиной. Уж тут-то я наверняка расквітаюсь. Один человек непременно будет тот малый, что мне нужен, и он получит с меня должок.

– Какой малый? – спрашиваю. – Про которого вы рассказывали? Которого встретили в Нью-Йорке? Я думал, вы ему деньги задолжали.

– Ничего такого я не говорил, – огрызнулся Енси. – Долг есть долг, будь то деньги или затрещина. Пусть не воображает, что мне можно безнаказанно наступить на мозоль, тридцать там лет или не тридцать.

– Он вам наступил на мозоль? – удивился папуля. – Только и всего?

– Ну да. Я тогда надравшись был, но помню, что спустился по каким-то ступенькам под землю, а там поезда сновали в оба конца.

– Вы были пьяны.

– Это точно, – согласился Енси. – Не может же быть, что под землей и вправду ходят поезда! Но тот малый мне не приснился, и как он мне на мозоль наступил – тоже, это ясно как божий день. До сих пор палец ноет. Ох и разозлился я тогда. Народу было столько, что с места не сдвинуться, и я даже не разглядел толком того малого, который наступил мне на ногу. Я было замахнулся палкой, но он был уже далеко. Так я и не знаю, какой он из себя. Может, он вообще женщина, но это не важно. Ни за что не помру, пока не уплачу все долги и не рассчитаюсь со всеми, кто поступал со мной по-свински. Я в жизни не спускал обидчику, а обижали меня почти все, знакомые и незнакомые.

Совсем взбеленился Енси. Он продолжал, не переводя духа:

– Вот и я подумал, что все равно не знаю, кто мне наступил на мозоль, так уж лучше бить наверняка, никого не обойти, ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка.

– Легче на поворотах, – одернул я его. – Тридцать лет назад нынешние дети еще не родились, и вы это сами знаете.

– А мне все едино, – буркнул Енси. – Я вот думал-думал, и пришла мне в голову страшная мысль: вдруг тот малый взял да и помер? Тридцать лет – срок немалый. Но потом я прикинул, что, даже если и помер, мог ведь он сначала жениться и обзавестись детьми. Если не суждено расквитаться с ним самим, я хоть с детьми его расквитаюсь. Грехи отцов... это из Священного Писания. Дам разá всем людям мира – тут уж не ошибусь.

– Хогбенам вы не дадите, – заявила мамуля. – Никто из нас не ездил в Нью-Йорк с тех пор, как вас еще на свете не было. То есть я хочу сказать, что мы там вообще не бывали. Так что нас вы сюда не впутывайте. А может, лучше возьмете миллион долларов? Или хотите стать молодым, или еще что-нибудь? Мы можем вам устроить, только откажитесь от своей злой затеи.

– И не подумаю, – ответил упрямый Енси. – Вы дали честное слово, что поможете.

– Мы не обязаны выполнять такое обещание, – начала мамуля, но тут дедуля с мезонина вмешался.

– Слово Хогбенов свято, – сказал он. – На том стоим. Надо выполнить то, что мы обещали этому психу. Но только то, что обещали, больше у нас нет перед ним никаких обязательств.

– Ага! – сказал я, смекнув, что к чему. – В таком случае... Мистер Енси, а что именно мы вам обещали, слово в слово?

Он повертел гаечный ключ у меня перед носом:

– Вы превратите меня ровно в столько людей, сколько жителей на Земле, и я встану рядом с каждым из них. Вы дали честное слово, что поможете мне. Не пытайтесь увильнуть.

– Да я и не пытаюсь, – говорю. – Надо только внести ясность, чтобы вы были довольны и ничему не удивлялись. Но есть одно условие. Рост у вас будет такой, как у человека, с которым вы стоите рядом.

– Чего?

– Это я устрою запросто. Когда вы войдете в машинку, в мире появятся два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот семнадцать Енси. Теперь представьте, что один из этих Енси очутится рядом с двухметровым верзилкой. Это будет не очень-то приятно, как по-вашему?

– Тогда пусть я буду трехметровым, – говорит Енси.

– Нет уж. Какого роста тот, кого навещает Енси, такого роста будет и сам этот Енси. Если вы навестили малыша ростом с полметра, в вас тоже будет только полметра. Надо по справедливости. Соглашайтесь, иначе все отменяется. И еще одно – сила у вас будет такая же, как у вашего противника.

Он, видно, понял, что я не шучу. Прикинул на руке гаечный ключ.

– Как я вернусь? – спрашивает.

– Это уж наша забота, – говорю. – Даю вам пять секунд. Хватит, чтобы опустить гаечный ключ, правда?

– Маловато.

– Если вы задержитесь, кто-нибудь успеет дать вам сдачи.

– И верно. – Сквозь корку грязи стало заметно, что Енси побледнел. – Пяти секунд с лихвой хватит.

– Значит, если мы это сделаем, вы будете довольны? Жаловаться не прибежите?

Он помахал гаечным ключом и засмеялся.

– Ничего лучшего не надо, – говорит. – Ох и разmozжу я им голову. Хе-хе-хе.

– Ну, становитесь сюда, – скомандовал я и показал, куда именно. – Хотя погодите. Лучше я сам сперва попробую, выясню, все ли в исправности.

Мамуля хотела было возразить, но тут ни с того ни с сего в мезонине дедуля зашелся хохотом. Наверно, опять заглянул в будущее.

Я взял полено из ящика, что стоял у плиты, и подмигнул Енси.

– Приготовьтесь, – сказал я. – Как только вернусь, вы в ту же минуту сюда войдете.

Я вошел в машинку, и она сработала как по маслу. Я и глазом моргнуть не успел, как меня расщепило на два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать Сонков Хогбенов.

Одного, конечно, не хватило, потому что я пропустил Енси, и, конечно, Хогбены ни в одной переписи населения не значатся. Но вот я очутился перед всеми жителями всего мира, кроме семьи Хогбенов и самого Енси. Это был отчаянный поступок.

Никогда я не думал, что на свете столько разных физиономий! Я увидел людей всех цветов кожи, с бакенбардами и без, одетых и в чем мать родила, ужасно длинных и самых что ни на есть коротышек, да еще половину я увидел при свете солнца, а половину в темноте. У меня прямо голова кругом пошла.

В какой-то миг мне казалось, что я узнаю кое-кого из Пайпервилла, включая шерифа, но тот слился с дамой в бусах, которая целилась в кенгуру, а дама превратилась в мужчину, разодетого в пух и в прах, – он толкал речугу где-то в огромном зале.

Ну и кружилась же у меня голова!

Я взял себя в руки, да и самое время было, потому что все уже успели меня заметить. Имя, ясное дело, показалось, что я с неба свалился, мгновенно вырос перед ними, и... в общем, было с вами такое, чтобы два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать человек уставились вам прямо в глаза? Это просто тихий ужас. У меня из головы вылетело, что я задумал. Только я вроде будто слышал дедулин голос – дедуля велел пошевеливаться.

Вот я сунул полено, которое держал (только теперь это было два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят тысяч девятьсот шестнадцать поленьев), во столько же рук, а сам его выпустил. Некоторые люди тоже сразу выпустили полено из рук, но большинство вцепились в него, ожидая, что будет дальше. Тогда я стал припоминать речь, которую собрался произнести, – сказать, чтобы люди ударили первыми, не дожидаясь, пока Енси взмахнет гаечным ключом.

Но уж очень я засмутился. Чудно как-то было. Все люди мира смотрели на меня в упор, и я стал такой стеснительный, что рта не мог раскрыть. В довершение всего дедуля завопил, что у меня осталась ровно секунда, так что о речи уже мечтать не приходилось. Ровно через секунду я вернусь в нашу кухню, а там старый Енси уже рвется в машинку и размахивает гаечным ключом. А я никого не предупредил. Только и успел, что каждому дал по полено.

Боже, как они на меня глазели! Словно я нагишом стою. У них аж глаза на лоб полезли. И только я начал истончаться по краям, на манер блина, как я... даже не знаю, что на меня нашло. Не иначе как от смущения. Может, и не стоило так делать, но...

Я это сделал!

И тут же снова очутился в кухне.

В мезонине дедуля помирал со смеху. По-моему, у старого хрыча странное чувство юмора. Но у меня не было времени с ним объясниться, потому что Енси шмыгнул мимо меня – и в машинку. Он растворился в воздухе, так же как и я. Как и я, он расщепился в стольких же людей, сколько в мире жителей, стоял теперь перед всеми ними.

Мамуля, папуля и дядя Лес глядели на меня очень строго.

Я заерзал на месте.

– Все устроилось, – сказал я. – Если у человека хватает подлости бить маленьких детей по голове, он заслуживает того, что... – я остановился и посмотрел на машинку, – что получил, – закончил я, когда Енси опять появился с ясного неба. Более разъяренной гадюки я еще в жизни не видал. Ну и ну!

По-моему, почти все население мира приложило руку к мистеру Енси. Так ему и не пришлось замахнуться гаечным ключом. Весь мир нанес удар первым.

Уж поверьте мне, вид у Енси был самый что ни на есть жалкий.

Но голоса Енси не потерял. Он так орал, что слышно было за целую милю. Он кричал, что его надули. Пусть ему дадут попробовать еще разок, но только теперь он прихватит с собой ружье и финку. В конце концов мамуле надоело слушать, она ухватила Енси за шиворот и так встряхнула, что у него зубы застучали.

– Ибо сказано в Священном Писании! – возгласила она иступленно. – Слушай, ты, паршивец, плевок политурный! В Библии сказано – око за око, так ведь? Мы сдержали слово, и никто нас ни в чем не упрекнет.

– Воистину, точно, – поддакнул дедуля с мезонина.

– Ступайте-ка лучше домой и полечитесь арникой, – сказала мамуля, еще раз встряхнув Енси. – И чтобы вашей ноги тут не было, а то малыша на вас напустим.

– Но я же не расквитался! – бушевал Енси.

– Вы, по-моему, никогда не расквитаетесь, – ввернул я. – Просто жизни не хватит, чтобы расквитаться со всем миром, мистер Енси.

Постепенно до Енси все дошло, и его как громом поразило. Он побагровел, точно борщ, крикнул и ну ругаться. Дядя Лес потянулся за кочергой, но в этом не было нужды.

– Весь чертов мир меня обидел! – хныкал Енси, обхватив голову руками. – Со свету сживаю! Какого дьявола они стукнули первыми? Тут что-то не так!

– Заткнитесь. – Я вдруг понял, что беда вовсе не прошла стороной, как я еще недавно думал. – Ну-ка, из Пайпервилла ничего не слышно?

Даже Енси унялся, когда мы стали прислушиваться.

– Ничего не слышать, – сказала мамуля.

– Сонк прав, – вступил в разговор дедуля. – Это-то и плохо.

Тут все сообразили, в чем дело, – все, кроме Енси. Потому что теперь в Пайпервилле должна была бы подняться страшная кутерьма. Не забывают, мы с Енси посетили весь мир, а значит, и Пайпервилл; люди не могут спокойно относиться к таким выходкам. Уж хоть какие-нибудь крики должны быть.

– Что это вы все стоите как истуканы? – разревелся Енси. – Помогите мне сквитаться!

Я не обратил на него внимания. Подошел к машинке и внимательно ее осмотрел. Через минуту я понял, что в ней не в порядке. Наверно, дедуля понял это так же быстро, как и я. Надо было слышать, как он смеялся. Надеюсь, смех пошел ему на пользу. Ох и особенное же чувство юмора у почтенного старикана.

– Я тут немножко маху дал с этой машинкой, мамуля, – признался я. – Вот отчего в Пайпервилле так тихо.

– Истинно так, клянусь Богом, – выговорил дедуля сквозь смех. – Сонку следует искать убежище. Смываться надо, сынок, ничего не попишешь.

– Ты нашалил, Сонк? – спросила мамуля.

– Все «ля-ля-ля» да «ля-ля-ля»! – завизжал Енси. – Я требую того, что мне по праву положено! Я желаю знать, что сделал Сонк такого, отчего все люди мира трахнули меня по голове? Неспроста это! Я так и не успел...

– Оставьте вы ребенка в покое, мистер Енси, – обозлилась мамуля. – Мы свое обещание выполнили, и хватит. Убирайтесь-ка прочь отсюда и остыньте, а не то еще ляпнете что-нибудь такое, о чем сами потом пожалеете.

Папуля мигнул дяде Лесу, и, прежде чем Енси обляял мамулю в ответ, стол подогнул ножки, будто в них колени были, и тихонько шмыгнул Енси за спину. Папуля сказал дяде Лесу: «Раз, два – взяли», стол распрямил ножки и дал Енси такого пинка, что тот отлетел к самой двери.

Последним, что мы услышали, были вопли Енси, когда он кубарем катился с холма. Так он прокувыркался полпути к Пайпервиллу, как я узнал позже. А когда добрался до Пайпервилла, то стал глушить людей гаечным ключом по голове.

Решил настоять на своем, не мытьем, так катаньем.

Его упрятали за решетку, чтоб пришел в себя, и он, наверно, очухался, потому что в конце концов вернулся в свою хибарку. Говорят, он ничего не делает, только знай сидит себе да шевелит губами – прикидывает, как бы ему свести счеты с целым миром. Навряд ли ему это удастся.

Впрочем, тогда мне было не до Енси. У меня своих забот хватало. Только папуля с дядей Лесом поставили стол на место, как в меня снова вцепилась мамуля.

– Объясни, что случилось, Сонк, – потребовала она. – Я боюсь, не нашкодил ли ты, когда сам был в машинке. Помни, сын, ты – Хогбен. Ты должен хорошо себя вести, особенно если на тебя смотрит весь мир. Ты не опозорил нас перед человечеством, а, Сонк?

Дедуля опять засмеялся.

– Да нет пока, – сказал он.

Тут я услышал, как внизу, в подвале, у малыша в горле булькнуло, и понял, что он тоже в курсе. Просто удивительно. Никогда не знаешь, чего еще ждать от малыша. Значит, он тоже умеет заглядывать в будущее.

– Мамуля, я только немножко маху дал, – говорю. – Со всяким может случиться. Я собрал машинку так, что расщепить-то она меня расщепила, но отправила в будущее, в ту неделю. Поэтому в Пайпервилле еще не подняли тарарама.

– Вот те на! – сказала мамуля. – Дитя, до чего ты небрежен!

– Прости, мамуля, – говорю. – Вся беда в том, что в Пайпервилле меня многие знают. Я уж лучше дам деру в лес, отыщу себе дупло побольше. На той неделе оно мне пригодится.

– Сонк, – сказала мамуля. – Ты ведь набедокурил. Рано или поздно я сама все узнаю, так что лучше признавайся сейчас.

А, думаю, была не была, ведь она права. Вот я и выложил ей всю правду, да и вам могу. Так или иначе, вы на той неделе узнаете. Это просто доказывает, что от всего не убережешься. Ровно через неделю весь мир здорово удивится, когда я свалюсь как будто с неба, вручу всем по полену, а потом отступлю на шаг и плюну прямо в глаза.

По-моему, два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать – это все население Земли!

Все население! По моим подсчетам, на той неделе.

До скорого!

Пчхи-хологическая война

Глава 1

Последний из рода Пью

Всякий раз, когда простужаюсь, вспоминаю младшего Пью. В жизни не видел более безобразного мальчишки. Фигурой напоминает маленькую гориллу. От жира так и колыхается, лицо одутловатое, взгляд злобный, а глаза расположены настолько близко один от другого, что оба можно выткнуть одним пальцем. А вот его папочка считал пацана центром мироздания. Впрочем, этого и следовало ожидать, потому что младший Пью походил на папочку как две капли воды.

– Последний из рода Пью, – говорил старик, выпячивая грудь, и с гордостью гладил маленькую гориллу по голове. – Мир еще не видел такого прелестного мальчугана.

Когда я встречал их обоих, кровь стыла у меня в жилах. Делалось грустно при воспоминании о тех счастливых днях, когда я не подозревал об их существовании.

Хотите верьте, хотите нет, но эти Пью – отец и сын – едва не стали повелителями мира. Им вот столечко до этого осталось.

Мы, Хогбены, тихие люди. Стараемся не высовываться и вести спокойную жизнь в маленькой долине, куда никто не приходит без нашего согласия. Прошло немало времени, прежде чем соседи и прочее население деревни привыкли к нам. В конце концов они поняли, что мы делаем все возможное, чтобы не выделяться. И с тех пор идут нам навстречу.

Если папуля напивается, как на прошлой неделе, и летит над главной улицей в одних красных подштанниках, прохожие делают вид, что не замечают его. Они знают, что мамуле будет неловко. К тому же всем известно, что, будучи трезвым, папуля гуляет по деревне одетым, как и подобает настоящему христианину.

На этот раз папуля стал пить из-за Крошки Сэма – нашего младенца, который обычно спит в цистерне глубоко в подвале. У него стали резаться зубы – в первый раз после окончания войны между Севером и Югом. Нам казалось, что зубы у него давно прорезались, но с Крошкой Сэмом чего не бывает. Он вообще беспокойный ребенок.

Прохвессор, которого мы держим в бутылке, сказал однажды, что Крошка Сэм испускает что-то инфразвуковое, когда кричит, но это просто у него такая манера выражаться по-ученому. Кто поверит этой околесице! Мы-то знаем, что от криков Крошки Сэма лишь дергаются нервы, только и всего. Папуля не в силах вынести такое. На этот раз рев Крошки Сэма разбудил даже дедулю, а он с Рождества не просыпался. Едва дедуля открыл глаза, как принялся ругаться хуже сапожника.

– Думаешь, я не видел, да? – завопил он. – Опять летаешь, мерзопакостный поганец! Ну ничего, сейчас я тебя приземлю!

Издали донесся грохот падения.

– Я упал с высоты в добрый десяток футов! – послышался крик папули откуда-то из долины. – Это безобразие! Так и кости можно переломать!

– Из-за твоей пьянки нас всех переломают! – ответил дедуля. – Подумать только – летает на виду у соседей! Раньше за такое сжигали на костре! Ты что, хочешь, чтобы о нашем существовании узнало все человечество? А теперь заткнись – мне нужно успокоить Крошку Сэма.

Дедуля умеет успокаивать малыша, как никто другой. На этот раз он спел ему колыбельную на санскрите, и спустя несколько минут оба захрапели дуэтом.

Я мастерил мамуле одну штуковину, чтобы готовить сметану из сливок, – она здорово печет оладьи. Вот только материалов у меня было мало – всего лишь старые санки и несколько кусков проволоки, но мне и этого хватило. Я пытался направить конец проволоки на северо-восток, когда заметил, что в лесу мелькнули полосатые штаны дяди Лема.

Я слышал его мысли.

– Это не я! – громко доносилось до меня. – Занимайся своей работой, Сонк! Меня и в миле от тебя нет. Твой дядя Лем – старый честный джентльмен и никогда не врет. Уж не думаешь ли ты, Сонки, что я тебя обманываю?

– Конечно думаю, – подумал я в ответ. – Только вряд ли тебе это удастся. Признавайся, дядя Лем, в чем дело?

Он замедлил шаг и направился к дому, будто прогуливаясь.

– Просто решил, что твоей мамуле придется по вкусу, если я принесу корзинку смородины, – подумал он вслух, пиная ногой маленький камешек. – Если тебя кто-нибудь спросит, Сонки, скажи, что не видел меня. Разве это не правда? Ты и впрямь меня не видишь.

– Дядя Лем, – высказал я мысль, только не вслух, разумеется, хотя и очень громко. – Я дал слово мамуле, что не буду далеко отпускать тебя, дядя Лем, особенно после того, что ты наделал в прошлый раз, когда тебе удалось улизнуть...

– Ну-ну, мой мальчик, – тут же донесся до меня ответ дяди Лема. – Давай забудем о прошлом.

– Ты не должен отказывать другу, дядя Лем, – напомнил я, обматывая полоз проволокой. – Подожди минутку, пока я приготовлю сметану, и мы отправимся вместе, если тебе так уж хочется. Я готов следовать за тобой куда угодно.

Кусты раздвинулись, показали клетчатые штаны, дядя Лем вышел на открытое место и виновато улыбнулся. Он маленький толстый мужчина. Вообще-то, дядя Лем желает всем только добра, но каждый может убедить его в чем угодно, поэтому мы стараемся не выпускать его из вида.

– И как же ты собираешься готовить сметану? – спросил он, заглядывая в кувшин. – Заставишь этих крошек работать быстрее?

– Ну что ты говоришь, дядя Лем! – возмутился я. – С моей стороны было бы слишком жестоко принуждать их. Эти крошки и так работают изо всех сил, превращая сливки в сметану. Они трудятся в поте лица, и мне их просто жаль. К тому же они такие маленькие, что их даже не видно и рискуешь стать косоглазым, пытаясь разглядеть этих существ. Папуля называет их Ферментами. Думаю, он ошибается – слишком уж они маленькие.

– Тогда как?

– Вот эта штуковина, – с гордостью заявил я, – пошлет мамины сливки вместе с кувшином в будущую неделю. При такой погоде потребуется не больше пары дней, но я решил не торопиться. И когда кувшин снова вернется из будущего в настоящее, внутри будет сметана. – С этими словами я поставил кувшин на полоз, обмотанный проволокой.

– В жизни не встречал более бестолкового парня, – покачал головой дядя Лем, наклонился и согнул выступающий конец проволоки под прямым углом. – Ты что, забыл, что в следующий вторник будет гроза? Теперь все в порядке, действуй.

Я мигнул, и кувшин исчез. Когда он через несколько мгновений вернулся обратно, сметана внутри была такой густой, что по ее поверхности запросто могла гулять мышь. Тут я заметил, что внутри кувшина оказалась оса из будущей недели, и раздавил ее. И сразу понял, что этого делать не следовало. Понял в ту самую минуту, когда сунул руку в кувшин. Черт бы побрал дядю Лема!

Он скрылся в кустах, злорадно хихикая.

– Ну что, обманул тебя, молокосос? – бросил он, исчезая вдаль. – Теперь не достанешь оттуда палец до середины будущей недели!

Мне следовало знать, что я нарушил темпоральный закон. Когда дядя Лем согнул проволоку, он сделал это совсем не из-за какой-то грозы и провел меня за нос. Мне понадобилось почти десять минут, чтобы вытащить палец из кувшина, – мешал некто по имени Инерция, который всегда вмешивается, когда пытаешься нарушить темпоральные законы. Откровенно говоря, я не слишком в этом разбираюсь, ведь мне еще только предстоит многое узнать. Недавно дядя Лем утверждает, что он забыл куда больше, чем я когда-либо узнаю.

Поскольку дяде Лему удалось задержать меня, я едва не упустил его. Не удалось даже переодеться в городской костюм, недавно купленный в магазине, а по тому, что дядя Лем походил на щеголя, я понял, что он направляется куда-то в город.

Но и он волновался. Я то и дело наткался на обрывки его мыслей, еще не успевших рассеяться в воздухе и походивших на клочья тумана, застрявшие в кустах. Мне не удавалось четко понять их смысл, потому что они расплывались, когда я подбегал к ним; ясно было лишь одно: дядя Лем сделал что-то, что ему делать не следовало. Это было совершенно понятно. Мысли звучали примерно так:

«Неприятности, неприятности – жаль, что я пошел на это – боже мой, надеюсь, что дедуля не узнает; о, эти отвратительные Пью, почему я оказался таким идиотом? Одни неприятности – бедный старик, я всегда был таким добрым, никогда никому не причинял зла – а теперь посмотрите на меня.

А здорово я проучил этого молокососа Сонка, ха-ха. Возомнил себя кем-то, мальчишка. Что будет, что будет – ничего, нужно поднапрячься, не терять присутствия духа, может быть, в конце концов окажется хорошо. А ты, старина Лемюэл, заслуживаешь только похвалы. Пусть Господь благословит тебя. Дедуля ничего не узнает».

Через несколько минут я увидел вдалеке его клетчатые брюки, мелькающие среди деревьев; прежде чем я догнал его, он сбежал по склону холма, пересек лужайку, отведенную для пикников на окраине города, и принялся нетерпеливо стучать в окошко кассира железнодорожной станции золотым испанским дублоном, который стянул из морского сундука папули.

Меня ничуть не удивило, что дядя Лем потребовал билет до центра города. Я сделал так, что он не заметил моего присутствия. Дядя Лем принялся отчаянно спорить с кассиром, наконец сдался, покопался в кармане, достал серебряный доллар, и кассир успокоился.

Поезд уже отошел от перрона, когда дядя Лем выскочил из-за угла станции. У меня осталось совсем мало времени, но я все-таки догнал последний вагон. Правда, мне пришлось пролететь несколько метров по воздуху, но этого никто не заметил.

Однажды, когда я был еще совсем мальчишкой, в Лондоне, где мы жили в то время, разразилась эпидемия чумы, и всем нам, Хогбенам, пришлось уносить ноги. Я помню панику в городе, но даже она не может сравниться с шумом и гвалтом, царившим на центральном вокзале, когда туда прибыл наш поезд. Наверное, подумал я, времена переменялись.

Раздавались гудки, выли сирены, кричало радио – по-видимому, каждое новое изобретение, сделанное за последние двести лет, было более шумным, чем предыдущее. У меня даже голова разболелась, пока я не вспомнил, что говорил папуля о повышенном шумовом пороге – он любил ушибить слушателей мудреным словом, – и не произвел соответствующие изменения в своем мозгу.

Дядя Лем все еще не подозревал, что я совсем рядом. Я старался думать как можно тише, хотя он так был погружен в свои заботы, что не обращал внимания на происходящее вокруг. Я шел за ним через толпу, заполнившую станцию, и мы оказались на широкой улице, по которой мчался поток транспорта. Отойдя от поезда, я почувствовал облегчение.

Я не любил думать о том, что происходит внутри паровозного котла, где все эти малюсенькие существа – такие крохотные, что их трудно разглядеть, – носятся взад и вперед, бед-

няжки, разгоряченные, взволнованные, бьются друг о друга головами. Мне просто было жаль их.

Разумеется, размышлять о том, что происходит внутри автомобильных моторов на машинах, мчащихся мимо, было еще ужаснее.

Дядя Лем сразу устремился туда, куда ему хотелось. Он рванул по улице с такой скоростью, что мне все время приходилось бежать вслед и то и дело напоминать самому себе, что в городе нельзя летать. Меня не покидала мысль, а не стоит ли рассказать о происходящем родным, которые остались дома? Вдруг все это обернется так, что я один не смогу справиться? Я пытался несколько раз, но постоянно терпел неудачу. Мамуля на целый день ушла в церковь, и я все еще не забыл, как она врезала мне в прошлый раз, когда я заговорил с ней, забыв о своей невидимости, прямо перед священником Джонсом, изрядно напугав его. Джонс еще не успел привыкнуть к нам, Хогбенам.

Папуля, как всегда, был пьян. Будить его не имело смысла. И я не решался обратиться к дедуле, потому что до смерти боялся разбудить Крошку Сэма.

Дядя Лем прямо-таки мчался через толпу, у него только ноги мелькали. Я чувствовал, как нарастает его тревога. Вскоре я увидел в переулке людей, собравшихся вокруг огромного грузовика. У машины был откинут задний борт, в кузове стоял мужчина и размахивал бутылками, которые держал в обеих руках.

Я прислушался. Мужчина говорил что-то о головной боли, причем так громко, что его было слышно даже на углу переулка. Вдоль бортов виднелись плакаты с надписью: «ЛЕКАРСТВО ПЬЮ ИЗЛЕЧИТ ОТ ГОЛОВНОЙ БОЛИ!»

– Неприятности, одни неприятности! – думал дядя Лем, да так громко, что у меня в голове звенело. – Господи боже мой, что же теперь делать? Разве я мог подумать, что кто-нибудь женится на Лили Лу Мутц? Что придумать?

Если уж говорить начистоту, мы все удивились, когда Лили Лу Мутц вдруг нашла себе мужа – где-то лет десять тому назад, по-моему. Но какое отношение это имело к дяде Лему, я не понимал. Лили Лу была самой безобразной женщиной в мире. Да ее даже и безобразной нельзя назвать, бедняжку.

Дедуля однажды сказал, что она напоминает ему о семейке по фамилии Горгоны, с которой он был когда-то знаком. Впрочем, у нее была добрая душа, а поскольку она выглядела такой безобразной, Лили Лу пришлось терпеть немало насмешек от деревенских хулиганов.

Она жила одна-одинешенька в полуразвалившейся хижине на горе, и когда с той стороны реки пришел какой-то мужик и потряс всю долину, сосватав ее, Лили Лу было уже около сорока. Сам-то я не видел этого мужика, но говорят, что и он не выигрывал призов по красоте. И тут, глядя на грузовик, я вспомнил: точно, никакой ошибки, его звали Пью.

Глава 2

Добрый старый приятель

В следующее мгновение я заметил, что дядя Лем устремился к столбу у края толпы. Мне показалось, что рядом со столбом стоят две гориллы – большая и маленькая – и наблюдают за мужчиной, продающим бутылки.

– Подходите и покупайте! – кричал он, раздавая бутылки обеими руками и засовывая в карманы доллары. – Покупайте бутылки с лекарством Пью, гарантированно излечивающим от головной боли! Торопитесь, всем может не хватить!

– Привет, Пью, вот и я, – сказал дядя Лем, глядя на большую гориллу. – Здорово, малыш, – повернулся он к маленькой горилле, и я заметил, что он вздрогнул.

Да и кто может его обвинить в этом! В жизни не приходилось видеть более отвратительных представителей рода человеческого. Если бы у этих Пью были не такие одутловатые лица или хотя бы будь они чуть стройнее, они не так напоминали бы двух откормленных слизняков – одного большого, а другого поменьше. Папочка Пью был одет в свой лучший костюм с толстенной золотой цепочкой от часов поперек живота. Он расхаживал так важно, будто никогда не видел себя в зеркале.

– Здравствуй, Лем, – небрежно бросил он. – Вижу, что ты прибыл точно по расписанию. Малыш, поздоровайся с мистером Лемом Хогбенем. Надеюсь, сынок, ты не забыл, чем ему обязан? – И он рассмеялся противным смехом.

Младший Пью не обратил на него никакого внимания. Его маленькие глазки были прикованы к толпе на другой стороне улицы. На первый взгляд ему можно было дать лет семь, и трудно было представить себе более безобразного мальчишку.

– Может, пора приступать, папочка? – пропищал он. – Можно, я выдам им как следует, а, папочка? – Его голос был таким противным, и в нем было столько нетерпения, что я поспешно посмотрел, нет ли у него под рукой пулемета. Нет, пулемета у младшего Пью не оказалось, но, если можно было бы убивать взглядом, он уже давно прикончил бы всю толпу.

– Смотри, какой у меня малыш, Лем, – произнес папа Пью с нескрываемой гордостью. – Настоящий маленький мужчина! Я им очень горжусь, Лем, старина, и не скрываю этого. Жаль, что его милый дедушка не дожил до этого великого дня. Да, у нас старинный знатный род, наша семья Пью. Теперь подобного не сыщешь. Плохо лишь одно: малыш – последний в нашем роду. Теперь ты понимаешь, Лем, почему я вызвал тебя.

Дядя Лем снова вздрогнул.

– Понимаю, – сказал он, – даже слишком хорошо понимаю. Но ты напрасно тратишь время, Пью. Я не сделаю этого.

Младший Пью резко повернулся.

– Давай я дам ему как следует, папочка? – пропищал он голосом, полным нетерпения. – Разрешите, папочка? Можно?

– Заткнись, сынок, – ответил старший Пью и отвесил малышу увесистую оплеуху. Руки у мистера Пью были словно окорока. Он действительно напоминал телосложением гориллу.

Когда его огромный кулак опустился на голову малыша, можно было ожидать, что мальчишка перелетит на другую сторону улицы. Но пацан оказался твердым орешком. Он лишь пошатнулся, потряс головой и покраснел от злости.

– Папочка, – завопил он на всю округу, – я предупреждал тебя! Еще в прошлый раз, когда ты врезал мне, я предупредил тебя! А теперь я дам тебе как следует!

Мальчишка глубоко вздохнул, и его крошечные свиные глазки сдвинулись так близко, что я мог бы поклясться – они коснулись друг друга. Одутловатое лицо стало ярко-красным.

– Ну хорошо, малыш, хорошо, – поспешно согласился старший Пью. – Думаю, что пришло время. Не трать на меня силы, сынок. Лучше займись толпой!

Все это время я стоял у края толпы, не спуская глаз с дяди Лема и прислушиваясь к их разговору. В это мгновение кто-то похлопал меня по плечу и тоненький голосок вежливо пропищал:

– Послушайте, мистер! Вы позволите задать вам пару вопросов?

Я посмотрел вниз. Рядом стоял худенький мужчина с добрым лицом. В руке он держал записную книжку.

– Валяйте, – не менее вежливо ответил я. – Спрашивайте, мистер.

– В общем-то, у меня всего один вопрос, – сказал мужчина и поднес карандаш к раскрытой записной книжке. – Как вы себя чувствуете?

– Отлично, – улыбнулся я, польщенный заботой. – С вашей стороны очень любезно поинтересоваться самочувствием ближнего. Надеюсь, что и вы чувствуете себя неплохо.

Он с недоумением кивнул головой.

– В этом-то вся штука! – воскликнул он. – Ничего не понимаю! Я действительно чувствую себя хорошо!

– Что в этом странного? – поинтересовался я. – Такой тихий солнечный день!

– И не только я, – продолжал он, словно не услышал моих слов. – Все остальные тоже. Но минут через пять, по моим расчетам...

И тут что-то обрушилось мне на голову, подобно раскаленному молоту.

Вы сами понимаете, что любому Хогбену нельзя причинить боль, ударив его по голове. Только дурак может рассчитывать на такое. Я почувствовал, как у меня подогнулись колени, но через пару секунд оправился и оглянулся по сторонам, чтобы узнать, кто ударил меня. Вокруг не было ни души. Но зато как стонала и корчилась вся толпа! Люди хватались за головы, шатались из стороны в сторону, расталкивая друг друга, чтобы побыстрее добраться до грузовика, с которого мужчина быстро раздавал бутылки с лекарством и не менее быстро рассовывал по карманам доллары.

Щупленький мужчина рядом со мной пошатнулся, и его глаза закатились, как у утки при ударе грома.

– О, моя голова! – простонал он. – Ну, что я вам говорил? О, моя голова! – И с этими словами он двинулся к грузовику, нащупывая деньги в кармане.

В семье всегда считали меня придурком, но нужно быть совсем уж кретином, чтобы не понять, что вокруг происходит что-то необычное. А я отнюдь не считаю себя недоумком, что бы ни говорила обо мне мамуля, поэтому повернулся и взглянул на младшего Пью.

Он стоял, этот толстомордый хорек, красный, как индюк, надувшийся от важности, и смотрел на толпу злобными крохотными глазками.

– Колдовство, – подумал я совершенно спокойно. – Я никогда в это не верил, но это колдовство, не более и не менее. Каким образом...

Затем я вспомнил Лили Лу Мутц и то, о чем думал про себя дядя Лем. И многое стало мне понятным.

Толпа обезумела. Люди дрались между собой, прорываясь к грузовику за лекарством. Меня едва не смяли, но я все же пробился к месту, где стоял дядя Лем. Мне стало ясно, что придется взять дело в свои руки, потому что у него не только мягкое сердце, но и не иначе как размягчение мозга.

– Нет, сэр, – упрямо твердил он. – Я не сделаю этого. Ни в коем случае.

– Дядя Лем, – позвал я.

Он подпрыгнул в воздух на добрый ярд.

– Сонк! – взвизгнул он, покраснел, смутился, попытался рассердиться, но я-то видел, какое облегчение он испытывает при виде меня.

– Сонк, – повторил он, – я ведь запретил тебе следить за мной.

– Мамуля приказала мне не спускать с тебя глаз, дядя Лем, – напомнил я. – Я дал слово, а мы, Хогбены, никогда не нарушаем обещания. Что здесь происходит, дядя Лем?

– О, Сонк, все пропало! – застонал он. – У меня доброе сердце, я желаю всем людям счастья, а теперь я натворил такое, что лучше бы мне умереть! Познакомься с мистером Эдом Пью, Сонк. Это он пытается погубить меня.

– Ну что ты говоришь, Лем, – упрекнул Пью-старший. – Ты ведь знаешь, что это неправда. Я просто хочу, чтобы ты поступил по справедливости. Привет, юноша. Насколько я понимаю, это еще один Хогбен. Может быть, тебе удастся уговорить дядюшку...

– Извините меня, мистер Пью, – прервал я его тираду. – Но сначала объясните, в чем дело. Пока я ничего не понимаю.

Он откашлялся и надулся, важно выпятив грудь. Мне стало ясно, что Пью-старший любит говорить на эту тему. По-видимому, это возвышало его в собственных глазах.

– Я не знаю, молодой человек, был ли ты знаком с моей покойной женой, добрейшей Лили Лу Мутц, – начал он. – Это наш ребенок, наш мальчуган. Воплощение прелести и доброты. Очень жаль, что у нас не родились еще восемь или десять таких малышек. – Пью тяжело вздохнул. – Такова жизнь. Я мечтал жениться еще молодым парнем и стать отцом большого семейства, потому что сам я последний в древнем и славном роду. Но это не значит, что я примирился с тем, что род вымрет.

Тут он бросил угрожающий взгляд на дядю Лема, и тот застонал.

– Я все равно не соглашусь, – вымолвил он. – Ты не заставишь меня.

– Посмотрим, – с расстановкой произнес Пью, не скрывая угрозы. – Может быть, твой юный племянник окажется благоразумнее. Хочу предупредить, что у меня в этом штате большое влияние и мое слово имеет немалый вес.

– Папочка, – вмешался Пью-младший, и от его визга у меня зазвенело в ушах. – Папочка, смотри, они уже не так торопятся. Может быть, на этот раз выдать им посильнее, а? Двойной силы, можно, папочка? Уверен, если постараюсь, то ухлопаю парочку. Понимаешь, папочка...

Эд Пью размахнулся, собираясь как следует врезать своему отпрыску, но в последний момент передумал.

– Не перебивай старших, сынок, – заметил он. – Видишь, папочка занят. Заткнись и занимайся делом. – Пью взглянул на стонущую толпу. – Можешь выдать как следует вон той группе в стороне от грузовика. Они что-то не торопятся покупать наше лекарство. Но только не в полную силу, малыш. Нужно экономить энергию. Не забудь, что ты еще маленький и тебе нужно расти.

Он снова повернулся ко мне.

– Мой мальчуган – талантливый ребенок, – с гордостью сказал он. – Да ты и сам увидишь. Унаследовал способности от своей покойной матери, милой Лили Лу Мутц. Так о чем я говорил? Ах да, о Лили Лу. Я надеялся жениться молодым, но помешали обстоятельства, и я встретил подходящую женщину в зрелом возрасте.

Пью надулся, подобно огромной жабе, и с восхищением посмотрел вниз. Мне еще никогда не приходилось встречать человека, который бы так гордился собой.

– Мне никогда не попадалась женщина, готовая посмо... я хочу сказать, никогда не попадалась подходящая женщина, – поспешно поправился он, – пока не встретил Лили Лу Мутц.

– Я понимаю вас, – вежливо кивнул я. Действительно, мне были понятны его трудности. Старый Пью потратил немало времени перед тем, как ему попаласть настолько безобразная женщина, что не отвела от него взгляда. Даже бедняжка Лили Лу – да упокоится ее душа – долго не могла заставить себя согласиться.

– И вот тут-то, – продолжил рассказ Эд Пью, – важная роль принадлежит твоему дяде Лему. Оказалось, что давным-давно, много лет назад, он обучил Лили Лу колдовству.

– Это неправда! – завопил дядя Лем. – И откуда мне было знать, что она выйдет замуж и передаст эти способности своему ребенку? Кто мог бы подумать, что такая образина, как Лили Лу...

– Он научил ее колдовству. – Эд Пью сделал вид, что не услышал выкрика дяди Лема. – Я узнал об этом, лишь когда она лежала на смертном одре год назад. Да я вышиб бы из нее дух, если бы знал, что скрывала Лили Лу все эти годы! Итак, Лемюэл научил ее колдовству, и ребенок унаследовал его от матери.

– Я сделал это лишь потому, что хотел защитить Лили Лу, – быстро произнес дядя Лем. – Ты ведь знаешь, Сонки, что я говорю правду. Бедная Лили Лу была настолько безобразна, что прохожие бросали в нее камнями даже помимо своей воли. Вроде как бы автоматически. Разве можно винить их? Мне самому не раз хотелось нагнуться за камнем. Но мне стало так жаль бедняжку, Сонк. Ты никогда не узнаешь, сколько времени я боролся с порывами своего

доброе сердца. И однажды мне стало так ее жаль, что я научил Лили Лу колдовству. Поверь мне, Сонки, любой поступил бы на моем месте так же.

– Ну и как это тебе удалось? – спросил я, не скрывая интереса. Мне пришло в голову, что когда-нибудь такое может пригодиться. Ведь я еще так молод и мне нужно многому научиться.

Дядя Лем принялся объяснять, и я тут же запутался. Сначала мне стало ясно, что крошечные мохнатые существа по имени Гены Хромосомы послушно исполняли все, что потребовал дядя Лем. А затем он объяснил самыми простыми словами эту чепуху относительно альфа-волн головного мозга.

Черт побери, это я и сам отлично знаю. Каждому известно, что, когда человек думает, у него над макушкой так и выются разные там волны. Однажды я видел, как у дедули было шестьсот разных мыслей одновременно, так что волны проносились одна за другой по своим каналам и все-таки никогда не сталкивались друг с другом даже над самой макушкой. Вообще-то, когда дедуля думает, лучше не смотреть на него – в глазах рябит.

– Вот так все и произошло, Сонк, – закончил дядя Лем. – И этот маленький вонючий хорек унаследовал все это могущество.

– Почему не заставить этих самых Генов Хромосомов уйти из паршивца – и он станет самым обычным мальчишкой, только намного хуже других? – спросил я. – Ведь я знаю, как это просто для тебя, дядя Лем. Смотри, даже мне все ясно. – Я сконцентрировал все свое внимание на голове малыша Пью, и мои глаза как-то странно перекошились – так случается всегда, когда хочешь заглянуть внутрь человека.

И действительно, я сразу увидел, о чем говорил дядя Лем. Внутри Пью-младшего виднелась масса маленьких крохотулечек, отчаянно цепляющихся друг за друга, и тоненьких палочек, суетящихся во множестве едва видимых клеточек, из которых состоит каждый – за исключением, может быть, Крошки Сэма, нашего младенца.

– Неужели ты не видишь этого, дядя Лем? – спросил я. – Когда ты обучил Лили Лу колдовству, ты перевернул эти тоненькие палочки в ту сторону и соединил вон в те маленькие цепочки, которые все время дрожат. Теперь тебе нужно всего лишь вернуть все на прежнее место, и Пью-младший будет вести себя совсем по-другому. Неужели это так трудно?

– Совсем легко, – вздохнул дядя Лем и повертел указательным пальцем у своего виска. – Сонк, ты недотепа. Нужно было прислушиваться к тому, что я тебе говорил. Если я верну все эти цепочки, палочки и крохотулечки на прежнее место, мальчишка умрет.

– Мир только выиграет от этого, – заметил я.

– Без тебя знаю. Но ты забыл, что мы обещали дедуле. Больше никаких убийств.

– Послушай, дядя Лем! – воскликнул я, полный негодования. – Неужели этот маленький вонючий хорек будет заколдовывать людей и дальше?

– Нет, Сонк, все обстоит куда хуже. – Бедный дядя Лем чуть не плакал. – Он передаст способности своим отпрыскам, подобно тому как Лили Лу передала их своему ребенку.

Я замолчал. Мне начало казаться, что человечеству угрожает ужасная судьба. И вдруг меня осенило.

– Успокойся, дядя Лем, – сказал я. – Напрасно мы волнуемся. Ты только посмотри на эту маленькую жабу! Да ни одна женщина не подойдет к нему ближе чем на милю! Уже сейчас он выглядит безобразнее своего отца. Не забудь к тому же, что он сын Лили Лу Мутц. Может быть, он, когда вырастет, станет еще безобразнее. Ясно одно – он никогда не женится!

– А вот тут вы ошибаетесь, – встрял в наш разговор Эд Пью. Он так рассвирепел, что стал аж пурпурный. – Вы думаете, я не слышал, о чем вы говорили? Я уже предупредил вас, что в этом городе мое слово – закон. Мы с моим мальчуганом имеем далеко идущие планы, и его талант окажет нам немалую помощь. Только не думайте, что я забуду, как вы говорили о моем ребенке. Так вот, уже сейчас я вхожу в совет олдерменов, а на будущей неделе откроется вакансия в сенат штата – если только старый кретин, который сейчас занимает этот пост, не

окажется куда крепче, чем мне кажется. Так что предупреждаю тебя, юный Хогбен, ты и твоя семья дорого заплатите за оскорбления!

– Стоит ли сердиться, выслушивая истинную правду? – удивился я. – Малыш действительно отталкивающий тип.

– К нему нужно только привыкнуть, – возразил папочка. – Нас, Пью, трудно понять. Это потому, что у нас твердый характер. Зато мы не поступаемся своей честью. И я уж позабочусь о том, чтобы наша родовая линия не прерывалась, будьте уверены. Ты слышал, Лемюэл?

Дядя Лем закрыл глаза и отрицательно покачал головой.

– Нет, сэр, – сказал он. – Я никогда не соглашусь на это. Никогда, никогда, никогда...

– Лемюэл, – произнес Эд Пью мрачным голосом. – Лемюэл, ты хочешь, чтобы я напустил на тебя малыша?

– Напрасно будете стараться, мистер Пью, – заметил я. – Неужели вы не заметили, что он пытался заколдовать меня вместе с толпой и что из этого вышло? Нас, Хогбенов, не заколдуешь.

– Ну что ж... – Он задумался, стараясь найти выход. – Гм... Я придумаю что-нибудь. Я... ну конечно! Вы оба добряки. Обещали своему дедуле, что не будете никого убивать? Лемюэл, открой глаза и посмотри на ту сторону улицы. Видишь симпатичную старушку с палочкой? Как тебе понравится, если мой мальчик прикончит ее?

Дядя Лем еще крепче закрыл глаза.

– Не хочу смотреть. Я даже не знаком с этой доброй старушкой. К тому же у нее мучительный ревматизм – может быть, она даже обрадуется своей кончине.

– Ну хорошо, тогда как относительно вон той прелестной молодой женщины с ребенком на руках? Взгляни на нее, Лемюэл. Какой красивый ребенок! Смотри, какая улыбка, какие ямочки на щечках. Приготовься, сынок. Начнем, пожалуй, с бубонной чумы. А потом...

– Дядя Лем, – в моем голосе звучало беспокойство, – не знаю, как отнесется к этому дедуля. Может быть...

На мгновение дядя Лем открыл глаза и посмотрел на меня взглядом, полным отчаяния.

– Разве я виноват, что у меня золотое сердце? – произнес он. – Я старый благородный мужчина, и все этим пользуются. Я не согласен. Теперь мне наплевать, даже если Эд Пью прикончит всю человеческую расу. Меня не интересует, что подумает дедуля, когда узнает, что я натворил. Больше ничто меня не беспокоит. – И он расхохотался диким смехом. – Ничего ни о чем не знаю. Подремлю немного, Сонк.

И с этими словами он рухнул на тротуар, одеревеневший, как бревно.

Глава 3

Безвыходное положение

Несмотря на все беспокойство, я не удержался от улыбки. Иногда дядя Лем способен на забавные выходки. Я понял, что он снова усыпил себя, – он делает так всегда, как только его загоняют в угол.

Дядя Лем грохнулся на асфальт во весь рост и даже подпрыгнул немного. Пью-младший испустил восторженный вопль. Думаю, ему показалось, что дядя Лем упал по его команде. Разумеется, когда мальчуган увидел беспомощного человека, распростершегося на тротуаре, он тут же бросился к нему и изо всех сил пнул дядю Лема в висок.

Как вы помните, я уже говорил, что у нас, Хогбенов, очень твердые головы, прямо чугунные. Пацан взвыл от боли и начал прыгать на одной ноге, сжимая другую, ушибленную, обеими руками.

У каждого из нас в организме живет целое стадо микробов, вирусов и других крохотных существ, носящихся сломя голову туда и обратно.

Когда заклятие Пью-младшего обрушилось на дядю Лема, все стадо оживилось еще больше, а вдобавок проснулась и начала действовать прорва малюсеньких зверушек, которых папуля называет антителами.

Когда к вам в организм попадает какой-нибудь яд, все эти крохотульки хватают первое попавшееся под руку оружие и устремляются в драку, с криками и руганью. Это и происходило внутри дяди Лема. Вот только у нас, Хогбенов, внутри есть своя собственная милиция. И она тоже вступила в дело.

В организме дяди Лема шло такое сражение, что он из бледно-зеленого стал вроде как пурпурный и на всех видимых частях его тела проступили большие желтые и голубые пятна. На первый взгляд он выглядел отчаянно больным. Разумеется, никакого вреда организму дяди Лема все это не причинило. Милиция Хогбенов запросто одержит верх над микробами, способными дышать. И все-таки выглядел он ужасно.

– Пропустите меня, я врач!

Доктор опустился на колени рядом с дядей Лемом и нащупал его пульс.

– Ну, олдермен Пью, теперь вам крышка! – воскликнул доктор, глядя на Эда Пью. – Уж не знаю, как вам это удалось, но такого вам никто не простит. У этого несчастного бубонная чума! На этот раз я потребую, чтобы против вас и этого маленького чудовища приняли решительные меры!

Эд Пью хихикнул, но я-то видел, что он с трудом сдерживает ярость.

– Вот уж обо мне не беспокойтесь, доктор Браун, – произнес он зловеще. – Как только я займу пост губернатора штата – а мои планы всегда сбываются, – больница, которой вы так гордитесь, больше не будет получать дотаций из фондов штата. Да и с какой стати? Больницы набиты одними дармоедами! Пусть встают и принимаются за работу, нечего отлеживаться за государственный счет. Мы, Пью, никогда не боеем. Как только я стану губернатором, мы уж сумеем найти применение деньгам, которые тратят сейчас на то, чтобы платить людям, при-творяющимся больными!

– Где это запропастилась «скорая помощь»? – пробормотал доктор.

– Если вы говорите про эту длинную машину, которая так громко ревет, – сказал я, – то она примерно милях в трех от нас, но быстро приближается. Только дяде Лему не нужно никакой помощи. У него всего лишь приступ. Такое случается в нашей семье очень часто. Никакой опасности.

– Господи боже мой! – воскликнул врач. – Вы утверждаете, что у него уже было такое и он выжил? – Затем он взглянул на меня и неожиданно улыбнулся. – А, понятно! Бойтесь больниц? Не беспокойтесь, мы не причиним ему вреда.

Проницательность доктора немного удивила меня. Ведь я старался не допустить, чтобы дядя Лем попал в больницу, именно по этой причине. Госпитали – не место для нас, Хогбенов. Врачи слишком уж любопытные люди. Поэтому я позвал дядю Лема самым громким голосом – не вслух, разумеется.

– Дядя Лем! – заорал я, не открывая рта. – Дядя Лем, просыпайся! Дедуля сдерет с тебя шкуру и приколотит ее к дверям амбара, если узнает, что тебя отвезли в больницу. Ты что, хочешь, чтобы врачи узнали о том, что у тебя в груди два сердца? И увидели, как устроены твои кости? Или что у тебя в животе? Дядя Лем, просыпайся немедленно!

Он даже не шевельнулся.

Я сперва испугался по-настоящему. Дядя Лем опять поставил меня в безвыходное положение. Вся ответственность за него легла на меня, а я даже не знал, что делать. Ведь я все еще слишком молод для серьезных дел. Настолько, что мое самое раннее воспоминание – это

Великий пожар в Лондоне при короле Чарльзе II, помните, ну том самом, с длинными кудрявыми волосами? Впрочем, он действительно выглядел красавчиком.

– Мистер Пью, – сказал я, – нужно заставить вашего малыша снять заклятие. Я не могу позволить, чтобы дядю Лема забрали в больницу, вы же сами знаете это.

– Ну-ка, мальчуган, добавь еще, – скомандовал Эд Пью с мерзкой улыбкой. – А я поговорю с юным Хогбеном. – Врач посмотрел на нас с изумлением, а Эд Пью добавил: – Отойдем в сторону, Хогбен. Не хочу, чтобы нас подслушивали. А ты, малыш, продолжай действовать!

Желтые и голубые пятна на теле дяди Лема стали еще ярче, и вокруг них появились зеленые кольца. Доктор Браун задохнулся от ужаса. Эд Пью взял меня за руку и отвел в сторону. Когда мы отошли достаточно далеко, он уставился на меня своими крохотными свинячьими глазками и доверительно прошептал:

– Ты ведь знаешь, что мне нужно, Хогбен. Лемюэл все время говорил, что не сделает этого, но ни разу не сказал, что не может сделать. Поэтому мне ясно: любой из вашей семьи может сделать это для меня.

– Что конкретно вы имеете в виду, мистер Пью? – вежливо спросил я.

– Мне нужно, чтобы наш старый благородный род, наше семейное древо не умерло. Я хочу, чтобы в мире всегда жили Пью. Мне нелегко было найти жену, и я знаю, что мальчугану будет еще труднее. У современных женщин недостает вкуса. После того как Лили Лу вознеслась на небо, вряд ли найдется другая женщина, которая согласится выйти замуж за Пью. Поэтому боюсь, что малыш станет последним в нашей династии. А ведь у него такие способности! Если ты сделаешь так, что наша семья не прекратит существования, я заставлю мальчугана снять заклятие с Лемюэля.

– Но ведь если я устрою так, что ваша семья, мистер Пью, никогда не вымрет, – заметил я, – это значит, что вымрут все остальные семьи и в мире останутся одни Пью.

– Ну и что в этом плохого? – усмехнулся Эд Пью. – По моему мнению, наш род ничуть не хуже других, даже сильнее и здоровее. – Он напряг свои здоровенные ручищи и расправил плечи. Ростом Пью-старший был выше, чем я. – Пройдет время, и Пью заселят всю землю. И ты поможешь нам в этом, молодой человек.

– Нет! – воскликнул я. – Никогда! Даже если бы я знал как...

У въезда в переулок послышался ужасный шум, толпа расступилась, машина «скорой помощи» въехала в переулок и остановилась у обочины рядом с дядей Лемом. Из дверей выскочили два парня в белых халатах с чем-то вроде тьюфяка на двух палках. Доктор Браун встал, и на его лице было написано облегчение.

– Боялся, что вы так и не приедете, – заметил он. – Думаю, этого мужчину нужно поместить в карантин. Одному Богу известно, что мы обнаружим, когда проведем первые анализы. Ну-ка дайте мне мою сумку. Мне нужен стетоскоп. У больного что-то странное с сердцем.

Говоря по правде, мое сердце провалилось прямо в ботинки. Нам конец, подумал я, всему роду Хогбенов. Едва врачи узнают о нас, нам не останется ни минуты покоя до самой смерти. У нас будет личной жизни и спокойствия меньше, чем у кукурузного початка.

Эд Пью наблюдал за мной с насмешливой улыбкой на бледном одутловатом лице.

– Что, забеспокоился? – спросил он. – Должен сказать, у тебя есть для этого все основания. Знаю я вас, Хогбенов. Дьявольское семя каждый из вас. Вот отвезут его в больницу и мало ли что обнаружат. Быть колдунами, наверно, противозаконно. У тебя осталось с полминуты, чтобы принять решение, юный Хогбен. Что ты теперь скажешь?

Что я мог ему сказать? Ведь я не мог обещать сделать то, что было ему нужно, правда? Отдать весь мир во власть безобразных Пью, овладевших могущественным колдовством. Мы, Хогбены, жили очень долго. У нас были очень важные планы на будущее к тому времени, когда все остальные люди догонят нас. Но если к этому моменту мир будет населен одними Пью, вряд ли стоит осуществлять их. Так что я не мог согласиться. Но я не мог и отказать. В этом

случае дяде Лему конец. Так что мне стало ясно, что мы, Хогбены, обречены независимо от того, какое решение я приму.

У меня был только один выход. Я глубоко вздохнул, закрыл глаза и громко крикнул – в уме, разумеется:

– Дедуля!

– Что случилось, мой мальчик? – услышал я глубокий громкий голос внутри своего мозга.

Могло показаться, что дедуля все время был где-то рядом, ожидая, что его позовут. На самом деле он находился в сотнях миль от меня и крепко спал. Но когда один из Хогбенов зовет на помощь таким голосом, как позвал я, он имеет все основания рассчитывать на немедленный ответ. И дедуля отозвался.

В любое другое время дедуля тянул бы резину минут пятнадцать, задавая вопросы и не прислушиваясь к ответам, причем прибегая к самым разным старомодным диалектам, которые он освоил на протяжении бесчисленных лет. Но сейчас дедуля понял, что дело серьезно.

– Что случилось, мой мальчик? – было все, что он спросил.

Я распахнул свой ум перед ним, подобно школьной тетради. У нас не оставалось времени на вопросы и ответы. Доктор уже достал свой аппарат и приготовился слушать, насколько несогласованно бьются два сердца дяди Лема. Как только он выслушает его, для нас, Хогбенов, наступят трудные времена.

– Если только ты не разрешишь мне убить их, дедуля, – добавил я. К этому моменту я знал, что дедуля уже ознакомился с создавшимся положением.

Казалось, что наступила ужасно долгая тишина. Доктор держал в руках инструмент и вставлял длинные черные трубки в уши. Эд Пью следил за мной, словно ястреб. Малыш стоял рядом, готовый врезать любому, кто ему не понравится. Я надеялся, что он выберет меня. Мне удалось разработать способ отбросить заклятие обратно в его отвратительную морду, и, вполне вероятно, это могло прикончить его прямо на месте.

Я услышал у себя в мозгу вздох дедули.

– Мы в безвыходном положении, Сонк, – сказал он. Помню, как меня удивило то, что дедуля может говорить на обычном английском языке – если ему этого хочется, конечно. – Скажи Эду Пью, что мы согласны.

– Но, дедуля... – начал я.

– Делай, как тебе говорят! – Он произнес эти слова с такой твердостью, что у меня заболела голова. – Быстро, Сонк! Передай Пью, что мы сделаем, как он хочет.

Я не решился возражать. И все-таки на этот раз я едва не пренебрег мнением дедули и подумал ему в ответ: «Если ты настаиваешь, дедуля, я так и сделаю, но я не согласен с тобой. Если уж у нас нет выхода, то лучше запереть весь этот яд внутри Пью-младшего, чем рассеять его по всему миру». Но вслух я произнес:

– Хорошо, мистер Пью. Мы сдаемся. Только побыстрее снимите заклятие. Иначе будет поздно.

Глава 4

Пью возвращаются

У мистера Пью был огромный желтый автомобиль, низко сидящий и с открытым верхом. Он мчался ужасно быстро. А уж как он ревел! Один раз я заметил, что мы сбили маленького мальчика, который вышел на шоссе, но мистер Пью не обратил на это никакого внимания, и я не решился сделать что-нибудь. Как сказал дедуля, эти Пью загнали нас в угол.

Было нелегко уговорить их отправиться в нашу долину вместе со мной, но так распорядился дедуля, и я сумел убедить Пью.

– Откуда я знаю, что вы просто не убьете нас, как только мы окажемся за пределами города? – спросил мистер Пью.

– Мне ничего не стоит убить вас обоих прямо сейчас, – ответил я. – Если бы не запрет дедули, я так бы и поступил. Но раз он запретил, вы в безопасности, мистер Пью. Хогбены никогда не нарушают данного ими слова.

Он согласился, хотя скорее его убедило то, что, как я сказал ему, мы можем работать только на своей территории. Дядю Лема погрузили на заднее сиденье и отправились в путь. Пришлось долго спорить с доктором, но мы его уговорили, разумеется. Правда, понадобилось преодолеть упрямство дяди Лема.

Он так и не проснулся, но как только Пью-младший снял с него заклятие, цвет лица дяди Лема снова стал розовый, как у нормального человека. Доктор отказался верить собственным глазам. Мистеру Пью пришлось прибегнуть к самым страшным угрозам, прежде чем мы уехали. Я оглянулся назад и увидел доктора, который сидел на краю тротуара, что-то бормотал себе под нос и потирал лоб с ошеломленным видом.

Я чувствовал, как дедуля изучает обоих Пью через мой мозг. Мне показалось, что он вздыхает и качает головой, обдумывая проблемы, которые оставались мне совершенно непонятными.

Когда мы подъехали к дому, там никого не было. Я слышал, как дедуля ворочается и бормочет что-то, лежа в своем дерюжном мешке на чердаке, но папули нигде не было видно – это ничуть не удивило меня, он предпочитал оставаться невидимым, а когда я позвал его, оказалось, что он настолько пьян, что не отзывается. Крошка Сэм спал у себя в цистерне, мамуля еще не вернулась из церкви, и дедуля запретил звать ее.

– Мы сами справимся с этим, Сонк, – сказал он, как только я вышел из автомобиля. – Я кое-что придумал. Помнишь салазки, которые ты оборудовал сегодня утром, чтобы сбивать мамуле сметану? Вытаскивай их, сынок, вытаскивай.

Я сразу понял, что он задумал.

– Нет, дедуля, нет! – воскликнул я вслух, забывшись на мгновение.

– С кем это ты разговариваешь? – спросил Эд Пью, вылезая из автомобиля. – Я никого не вижу. Это и есть ваша ферма? Не дом, а развалюха. Не отходи от меня, малыш. Что-то я не слишком доверяю этим Хогбенам.

– Говорю тебе, сынок, вытаскивай санки. – Голос дедули был твердым. – Я все обдумал. Мы пошлем двух этих горилл в прошлое. Им там самое место.

– Ну что ты говоришь, дедуля! – завопил я, на этот раз молча. – Давай сначала обсудим все. Позволь хотя бы позвать мамулю. Да и папуля совсем не дурак, когда трезвый. Подождем, пока он протрезвеет, а? Крошку Сэма тоже неплохо было бы спросить. Мне кажется, дедуля, что нельзя посылать их в прошлое.

– Крошка Сэм спит, – послышался ответ дедули. – Оставь его в покое. Он начитался Эйнштейна, и теперь его не разбудишь.

Если уж быть откровенным, больше всего меня беспокоило то, что дедуля говорил на самом обычном английском языке. Такое никогда не случается с ним, когда он чувствует себя нормально. А что, если начал сказываться возраст и здравый смысл покинул, так сказать, его голову?

– Дедуля, – начал я, стараясь говорить как можно спокойнее. – Разве тебе не понятно? Если мы пошлем их в прошлое и дадим им то, что обещали, положение станет в миллион раз хуже! Может быть, ты собираешься отослать их в первый год нашего летосчисления, а потом забыть о данном тобой слове?

– Сонк! – упрекнул меня дедуля.

– Знаю-знаю, если мы дали обещание, что династия Пью не вымрет, то должны сдержать данное нами слово. Но если мы пошлем их в первый год, это значит, что начиная с того момента и до сегодняшнего времени они будут размножаться и размножаться. С каждым поколением Пью будет становиться все больше и больше. Дедуля, через пять секунд после того, как эти Пью попадут в первый год, мои глаза сдвинутся к носу, а лицо станет бледным и одутловатым, как у Пью-младшего. Если мы дадим им столько времени, дедуля, в мире останутся одни Пью!

– Не изрекай насупротив, нахальный отпрыск! – завопил дедуля. – Делай, что велено!

Увидев, что дедуля снова заговорил на допотопном жаргоне, я почувствовал себя немного лучше. Пошел в сарай и вытащил санки. Мистер Пью принялся отчаянно возражать.

– Я не катался на салазках с того момента, как был меньше своего мальчугана, – заявил он. – Чего ради буду садиться на них сейчас? Это какой-то трюк. Не согласен.

Мальш попытался укусить меня.

– Послушайте, мистер Пью, – сказал я, – если вы хотите, чтобы мы сдержали данное слово, вы должны слушаться, иначе ничего не выйдет. Я знаю, что делаю. Подойдите к санкам и сядьте. Мальш, для тебя достаточно места впереди папочки. Вот так, отлично.

Если бы Пью-старший не заметил, как я обеспокоен, не думаю, что он пошел бы на это. Но я не сумел скрыть свои чувства.

– А где ваш дедуля? – поинтересовался он. – Уж не собираешься ли ты сделать все один? Неграмотный молокосос! Мне что-то не нравится это. Вдруг ты в чем-нибудь ошибешься?

– Мы дали слово, – напомнил я. – Поэтому будьте добры, мистер Пью, замолчите и не мешайте мне сконцентрироваться. А может быть, вам просто не хочется, чтобы династия Пью продолжалась вечно?

– Да, вы действительно обещали, – согласился Пью и поудобнее устроился на санках. – Надеюсь, что не нарушите слово. Не забудь предупредить меня, когда приступишь к работе.

– Отлично, Сонк, – донесся с чердака бодрый голос дедули. – А теперь смотри. Может быть, чему-нибудь научишься. Внимательно следи за происходящим и делай все, что я скажу. Итак, сконцентрируйся и выбери ген. Любой ген.

Если уж дедуля принимается за что-то, то он делает это хорошо. Итак, он распорядился, чтобы я выбрал ген. Отлично. Гены – это такие малюсенькие скользкие существа, веретенообразные и едва видимые невооруженным глазом – невооруженным глазом Хогбенов, разумеется. Они партнеры крошечных существ по имени хромосомы. Куда ни посмотришь, обязательно увидишь гены и хромосомы, нужно только правильно скосить глаза.

– А теперь необходимая порция ультрафиолетового излучения, и все в порядке, – бормотал дедуля. – Давай, Сонк, ты ближе.

– Хорошо, дедуля, – ответил я и вроде как отфильтровал свет, падающий на обоих Пью через иголки сосен. Ультрафиолетовый свет обладает цветом, находящимся на противоположной стороне гаммы цветов, там, где цвета перестают иметь наименования для большинства людей.

– Спасибо, сынок, – услышал я голос дедули. – В самый раз. Подержи его еще немного.

Гены принялись извиваться в унисон со световыми волнами.

– Папочка, меня что-то щекочет, – пожаловался Пью-младший.

– Заткнись, – оборвал его отец.

Дедуля продолжал что-то бормотать себе под нос. Я почти не сомневался, что он украл слова у прохвессора, которого мы держим в бутылке, но не был все-таки полностью уверен. С дедулей никогда нельзя быть уверенным, это уж точно. Не исключено, что он придумал их сам.

– Эухроматин, – шептал он. – Пожалуй, в этом вся разгадка. Ультрафиолетовые лучи дают нам наследственную мутацию, а эухроматин содержит гены, передающие наследственность. А вот гетерохроматин вызывает эволюционные перемены катаклизмического типа. Отлично, отлично. Новые виды всегда могут нам пригодиться. Гм... Думаю, шесть вспышек

гетерохроматического облучения – и хватит. – Он помолчал. – Ик ам энд ек магти! – сказал дедуля наконец. – Все в порядке, Сонк, отправляй их.

Я отпустил ультрафиолетовый свет туда, откуда он появился.

– Значит, в первый год, дедуля? – спросил я, все еще сомневаясь.

– Примерно, – донесся ответ. – Ты знаешь, как это делается?

– Конечно, дедуля, – ответил я, наклонился и дал соответствующий толчок.

Последнее, что я услышал, был рев мистера Пью.

– Да что же здесь происходит? – вопил он. – Что вы тут придумали? Смотри, юный Хогбен, если... Куда нас посылают? Послушай, Сонк, предупреждаю тебя, если это какой-то фокус, я найду на тебя своего мальчугана! Он устроит тебе такое заклятие, которого да-да...

Тут голос его стал все тише и слабее и постепенно затих вдали, превратившись во что-то вроде жужжания комара. Во дворе наступила тишина.

Я замер на месте, напрягся, полный решимости сопротивляться превращению в Пью. Эти гены – хитрющие существа.

Я был уверен, что дедуля совершил ужасную ошибку.

Мне было ясно, что произойдет, как только эти Пью попадут в первый год и начнут затем прыгать из столетия в столетие, приближаясь к нам.

Я плохо представлял, как давно от нас находится первый год, но не сомневался, что у Пью окажется достаточно времени, чтобы населить всю планету. В качестве меры предосторожности я сжал двумя пальцами переносицу, чтобы мои глаза не столкнулись друг с другом, когда начнут сближаться, подобно тому как это происходит со всеми нами, Пью...

– Ты еще не Пью, сынок, – хихикнул дедуля. – Ты их больше не видишь?

– Нет, – ответил я. – Что с ними происходит?

– Санки сбавляют скорость, – пояснил дедуля. – Остановились. Да, это действительно первый год нашего летосчисления. Ты только посмотри, как мужчины и женщины выскакивают из пещер, чтобы приветствовать новых компаньонов! А плечи у мужчин! Куда шире, чем даже у Пью-старшего! И... что за женщины! Клянусь, Пью-младший без труда найдет себе жену, когда наступит время.

– Дедуля, но это ужасно! – простонал я.

– Не перебивай старших, Сонк, – упрекнул дедуля. – Слушай, что там происходит. Малыш только что взялся за колдовство. Чей-то маленький мальчик упал. Его мать лупит Пью-младшего почем зря. Ага, теперь отец упавшего мальчика взялся за Пью-старшего. Ну что за драка! Ты только посмотри! Думаю, все в порядке – с семьей Пью там разберутся, Сонк.

– Как относительно нашей семьи? – спросил я, не скрывая горечи.

– Не беспокойся, Сонк, – заметил дедуля. – Время все уладит. Подожди минутку, я понаблюдаю. Гм... Когда знаешь, куда смотреть, поколение пролетает очень быстро. Какие безобразные существа эти десять маленьких Пью! Очень походят на своего папу и дедушку. Как жаль, что Лили Лу Мутц не видит своих внучат. Как интересно! Каждый из этих десяти малышей мгновенно повзрослел, и у каждого появился десяток своих отпрысков. Как приятно, что мои обещания сбываются, Сонк. Вот ведь я сказал, что сделаю это, – и сделал!

Я застонал.

– Ну хорошо, – деловито произнес дедуля. – Перенесемся на пару столетий вперед. Ага, вот они! Все на месте и размножаются, как кролики. Да и семейное сходство ничуть не ослабевает. Гм... Теперь совершим прыжок на тысячу лет – господи боже мой! Да ведь это Древняя Греция! За все эти годы она ничуть не изменилась! Подумать только, Сонк!

Радостный смех дедули резал мне уши.

– Помнишь, я рассказывал однажды, что лицо Лили Лу напомнило мне о моей приятельнице по имени Горгона? И неудивительно! Все совершенно нормально! Ты бы только посмот-

рел на прапрапраправнуков Лили Лу! С другой стороны, как раз этого делать не стоит. Ну и ну, как интересно.

Наступило молчание, которое длилось минуты три. Затем послышался хохот дедули.

– Бах! Первый гетерохроматический прорыв. Теперь начинаются изменения.

– Какие изменения, дедуля? – спросил я упавшим голосом.

– Изменения, которые подтверждают, что твой старый дедуля совсем не такой дурак, как ты думаешь? Я знаю, что делать. Теперь, когда все началось, изменения будут следовать одно за другим. Смотри, вот второй скачок. Как быстро происходит мутация этих крохотных генов!

– Значит, дедуля, – спросил я с надеждой в голосе, – я все-таки не превращусь в одного из Пью? Но ведь мне казалось, дедуля, что мы обещали – династия Пью не прекратится?

– Я сдержал свое обещание, – сказал дедуля, полный достоинства. – Гены будут распространять это семейство до самого Судного дня. И вместе с ними сохранится способность к колдовству.

И он рассмеялся.

– На твоём месте я бы приготовился к неприятностям, Сонк, – предупредил он. – Мне показалось, что, когда папаша Пью исчезал во тьме прошлого, он пригрозил тебе заклятием. Так вот, он совсем не шутил. Это заклятие вот-вот достигнет тебя.

– Господи! – воскликнул я, полный смятения. – Но к тому времени, когда они придут в наш век, их будет не меньше миллиона! Что же мне делать, дедуля?

– Просто быть наготове. – В голосе дедули сочувствие начисто отсутствовало. – Ты думаешь, их будет миллион? Ошибаешься, намного больше.

– Сколько именно? – поинтересовался я.

Он начал называть число будущих Пью. Хотите верьте, хотите нет, но дедуля все еще не кончил. Так их много.

Видите ли, оказалось, что это очень походило на семью Джюксов, которая жила к югу от нас. Те, что плохие, всегда немного хуже своих детей, и то же самое случилось с Генами Хромосомами и их потомками, так сказать. Династия Пью осталась династией Пью и сохранила способности колдовать – мне кажется, можно сказать, что они в конце концов покорили весь мир.

Все могло обернуться гораздо хуже. Все эти Пью могли остаться такого же размера на протяжении всех поколений. Вместо этого они начали уменьшаться, становились все меньше и меньше. Когда я видел их в человеческом образе, они были выше и крупнее большинства людей – по крайней мере, папочка Пью точно был огромным.

Но после того как прошло бесчисленное количество поколений Пью, начиная с первого года, они настолько уменьшились в росте, что теперь размером с этих крошечных бледных существ в крови. И постоянно сражаются с ними.

Эти Пью так пострадали от вспышек гетерохроматического излучения, о котором говорил мне дедуля, что утратили свои прежние размеры. Теперь их называют вирусами – конечно, вирус примерно то же самое, что и ген, только он намного подвижнее. Призываю в свидетели небесные силы, это все равно что сравнивать потомков Джюкса с Джорджем Вашингтоном!

И тут на меня обрушилось заклятие.

Я принялся чихать. Затем услышал, как начал чихать дядя Лем, которого мы забыли в желтом автомобиле. Дедуля все еще говорил о том, сколько миллионов, миллионов, миллионов и так далее Пью нападает сейчас на меня, так что спрашивать его не имело смысла. Я скосил глаза и в самый момент чиха попытался рассмотреть, кто же это щекочет мне нос...

Никогда в жизни я не видел так много Пью-младших! Это было настоящее колдовство. Более того, эти Пью все еще трудятся, посылая проклятия на всех людей, которые живут на земле. Можно предположить, что их работа продлится еще долго, потому что династия Пью должна жить вечно – так обещал дедуля.

Я слышал, что некоторые вирусы трудно разглядеть даже в микроскоп. Представляете, как будут удивлены все эти прохвессоры, когда им удастся должным образом сфокусировать микроскоп и они увидят в поле зрения этих бледных дьяволят с одутловатыми лицами, безобразных, как смертный грех, с глазами, сидящими вплотную друг к другу, заколдовывающих всех, кого увидят!

Потребовалось немало времени с первого года, но Гены Хромосомы добились своего с помощью дедули. Так что теперь Пью-младший больше не доставляет неприятностей.

Впрочем, нет, доставляет – всякий раз, когда я простужаюсь в холодную погоду.

Механическое эго

Никлас Мартин посмотрел через стол на робота.

– Я не стану спрашивать, что вам здесь нужно, – сказал он придушенным голосом. – Я понял. Идите и передайте Сен-Сиру, что я согласен. Скажите ему, что я в восторге оттого, что в фильме будет робот. Все остальное у нас уже есть. Но совершенно ясно, что камерная пьеса о сочельнике в селении рыбаков-португальцев на побережье Флориды никак не может обойтись без робота. Однако почему один, а не шесть? Скажите ему, что меньше чем на дюжину роботов я не согласен. А теперь убирайтесь.

– Вашу мать звали Елена Глинская? – спросил робот, пропуская тираду Мартина мимо ушей.

– Нет, – отрезал тот.

– А! Ну так значит, она была Большая Волосатая, – пробормотал робот.

Мартин снял ноги с письменного стола и медленно расправил плечи.

– Не волнуйтесь, – поспешно сказал робот. – Вас избрали для экологического эксперимента, только и всего. Это совсем не больно. Там, откуда я явился, роботы представляют собой одну из законных форм жизни, и вам незачем...

– Заткнитесь! – потребовал Мартин. – Тоже мне робот! Статист несчастный! На этот раз Сен-Сир зашел слишком далеко. – Он затрясся всем телом под влиянием какой-то сильной, но подавленной эмоции. Затем его взгляд упал на внутренний телефон, и, нажав на кнопку, он потребовал: – Дайте мисс Эшби! Немедленно!

– Мне очень неприятно, – виноватым тоном сказал робот. – Может быть, я ошибся? Пороговые колебания нейронов всегда нарушают мою мнемоническую норму, когда я темперирую. Ваша жизнь вступила в критическую фазу, не так ли?

Мартин тяжело задышал, и робот усмотрел в этом доказательство своей правоты.

– Вот именно, – объявил он. – Экологический дисбаланс приближается к пределу, смертельному для данной жизненной формы, если только... гм-гм... Либо на вас вот-вот наступит мамонт, вам на лицо наденут железную маску, вас прирежут илоты, либо... Погодите-ка, я говорю на санскрите? – Он покачал сверкающей головой. – Наверное, мне следовало сойти пятьдесят лет назад, но мне показалось... Прошу извинения, всего хорошего, – поспешно добавил он, когда Мартин устремил на него яростный взгляд.

Робот приложил пальцы к своему, естественно, неподвижному рту и развел их от уголков в горизонтальном направлении, словно рисуя виноватую улыбку.

– Нет, вы не уйдете! – заявил Мартин. – Стойте где стоите, чтобы у меня злость не остыла! И почему только я не могу осатанеть как следует и надолго? – закончил он жалобно, глядя на телефон.

– А вы уверены, что вашу мать звали не Елена Глинская? – спросил робот, приложив большой и указательный палец к номинальной переносице, отчего Мартину вдруг показалось, что его посетитель озабоченно нахмурился.

– Конечно уверен, – рявкнул он.

– Так, значит, вы еще не женились? На Анастасии Захарьиной-Кошкиной?

– Не женился и не женюсь! – отрезал Мартин и схватил трубку звонившего телефона.

– Это я, Ник! – раздался спокойный голос Эрики Эшби. – Что-нибудь случилось?

Мгновенно пламя ярости в глазах Мартина угасло и сменилось розовой нежностью. Последние несколько лет он отдавал Эрике, весьма энергичному литературному агенту, десять процентов своих гонораров. Кроме того, он изнывал от безнадежного желанья отдать ей примерно фунт своего мяса – сердечную мышцу, если воспользоваться холодным научным термином. Но Мартин не воспользовался этим термином и никаким другим, ибо при любой попытке

сделать Эрике предложение им овладевала неизбывная робость и он начинал лепетать что-то про зеленые луга.

– Так в чем дело? Что-нибудь случилось? – повторила Эрика.

– Да, – произнес Мартин, глубоко вздохнув. – Может Сен-Сир заставить меня жениться на какой-то Анастасии Захарьиной-Кошкиной?

– Ах, какая у вас замечательная память! – печально вставил робот. – И у меня была такая же, пока я не начал темперировать. Но даже радиоактивные нейроны не выдержат...

– Формально ты еще сохраняешь право на жизнь, свободу и так далее, – ответила Эрика. – Но сейчас я очень занята, Ник. Может быть, поговорим об этом, когда я приду?

– А когда?

– Разве тебе не передали, что я звонила? – вспыхнула Эрика.

– Конечно нет! – сердито крикнул Мартин. – Я уже давно подозреваю, что дозвониться ко мне можно только с разрешения Сен-Сира. Вдруг кто-нибудь тайком пошлет в мою темницу слово одобрения или даже напильник? – Его голос повеселел. – Думаешь устроить мне побег?

– Это возмутительно! – объявила Эрика. – В один прекрасный день Сен-Сир перегнет палку...

– Не перегнет, пока он может рассчитывать на Диди, – угрюмо сказал Мартин.

Кинокомпания «Вершина» скорее поставила бы фильм, пропагандирующий атеизм, чем рискнула бы обидеть свою несравненную кассовую звезду Диди Флеминг. Даже Толливер Уотт, единоличный владелец «Вершины», не спал по ночам, потому что Сен-Сир не разрешал престелстной Диди подписать долгосрочный контракт.

– Тем не менее Уотт совсем не глуп, – сказала Эрика. – Я по-прежнему убеждена, что он согласится расторгнуть контракт, если только мы докажем ему, какое ты убыточное помещение капитала. Но времени у нас почти нет.

– Почему?

– Я же сказала тебе... Ах да! Конечно, ты не знаешь. Он завтра вечером уезжает в Париж. Мартин испустил глухой стон.

– Значит, мне нет спасения, – сказал он. – На следующей неделе мой контракт будет автоматически продлен, и я уже никогда не вздохну свободно. Эрика, сделай что-нибудь!

– Попробую, – ответила Эрика. – Об этом я и хочу с тобой поговорить... А! – вскрикнула она внезапно. – Теперь мне ясно, почему Сен-Сир не разрешил передать тебе, что я звонила. Он боится. Знаешь, Ник, что нам следует сделать?

– Пойти к Уотту, – уныло подсказал Ник. – Но, Эрика...

– Пойти к Уотту, когда он будет один, – подчеркнула Эрика.

– Сен-Сир этого не допустит.

– Именно. Конечно, Сен-Сир не хочет, чтобы мы поговорили с Уоттом с глазу на глаз, – а вдруг мы его убедим? Но все-таки мы должны как-нибудь это устроить. Один из нас будет говорить с Уоттом, а другой – отгонять Сен-Сира. Что ты предпочтешь?

– Ни то и ни другое, – тотчас ответил Мартин.

– О Ник! Одной мне это не по силам. Можно подумать, что ты боишься Сен-Сира!

– И боюсь!

– Глупости. Ну что он может тебе сделать?

– Он меня терроризирует. Непрерывно. Эрика, он говорит, что я прекрасно поддаюсь обработке. У тебя от этого кровь в жилах не стынет? Посмотри на всех писателей, которых он обработал!

– Я знаю. Неделю назад я видела одного из них на Мэйн-стрит – он рылся в помойке. И ты тоже хочешь так кончить? Отстаивай же свои права!

– А! – сказал робот, радостно кивнув. – Так я и думал. Критическая фраза.

– Заткнись! – приказал Мартин. – Нет, Эрика, это я не тебе! Мне очень жаль.

– И мне тоже, – ядовито ответила Эрика. – На секунду я поверила, что у тебя появился характер.

– Будь я, например, Хемингуэем... – страдальческим голосом начал Мартин.

– Вы сказали, Хемингуэй? – спросил робот. – Значит, это эра Кинси – Хемингуэя? В таком случае я не ошибся. Вы – Никлас Мартин, мой следующий объект. Мартин... Мартин? Дайте подумать... Ах да! Тип Дизраэли. – Он со скрежетом потер лоб. – Бедные мои нейронные пороги! Теперь я вспомнил.

– Ник, ты меня слышишь? – осведомился в трубке голос Эрики. – Я сейчас же еду в студию. Соберись с силами. Мы затравим Сен-Сира в его берлоге и убедим Уотта, что из тебя никогда не выйдет приличного сценариста. Теперь...

– Но Сен-Сир ни за что не согласится, – перебил Мартин. – Он не признает слова «неудача». Он постоянно твердит это. Он сделает из меня сценариста или убьет меня.

– Помнишь, что случилось с Эдом Кассиди? – мрачно напомнила Эрика. – Сен-Сир не сделал из него сценариста.

– Верно, бедный Эд! – вздрогнув, сказал Мартин.

– Ну хорошо, я еду. Что-нибудь еще?

– Да! – вскричал Мартин, набрав воздуха в легкие. – Да! Я безумно люблю тебя!

Но слова эти остались у него в гортани. Несколько раз беззвучно открыв и закрыв рот, трусливый драматург стиснул зубы и предпринял новую попытку. Жалкий писк заколебал телефонную мембрану. Мартин уныло поник. Нет, никогда у него не хватит духу сделать предложение – даже маленькому безобидному телефонному аппарату.

– Ты что-то сказал? – спросила Эрика. – Ну, пока.

– погоди! – крикнул Мартин, случайно взглянув на робота. Немота овладевала им только в определенных случаях, и теперь он поспешно продолжал: – Я забыл тебе сказать, Уотт и паршивец Сен-Сир только что наняли поддельного робота для «Анджелины Ноэл»!

Но трубка молчала.

– Я не поддельный, – сказал робот обиженно.

Мартин съезился в кресле и устремил на своего гостя безнадежный взгляд.

– Кинг-Конг тоже был неподдельный, – заметил он. – И не морочьте мне голову историями, которые продиктовал вам Сен-Сир. Я знаю, он старается меня деморализовать. И возможно, добьется своего. Только посмотрите, что он уже сделал из моей пьесы! Ну к чему там Фред Уоринг? На своем месте и Фред Уоринг хорош, я не спорю. Даже очень хорош. Но не в «Анджелине Ноэл». Не в роли португальского шкипера рыбацкого судна! Вместо команды – его оркестр, а Дэн Дейли поет «Неаполь» Диди Флеминг, одетой в русалочий хвост...

Ошеломив себя этим перечнем, Мартин положил локти на стол, спрятал лицо в ладонях и, к своему ужасу, заметил, что начинает хихикать. Зазвонил телефон. Мартин, не меняя позы, нащупал трубку.

– Кто говорит? – спросил он дрожащим голосом. – Кто? Сен-Сир...

По проводу пронесся хриплый рык. Мартин выпрямился как ужаленный и стиснул трубку обеими руками.

– Послушайте! – крикнул он. – Дайте мне хоть раз договорить. Робот в «Анджелине Ноэл» – это уж просто...

– Я не слышу, что вы бормочете, – ревел густой бас. – Дрянь мыслишка. Что бы вы там ни предлагали. Немедленно в первый зал для просмотра вчерашних кусков. Сейчас же!

– погодите...

Сен-Сир рыкнул, и телефон умолк. На миг руки Мартина сжали трубку, как горло врага. Что толку! Его собственное горло сжимала удавка, и Сен-Сир вот уже четвертый месяц затягивал ее все туже. Четвертый месяц... а не четвертый год? Вспоминая прошлое, Мартин едва

мог поверить, что еще совсем недавно он был свободным человеком, известным драматургом, автором пьесы «Анджелина Ноэл», гвоздя сезона. А потом явился Сен-Сир...

Режиссер в глубине души был снобом и любил накладывать лапу на гвозди сезона и на известных писателей. Кинокомпания «Вершина», рычал он на Мартина, ни на йоту не отклонится от пьесы и оставит за Мартином право окончательного одобрения сценария при условии, что он подпишет контракт на три месяца в качестве соавтора сценария. Условия были настолько хороши, что казались сказкой, и справедливо.

Мартина погубил отчасти мелкий шрифт, а отчасти грипп, из-за которого Эрика Эшби как раз в это время попала в больницу. Под слоями юридического пустословия прятался пункт, обрекавший Мартина на пятилетнюю рабскую зависимость от кинокомпании «Вершина», буде таковая компания сочтет нужным продлить его контракт. И на следующей неделе, если справедливость не восторжествует, контракт будет продлен – это Мартин знал твердо.

– Я бы выпил чего-нибудь, – устало сказал Мартин и посмотрел на робота. – Будьте добры, подайте мне вон ту бутылку виски.

– Но я тут для того, чтобы провести эксперимент по оптимальной экологии, – возразил робот.

Мартин закрыл глаза и сказал умоляюще:

– Налейте мне виски, пожалуйста. А потом дайте рюмку прямо мне в руки, ладно? Это ведь не трудно. В конце концов, мы с вами все-таки люди.

– Да нет, – ответил робот, всовывая полный бокал в шарящие пальцы драматурга. Мартин отпил. Потом открыл глаза и удивленно уставился на большой бокал для коктейлей – робот до краев налил его чистым виски. Мартин недоуменно взглянул на своего металлического собеседника.

– Вы, наверное, пьете как губка, – сказал он задумчиво. – Надо полагать, это укрепляет невосприимчивость к алкоголю. Валяйте, угощайтесь. Допивайте бутылку.

Робот прижал пальцы ко лбу над глазами и провел две вертикальные черты, словно вопросительно поднял брови.

– Валяйте, – настаивал Мартин. – Или вам совесть не позволяет пить мое виски?

– Как же я могу пить? – спросил робот. – Ведь я робот. – В его голосе появилась тоскливая нотка. – А что при этом происходит? – поинтересовался он. – Смазка или заправка горючим? Мартин поглядел на свой бокал.

– Заправка горючим, – сказал он сухо. – Высокооктановым. Вы так вошли в роль? Ну бросьте...

– А, принцип раздражения! – перебил робот. – Понимаю. Идея та же, что при ферментации мамонтового молока.

Мартин поперхнулся.

– А вы когда-нибудь пили ферментированное мамонтовое молоко? – осведомился он.

– Как же я могу пить? – повторил робот. – Но я видел, как его пили другие. – Он провел вертикальную черту между своими невидимыми бровями, что придало ему грустный вид. – Разумеется, мой мир совершенно функционален и функционально совершенен, и тем не менее темпорирование – весьма увлекательное... – Он оборвал фразу. – Но я зря трачу пространство-время. Так вот, мистер Мартин, не согласитесь ли вы...

– Ну выпейте же, – сказал Мартин. – У меня припадок радушия. Давайте дернем по рюмочке. Ведь я вижу так мало радостей. А сейчас меня будут терроризировать. Если вам нельзя снять маску, я пошлю за соломинкой. Вы ведь можете на один глоток выйти из роли?

– Я был бы рад попробовать, – задумчиво сказал робот. – С тех пор как я увидел действие ферментированного мамонтового молока, мне захотелось и самому попробовать. Людям это, конечно, просто, но и технически это тоже нетрудно, я теперь понял. Раздражение увеличивает

частоту каппа-волн мозга, как при резком скачке напряжения, но поскольку электрического напряжения не существовало в дороботовую эпоху...

– А оно существовало, – заметил Мартин, делая новый глоток. – То есть я хочу сказать – существует. А это что, по-вашему, мамонт? – Он указал на настольную лампу.

Робот разинул рот.

– Это? – переспросил он в полном изумлении. – Но в таком случае... в таком случае все телефоны, динамо и лампы, которые я заметил в этой эре, приводятся в действие электричеством!

– А что же, по-вашему, может приводить их в действие? – холодно спросил Мартин.

– Рабы, – ответил робот, внимательно осматривая лампу. Он включил свет, помигал им, а затем вывернул лампочку. – Напряжение, вы сказали?

– Не валяйте дурака, – посоветовал Мартин. – Вы переигрываете. Мне пора идти. Так будете вы пить или нет?

– Ну что ж, – сказал робот, – не хочу расстраивать компании. Это должно сработать.

И он сунул палец в пустой патрон. Раздался короткий треск, брызнули искры. Робот вытащил палец.

– $F(t)$... – сказал он и слегка покачнулся. Затем его пальцы взметнулись к лицу и начертили улыбку, которая выражала приятное удивление.

– $Fff(t)$! – сказал он и продолжал сипло: – $F(t)$ интеграл от плюс до минус бесконечности... А, деленное на n в степени e .

Мартин в ужасе вытаращил глаза. Он не знал, нужен ли здесь терапевт или психиатр, но не сомневался, что вызвать врача необходимо, и чем скорее, тем лучше. А может быть, и полицию. Статист в костюме робота был явно сумасшедшим. Мартин застыл в нерешительности, ожидая, что его безумный гость вот-вот упадет мертвым или вцепится ему в горло.

Робот с легким позвякиванием причмокнул губами.

– Какая прелесть! – сказал он. – И даже переменный ток!

– В-в-вы не умерли? – дрожащим голосом осведомился Мартин.

– Я даже не жил, – пробормотал робот. – В том смысле, как вы это понимаете. И спасибо за рюмочку.

Мартин глядел на робота, пораженный дикой догадкой.

– Так, значит, – задохнулся он, – значит... вы – робот?!

– Конечно, я робот, – ответил его гость. – Какое медленное мышление у вас, дороботов. Мое мышление сейчас работает со скоростью света. – Он оглядел настольную лампу с алкоголическим вождением. – $F(t)$... То есть, если бы вы сейчас подсчитали каппа-волны моего радиоатомного мозга, вы поразились бы, как увеличилась частота. – Он помолчал. – $F(t)$, – добавил он задумчиво.

Двигаясь медленно, как человек под водой, Мартин поднял бокал и глотнул виски. Затем опасно взглянул на робота.

– $F(t)$... – сказал он, умолк, вздрогнул и сделал большой глоток. – Я пьян, – продолжал он с судорожным облегчением. – Вот в чем дело. Ведь я чуть было не поверил...

– Ну, сначала никто не верит, что я робот, – объявил робот. – Заметьте, я ведь появился на территории киностудии, где никому не кажусь подозрительным. Ивану Васильевичу я явлюсь в лаборатории алхимика, и он сделает вывод, что я механический человек. Что, впрочем, и верно. Далее в моем списке значится уйгур; ему я явлюсь в юрте шамана, и он решит, что я дьявол. Вопрос экологической логики – и только.

– Так, значит, вы – дьявол? – спросил Мартин, цепляясь за единственное правдоподобное объяснение.

– Да нет же, нет! Я робот! Как вы не понимаете?

– А я теперь даже не знаю, кто я такой, – сказал Мартин. – Может, я вовсе фавн, а вы – дитя человеческое! По-моему, от этого виски мне стало только хуже и...

– Вас зовут Никлас Мартин, – терпеливо объяснил робот. – А меня ЭНИАК.

– Эньяк?

– ЭНИАК, – поправил робот, подчеркивая голосом, что все буквы заглавные. – ЭНИАК Гамма Девяносто Третий.

С этими словами он снял с металлического плеча сумку и принялся вытаскивать из нее бесконечную красную ленту, по виду шелковую, но отливающую странным металлическим блеском. Когда примерно четверть мили ленты легло на пол, из сумки появился прозрачный хоккейный шлем. По бокам шлема блестели два красно-зеленых камня.

– Как вы видите, они ложатся прямо на темпоральные доли, – сообщил робот, указывая на камни. – Вы наденете его на голову вот так...

– Нет, не надену, – сказал Мартин, проворно отдергивая голову, – и вы мне его не наденете, друг мой. Мне не нравится эта штука. И особенно эти две красные стекляшки. Они похожи на глаза.

– Это искусственный эклогит, – успокоил его робот. – Просто у них высокая диэлектрическая постоянная. Нужно только изменить нормальные пороги нейронных контуров памяти – и все. Мышление базируется на памяти, как вам известно. Сила ваших ассоциаций, то есть эмоциональные индексы ваших воспоминаний, определяет ваши поступки и решения. А экологизер просто воздействует на электрическое напряжение вашего мозга так, что пороги изменяются.

– Только и всего? – подозрительно спросил Мартин.

– Ну-у... – уклончиво сказал робот. – Я не хотел об этом упоминать, но раз вы спрашиваете... Экологизер, кроме того, накладывает на ваш мозг типологическую матрицу. Но поскольку эта матрица взята с прототипа вашего характера, она просто позволяет вам наиболее полно использовать свои потенциальные способности, как наследственные, так и приобретенные. Она заставит вас реагировать на вашу среду именно таким образом, какой обеспечит вам максимум шансов выжить.

– Мне он не обеспечит, – сказал Мартин твердо, – потому что на мою голову вы эту штуку не наденете.

Робот начертил растерянно поднятые брови.

– А, – начал он после паузы, – я же вам ничего не объяснил! Все очень просто. Разве вы не хотите принять участие в весьма ценном социально-культурном эксперименте, поставленном ради блага всего человечества?

– Нет! – объявил Мартин.

– Но ведь вы даже не знаете, о чем речь, – жалобно сказал робот. – После моих подробных объяснений мне еще никто не отказывал. Кстати, вы хорошо меня понимаете?

Мартин засмеялся замогильным смехом.

– Как бы не так! – буркнул он.

– Прекрасно, – с облегчением сказал робот. – Меня всегда может подвести память. Перед тем как я начинаю темпорирование, мне приходится программировать столько языков! Санскрит очень прост, но русский язык эпохи Средневековья весьма сложен, а уйгурский... Этот эксперимент должен способствовать установлению наиболее выгодной взаимосвязи между человеком и его средой. Наша цель – мгновенная адаптация, и мы надеемся достичь ее, сведя до минимума поправочный коэффициент между индивидом и средой. Другими словами, нужная реакция в нужный момент. Понятно?

– Нет, конечно! – сказал Мартин. – Это какой-то бред.

– Существует, – продолжал робот устало, – очень ограниченное число матриц-характеров, зависящих, во-первых, от расположения генов внутри хромосом, а во-вторых, от воздей-

ствия среды; поскольку элементы среды имеют тенденцию повторяться, то мы можем легко проследить основную организующую линию по временной шкале Кальдекуза. Вам не трудно следовать за ходом моей мысли?

– По временной шкале Кальдекуза – нет, не трудно, – сказал Мартин.

– Я всегда объясняю чрезвычайно понятно, – с некоторым самодовольством заметил робот и взмахнул кольцом красной ленты.

– Уберите от меня эту штуку! – раздраженно вскрикнул Мартин. – Я, конечно, пьян, но не настолько, чтобы совать голову неизвестно куда!

– Сунете, – сказал робот твердо. – Мне еще никто не отказывал. И не спорьте со мной, а то вы меня собьете и мне придется принять еще одну рюмочку напряжения. И тогда я совсем собоюсь. Когда я темпорирую, мне и так хватает хлопот с памятью. Путешествие во времени всегда создает синаптический порог задержки, но беда в том, что он очень варьируется. Вот почему я сперва спутал вас с Иваном. Но к нему я должен отправиться только после свидания с вами – я веду опыт хронологически, а тысяча девятьсот пятьдесят второй год идет, разумеется, перед тысяча пятьсот семидесятым.

– А вот и не идет, – сказал Мартин, поднося бокал к губам. – Даже в Голливуде тысяча девятьсот пятьдесят второй год не наступает перед тысяча пятьсот семидесятым.

– Я пользуюсь временной шкалой Кальдекуза, – объяснил робот. – Но только для удобства. Ну как, нужен вам идеальный экологический коэффициент или нет? Потому что... – Тут он снова взмахнул красной лентой, заглянул в шлем, пристально посмотрел на Мартина и покачал головой. – Простите, боюсь, что из этого ничего не выйдет. У вас слишком маленькая голова. Вероятно, мозг невелик. Этот шлем рассчитан на размер восемь с половиной, но ваша голова слишком...

– Восемь с половиной – мой размер, – с достоинством возразил Мартин.

– Не может быть, – лукаво заспорил робот. – В этом случае шлем был бы вам впору, а он вам велик.

– Он мне впору, – сказал Мартин.

– До чего же трудно разговаривать с дороботами, – заметил ЭНИАК, словно про себя. – Незрелость, грубость, нелогичность. Стоит ли удивляться, что у них такие маленькие головы? Послушайте, мистер Мартин, – он словно обращался к глупому и упрямому ребенку, – попробуйте понять: размер этого шлема восемь с половиной; ваша голова, к несчастью, настолько мала, что шлем вам не впору...

– Черт побери! – в бешенстве крикнул Мартин, из-за досады и виски забывая об осторожности. – Он мне впору! Вот, смотрите! – Он схватил шлем и нахлобучил его на голову. – Сидит как влитой.

– Я ошибся, – признался робот, и его глаза так блеснули, что Мартин вдруг спохватился, поспешно сдернул шлем с головы и бросил его на стол. ЭНИАК неторопливо взял шлем, положил в сумку и принялся быстро свертывать ленту. Под недоумевающим взглядом Мартина он кончил укладывать ленту, застегнул сумку, вскинул ее на плечо и повернулся к двери.

– Всего хорошего, – сказал робот, – и позвольте вас поблагодарить.

– За что? – свирепо спросил Мартин.

– За ваше любезное сотрудничество, – сказал робот.

– Я не собираюсь с вами сотрудничать! – отрезал Мартин. – И не пытайтесь меня убедить. Можете оставить свой патентованный курс лечения при себе, а меня...

– Но ведь вы уже прошли курс экологической обработки, – невозмутимо ответил ЭНИАК. – Я вернусь вечером, чтобы возобновить заряд. Его хватает только на двенадцать часов.

– Что?!

ЭНИАК провел указательными пальцами от уголков рта, вычерчивая вежливую улыбку. Затем он вышел и закрыл за собой дверь.

Мартин хрипло пискнул, словно зарезанная свинья с кляпом во рту.

У него в голове что-то происходило.

Никлас Мартин чувствовал себя как человек, которого внезапно сунули под ледяной душ. Нет, не под ледяной – под горячий. И к тому же ароматичный. Ветер, бивший в открытое окно, нес с собой душную вонь – бензина, полыни, масляной краски и (из буфета в соседнем корпусе) бутербродов с ветчиной.

«Пьян, – думал Мартин с отчаянием, – я пьян или сошел с ума!»

Он вскочил и заметался по комнате, но тут же увидел щель в паркете и пошел по ней.

«Если я смогу пройти по прямой, – рассуждал он, – значит я не пьян... Я просто сошел с ума».

Мысль эта была не слишком утешительна.

Он прекрасно прошел по щели. Он мог даже идти гораздо прямее щели, которая, как он теперь убедился, была чуть-чуть извилистой. Никогда еще он не двигался с такой уверенностью и легкостью. В результате своего опыта он оказался в другом углу комнаты перед зеркалом, и когда он выпрямился, чтобы посмотреть на себя, хаос и смятение куда-то улетучились. Бешеная острота ощущений сгладилась и притупилась.

Все было спокойно. Все было нормально.

Мартин посмотрел в глаза своему отражению.

Нет, все не было нормально.

Он был трезв как стеклышко. Точно он пил не виски, а родниковую воду. Мартин наклонился к самому стеклу, пытаясь сквозь глаза заглянуть в глубины собственного мозга. Ибо там происходило нечто поразительное. По всей поверхности его мозга начали двигаться крошечные заслонки: одни закрывались почти совсем, оставляя лишь крохотную щель, в которую выглядывали глаза-бусинки нейронов, другие с легким треском открывались, и быстрые паучки – другие нейроны – бросались наутек, ища, где бы спрятаться.

Изменение порогов, положительной и отрицательной реакции конусов памяти, их ключевых эмоциональных индексов и ассоциаций... Ага!

– Робот!

Голова Мартина повернулась к закрытой двери. Но он остался стоять на месте. Выражение слепого ужаса на его лице начало медленно и незаметно для него меняться. Робот... может и подождать.

Машинально Мартин поднял руку, словно поправляя невидимый монокль. Позади зазвонил телефон. Мартин оглянулся.

Его губы искривились в презрительную улыбку.

Изящным движением смахнув пылинку с лацкана пиджака, Мартин взял трубку, но ничего не сказал. Наступило долгое молчание. Затем хриплый голос взревел:

– Алло, алло, алло! Вы слушаете? Я с вами говорю, Мартин!

Мартин невозмутимо молчал.

– Вы заставляете меня ждать! – рычал голос. – Меня, Сен-Сира! Немедленно быть в зале! Просмотр начинается... Мартин, вы меня слышите?

Мартин осторожно положил трубку на стол. Он повернулся к зеркалу, окинул себя критическим взглядом и нахмурился.

– Бледно, – пробормотал он. – Без сомнения, бледно. Не понимаю, зачем я купил этот галстук?

Его внимание отвлекла бормочущая трубка. Он поглядел на нее, а потом громко хлопнул в ладоши у самого телефона. Из трубки донесся агонизирующий вопль.

– Прекрасно, – пробормотал Мартин, отворачиваясь. – Этот робот оказал мне большую услугу. Мне следовало бы понять это раньше. В конце концов, такая супермашина, как ЭНИАК, должна быть гораздо умнее человека, который всего лишь простая машина. Да, – прибавил он, выходя в холл и сталкиваясь с Тони Ла-Мотта, которая снималась в одном из фильмов «Вершины». – Мужчина – это машина, а женщина... – Тут он бросил на мисс Ла-Мотта такой многозначительный и высокомерный взгляд, что она даже вздрогнула. – А женщина – игрушка, – закончил Мартин и направился к первому просмотровому залу, где его ждали Сен-Сир и судьба.

Киностудия «Вершина» на каждый эпизод тратила в десять раз больше пленки, чем он занимал в фильме, побив таким образом рекорд «Метро-Голдвин-Мейер». Перед началом каждого съемочного дня эти груды целлулоидных лент просматривались в личном просмотровом зале Сен-Сира – небольшой роскошной комнате с откидными креслами и всевозможными другими удобствами. На первый взгляд там вовсе не было экрана. Если второй взгляд вы бросали на потолок, то обнаруживали экран там.

Когда Мартин вошел, ему стало ясно, что с экологией что-то не так. Исходя из теории, будто в дверях появился прежний Никлас Мартин, просмотровый зал, купавшийся в дорогостоящей атмосфере изысканной самоуверенности, оказал ему ледяной прием. Ворс персидского ковра брезгливо съеживался под его святотатственными подошвами. Кресло, на которое он наткнулся в густом мраке, казалось, презрительно пожало спинкой. А три человека, сидевшие в зале, бросили на него взгляд, каким был бы испепелен орангутанг, если бы он по нелепой случайности удостоился приглашения в Букингемский дворец.

Диди Флеминг (ее настоящую фамилию запомнить было невозможно, не говоря уж о том, что в ней не было ни единой гласной) безмятежно возлежала в своем кресле, уютно задрав ножки, сложив прелестные руки и устремив взгляд больших томных глаз на потолок, где Диди Флеминг в серебряных чешуйках цветной кинорусалки флегматично плавала в волнах жемчужного тумана.

Мартин в полутьме искал на ощупь свободное кресло. В его мозгу происходили странные вещи: крохотные заслонки продолжали открываться и закрываться, и он уже не чувствовал себя Никласом Мартином. Кем же он чувствовал себя в таком случае?

Он на мгновение вспомнил нейроны, чьи глаза-бусинки, чудилось ему, выглядывали из его собственных глаз и заглядывали в них. Но было ли это на самом деле? Каким бы ярким ни казалось воспоминание, возможно, это была только иллюзия. Напрашивающийся ответ был изумительно прост и ужасно логичен. ЭНИАК Гамма Девяносто Третий объяснил ему, – правда, несколько смутно, – в чем заключался его экологический эксперимент. Мартин просто получил оптимальную рефлекторную схему своего удачливого прототипа, человека, который наиболее полно подчинил себе свою среду. И ЭНИАК назвал ему имя человека, правда, среди путаных ссылок на другие прототипы, вроде Ивана (какого?) и безымянного уйгура.

Прототипом Мартина был Дизраэли, граф Биконсфилд. Мартин живо вспомнил Джорджа Арлисса в этой роли. Умный, наглый, эксцентричный и в манере одеваться, и в манере держаться, пылкий, вкрадчивый, волевой, с плодовитым воображением...

– Нет, нет, нет, – сказала Диди с невозмутимым раздражением. – Осторожнее, Ник. Сядьте, пожалуйста, в другое кресло. На это я положила ноги.

– Т-т-т-т, – сказал Рауль Сен-Сир, выпячивая толстые губы и огромным пальцем указывая на скромный стул у стены. – Садитесь позади меня, Мартин. Да садитесь же, чтобы не мешать нам. И смотрите внимательно. Смотрите, как я творю великое из вашей дурацкой пьески. Особенно заметьте, как замечательно я завершаю соло пятью нарастающими падениями в воду. Ритм – это все, – закончил он. – А теперь – ни звука.

Для человека, родившегося в крохотной балканской стране Миксо-Лидии, Рауль Сен-Сир сделал в Голливуде поистине блистательную карьеру. В тысяча девятьсот тридцать девять

том году Сен-Сир, напуганный приближением войны, эмигрировал в Америку, забрав с собой катушки снятого им миксолидийского фильма, название которого можно перевести примерно так: «Поры на крестьянском носу».

Благодаря этому фильму он заслужил репутацию великого кинорежиссера, хотя на самом деле неподражаемые световые эффекты в «Порах» объяснялись бедностью, а актеры показали игру, неведомую в анналах киноистории, лишь потому, что были вдребезги пьяны. Однако критики сравнивали «Поры» с балетом и рьяно восхваляли красоту героини, ныне известной миру как Диди Флеминг.

Диди была столь невообразимо хороша, что по закону компенсации не могла не оказаться невообразимо глупой. И человек, рассуждавший так, не обманывался. Нейроны Диди не знали ничего. Ей доводилось слышать об эмоциях, и свирепый Сен-Сир умел заставить ее изобразить кое-какие из них, однако все другие режиссеры теряли рассудок, пытаясь преодолеть семантическую стену, за которой покоился разум Диди – тихое зеркальное озеро дюйма в три глубиной. Сен-Сир просто рычал на нее. Этот бесхитростный первобытный подход был, по-видимому, единственным, который понимала прославленная звезда «Вершины».

Сен-Сир, властелин прекрасной безмозглой Диди, быстро очутился в высших сферах Голливуда. Он, без сомнения, был талантлив и одну картину мог бы сделать превосходно. Но этот шедевр он отснял двадцать с лишним раз – постоянно с Диди в главной роли и постоянно совершенствуя свой феодальный метод режиссуры. А когда кто-нибудь пытался возражать, Сен-Сиру достаточно было пригрозить, что он перейдет в «Метро-Голдвин-Мейер» и заберет с собой покорную Диди (он не разрешал ей подписывать длительные контракты, и для каждой картины с ней заключался новый контракт). Даже Толливер Уотт склонял голову, когда Сен-Сир угрожал лишить «Вершину» Диди.

– Садитесь, Мартин, – сказал Толливер Уотт.

Это был высокий, худой человек с длинным лицом, похожий на лошадь, которая голодает, потому что из гордости не желает есть сено. С неколебимым сознанием своего всемогущества он на миллиметр наклонил припудренную сединой голову, а на его лице промелькнуло довольное выражение.

– Будьте добры, коктейль, – сказал он.

Неизвестно откуда возник официант в белой куртке и бесшумно скользнул к нему с подносом. Как раз в эту секунду последняя заслонка в мозгу Мартина встала на свое место, и, подчиняясь импульсу, он протянул руку и взял с подноса запотевший бокал. Официант, не заметив этого, скользнул дальше и, склонившись, подал Уотту сверкающий поднос, на котором ничего не было. Уотт и официант оба уставились на поднос.

Затем их взгляды встретились.

– Слабоват, – сказал Мартин, ставя бокал на поднос. – Принесите мне, пожалуйста, другой. Я переориентируюсь для новой фазы с оптимальным уровнем, – сообщил он ошеломленному Уотту и, откинув кресло рядом с великим человеком, небрежно опустился в него. Как странно, что прежде на просмотрах он всегда бывал угнетен! Сейчас он чувствовал себя прекрасно. Непринужденно. Уверенно.

– Виски с содовой мистеру Мартину, – невозмутимо сказал Уотт. – И еще один коктейль мне.

– Ну, ну, ну! Мы начинаем! – нетерпеливо крикнул Сен-Сир.

Он что-то сказал в микрофон, и тут же экран на потолке замерцал, зашелестел, и на нем замелькали отрывочные эпизоды – хор русалок, танцующих на хвостах, двигался по улицам рыбацкой деревушки во Флориде.

Чтобы постигнуть всю гнусность судьбы, уготованной Никласу Мартину, необходимо посмотреть хоть один фильм Сен-Сира. Мартину казалось, что мерзостнее этого на пленку не снималось ничего и никогда. Он заметил, что Сен-Сир и Уотт недоумевающе поглядывают на

него. В темноте он поднял указательные пальцы и начертил роботообразную усмешку. Затем, испытывая упоительную уверенность в себе, закурил сигарету и расхохотался.

– Вы смеетесь? – немедленно вспыхнул Сен-Сир. – Вы не цените великого искусства? Что вы о нем знаете, а? Вы что – гений?

– Это, – сказал Мартин снисходительно, – мерзейший фильм, когда-либо заснятый на пленку.

В наступившей мертвой тишине Мартин изящным движением стряхнул пепел и добавил:

– С моей помощью вы еще можете не стать посмешищем всего континента. Этот фильм до последнего метра должен быть выброшен в корзину. Завтра рано поутру мы начнем все сначала и...

Уотт сказал негромко:

– Мы вполне способны сами сделать фильм из «Анджелины Ноэл», Мартин.

– Это художественно! – взревел Сен-Сир. – И принесет большие деньги!

– Деньги? Чушь! – коварно заметил Мартин и щедрым жестом стряхнул новую колбаску пепла. – Кого интересуют деньги? О них пусть думает «Вершина».

Уотт наклонился и, щурясь в полумраке, внимательно посмотрел на Мартина.

– Рауль, – сказал он, оглянувшись на Сен-Сира, – насколько мне известно, вы приводите своих... э... новых сценаристов в форму. На мой взгляд, это не...

– Да, да, да, да! – возбужденно крикнул Сен-Сир. – Я их привожу в форму! Горячечный припадок, а? Мартин, вы хорошо себя чувствуете? Голова у вас в порядке?

Мартин усмехнулся спокойно и уверенно.

– Не тревожьтесь, – объявил он. – Деньги, которые вы на меня расходуете, я возвращаю вам с процентами в виде престижа. Я все прекрасно понимаю. Наши конфиденциальные беседы, вероятно, известны Уотту.

– Какие еще конфиденциальные беседы? – прогрохотал Сен-Сир и густо побагровел.

– Ведь мы ничего не скрываем от Уотта, не так ли? – не моргнув глазом, продолжал Мартин. – Вы наняли меня ради престижа, и престиж вам обеспечен, если только вы не станете зря разевать пасть. Благодаря мне имя Сен-Сира покроется славой. Конечно, это может сказаться на сборах, но подобная мелочь...

– Пджрзксгл! – возопил Сен-Сир на своем родном языке и, восстав из кресла, взмахнул микрофоном, зажатым в огромной волосатой лапе.

Мартин ловко изогнулся и вырвал у него микрофон.

– Остановите показ! – распорядился он властно.

Все это было очень странно. Каким-то дальним уголком сознания он понимал, что при нормальных обстоятельствах никогда не посмел бы вести себя так, но в то же время был твердо убежден, что впервые его поведение стало по-настоящему нормальным. Он ощущал блаженный жар уверенности, что любой его поступок окажется правильным, во всяком случае, пока не истекнут двенадцать часов действия матрицы.

Экран нерешительно замигал и погас.

– Зажгите свет! – приказал Мартин невидимому духу, скрытому за микрофоном.

Комнату внезапно залил мягкий свет, и по выражению на лицах Уотта и Сен-Сира Мартин понял, что оба они испытывают смутную и нарастающую тревогу.

Ведь он дал им немалую пищу для размышлений – и не только это. Он попробовал вообразить, какие мысли сейчас теснятся в их мозгу, пробираясь через лабиринт подозрений, которые он так искусно посеял.

Мысли Сен-Сира отгадывались без труда. Миксолидиец облизнул губы – что было нелегкой задачей, – и его налитые кровью глаза обеспокоенно впелись в Мартина. С чего это сценарист заговорил так уверенно? Что это значит? Какой тайный грех Сен-Сира он узнал, какую обнаружил ошибку в контракте, что осмеливается вести себя так нагло?

Толливер Уотт представлял проблему иного рода. Тайных грехов за ним, по-видимому, не водилось, но и он как будто встревожился. Мартин сверлил взглядом гордое лошадиное лицо, выискивая скрытую слабость. Да, справиться с Уоттом будет потруднее, но он сумеет сделать и это.

– Последний подводный эпизод, – сказал он, возвращаясь к прежней теме, – это невообразимая чепуха. Его надо вырезать. Сцену будем снимать из-под воды.

– Молчать! – взревел Сен-Сир.

– Но это единственный выход, – настаивал Мартин. – Иначе она окажется не в тон тому, что я написал теперь. Собственно говоря, я считаю, что весь фильм надо снимать из-под воды. Мы могли бы использовать приемы документального кино.

– Рауль, – внезапно сказал Уотт. – К чему он клонит?

– Он клонит, конечно, к тому, чтобы порвать свой контракт, – ответил Сен-Сир, наливаясь оливковым румянцем. – Это скверный период, через который проходят все мои сценаристы, прежде чем я приведу их в форму. В Миксо-Лидии...

– А вы уверены, что сумели привести его в форму? – спросил Уотт.

– Это для меня теперь уже личный вопрос, – ответил Сен-Сир, сверля Мартина яростным взглядом. – Я потратил на этого человека почти три месяца и не намерен расходовать мое драгоценное время на другого. Просто он хочет, чтобы с ним расторгли контракт. Штучки, штучки, штучки.

– Это верно? – холодно спросил Уотт у Мартина.

– Уже нет, – ответил Мартин, – я передумал. Мой агент полагает, что мне нечего делать в «Вершине». Собственно говоря, она считает, что это плачевный мезальянс. Но мы впервые расходимся с ней в мнениях. Я начинаю видеть кое-какие возможности даже в той дряни, которой Сен-Сир уже столько лет кормит публику. Разумеется, я не могу творить чудеса. Зрители привыкли ожидать от «Вершины» помоев, и их даже приучили любить эти помои. Но мы постепенно перевоспитаем их – и начнем с этой картины. Я полагаю, нам следует символизировать ее экзистенциалистскую безнадежность, завершив фильм четырьмястами метрами морского пейзажа – ничего, кроме огромных волнующихся протяжений океана, – закончил он со вкусом.

Огромное волнующееся протяжение Рауля Сен-Сира поднялось с кресла и надвинулось на Мартина.

– Вон! Вон! – закричал он. – Назад в свой кабинет, ничтожество! Это приказываю я, Рауль Сен-Сир. Вон! Иначе я раздеру тебя на клочки и...

Мартин быстро перебил режиссера. Голос его был спокоен, но он знал, что времени терять нельзя.

– Видите, Уотт? – спросил драматург громко, перехватив недоумевающий взгляд Уотта. – Он не дает мне сказать вам ни слова, наверное, боится, как бы я не проговорился. Понятно, почему он гонит меня отсюда, – он чувствует, что пахнет жареным.

Сен-Сир, вне себя, наклонился и занес кулак. Но тут вмешался Уотт. Возможно, сценарист и правда пытается избавиться от контракта. Но за этим явно кроется и что-то другое. Слишком уж Мартин небрежен, слишком уверен в себе. Уотт решил разобраться во всем до конца.

– Тише, тише, Рауль, – сказал он категорическим тоном. – Успокойтесь! Я говорю вам – успокойтесь. Вряд ли нас устроит, если Ник подаст на вас в суд за оскорбление действием. Ваш артистический темперамент иногда заставляет вас забываться. Успокойтесь, и послушаем, что скажет Ник.

– Держите с ним ухо остро, Толливер! – предостерегающе воскликнул Сен-Сир. – Они хитры, эти твари, хитры, как крысы. От них всего можно...

Мартин величественным жестом поднес микрофон ко рту. Не обращая ни малейшего внимания на разъяренного режиссера, он сказал властно:

– Соедините меня с баром, пожалуйста. Да... Я хочу заказать коктейль. Совершенно особый. А... э... «Елену Глинскую».

– Здравствуйте, – раздался в дверях голос Эрики Эшби. – Ник, ты здесь? Можно мне войти?

При звуке ее голоса по спине Мартина забегали блаженные мурашки. С микрофоном в руке он повернулся к ней, но, прежде чем он успел ответить, Сен-Сир взревел:

– Нет, нет, нет! Убирайтесь! Немедленно убирайтесь! Кто бы вы там ни были – вон!

Эрика – деловитая, хорошенькая, неукротимая – решительно вошла в зал и бросила на Мартина взгляд, выражавший долготерпеливую покорность судьбе. Она, несомненно, готовилась сражаться за двоих.

– Я здесь по делу, – холодно заявила она Сен-Сиру. – Вы не имеете права не допускать к автору его агента. Мы с Ником хотим поговорить с мистером Уоттом.

– А, моя прелесть, садитесь! – произнес Мартин громким, четким голосом и встал с кресла. – Добро пожаловать! Я заказываю себе коктейль. Не хотите ли чего-нибудь?

Эрика взглянула на него с внезапным подозрением.

– Я не буду пить, – сказала она. – И ты не будешь. Сколько коктейлей ты уже выпил? Ник, если ты напился в такую минуту...

– И пожалуйста, поскорее, – холодно приказал Мартин в микрофон. – Он мне нужен немедленно, вы поняли? Да, коктейль «Елена Глинская». Может быть, он вам неизвестен? В таком случае слушайте внимательно: возьмите самый большой бокал, а впрочем, лучше даже пуншевую чашу... Наполните ее до половины охлажденным пивом. Поняли? Добавьте три мерки мятного ликера...

– Ник, ты с ума сошел! – с отвращением воскликнула Эрика.

– ...и шесть мерок меда, – безмятежно продолжал Мартин. – Размешайте, но не взбивайте. «Елену Глинскую» ни в коем случае взбивать нельзя. Хорошенько охладите...

– Мисс Эшби, мы очень заняты, – внушительно перебил его Сен-Сир, указывая на дверь. – Не сейчас. Извините. Вы мешаете. Немедленно уйдите.

– Впрочем, добавьте еще шесть мерок меду, – задумчиво проговорил Мартин в микрофон. – И немедленно пришлите его сюда. Если он будет здесь через шестьдесят секунд, вы получите премию. Договорились? Прекрасно. Я жду.

Он небрежно бросил микрофон Сен-Сиру.

Тем временем Эрика подобралась к Толливеру Уотту:

– Я только что говорила с Глорией Иден. Она готова заключить с «Вершиной» контракт на один фильм, если я дам согласие. Но я дам согласие, если вы расторгнете контракт с Никласом Мартином. Это мое последнее слово.

На лице Уотта отразилось приятное удивление.

– Мы, пожалуй, могли бы поладить, – ответил он тотчас (Уотт был большим поклонником мисс Иден и давно мечтал поставить с ней «Ярмарку тщеславия»). – Почему вы не привезли ее с собой? Мы могли бы...

– Ерунда! – завопил Сен-Сир. – Не обсуждайте этого, Толливер!

– Она в «Лагуне», – объяснила Эрика. – Замолчите же, Сен-Сир. Я не намерена...

Но тут кто-то почтительно постучал в дверь. Мартин поспешил открыть ее и, как и ожидал, увидел официанта с подносом.

– Быстрая работа, – сказал он снисходительно, принимая большую запотевшую чашу, окруженную кубиками льда. – Прелесть, не правда ли?

Раздавшиеся позади гулкие вопли Сен-Сира заглушили возможный ответ официанта, который получил от Мартина доллар и удалился, явно борясь с тошнотой.

– Нет, нет, нет, нет! – рычал Сен-Сир. – Толливер, мы можем получить Глорию и сохранить этого сценариста; хотя он никуда не годится, но я уже потратил три месяца, чтобы выдрессировать его в сен-сировском стиле. Предоставьте это мне. В Миксо-Лидии мы...

Хорошенький ротик Эрики открывался и закрывался, но рев режиссера заглушал ее голос. А в Голливуде было всем известно, что Сен-Сир может так реветь часами без передышки. Мартин вздохнул, поднял наполненную до краев чашу, изящно ее понюхал и попятился к своему креслу. Когда его каблук коснулся полированной ножки, он грациозно споткнулся и с необыкновенной ловкостью опрокинул «Елену Глинскую» – пиво, мед, мятный ликер и лед – на обширную грудь Сен-Сира.

Рык Сен-Сира сломал микрофон.

Мартин обдумал составные части новоявленного коктейля с большим тщанием. Тошнотворное пойло соединяло максимум элементов сырости, холода, липкости и вонючести.

Промокший Сен-Сир задрожал, как в ознобе, когда ледяной напиток обдал его ноги, и, выхватив платок, попробовал вытереться, но безуспешно. Носовой платок намертво прилип к брюкам, приклеенный к ним двенадцатью мерками меда. От режиссера разило мятой.

– Я предложил бы перейти в бар, – сказал Мартин, брезгливо сморщив нос. – Там, в отдельном кабинете, мы могли бы продолжить наш разговор вдали от этого... этого немножко слишком сильного благоухания мяты.

– В Миксо-Лидии, – задыхался Сен-Сир, надвигаясь на Мартина и хлюпя башмаками, – в Миксо-Лидии мы бросали собакам... мы варили в масле, мы...

– А в следующий раз, – сказал Мартин, – будьте так любезны не толкать меня под локоть, когда я держу в руках «Елену Глинскую». Право же, это весьма неприятно.

Сен-Сир набрал воздуха в грудь, Сен-Сир выпрямился во весь свой гигантский рост... и снова поник. Он выглядел как полицейский эпохи немого кино после завершения очередной погони – и знал это. Если бы он сейчас убил Мартина, даже в такой развязке все равно отсутствовал бы элемент классической трагедии. Он оказался бы в невообразимом положении Гамлета, убивающего дядю кремовыми тортами.

– Ничего не делать, пока я не вернусь! – приказал он, бросил на Мартина последний свирепый взгляд и, оставляя за собой мокрые следы, захлопал к двери. Она с треском закрылась за ним, и на миг наступила тишина, только с потолка лилась тихая музыка, так как Диди уже распорядилась продолжать показ и теперь любовалась собственной прелестной фигурой, которая нежилась в пастельных волнах, пока они с Дэнном Дейли пели дуэт о матросах, русалках и Атлантиде – ее далекой родине.

– А теперь, – объявил Мартин, с величавым достоинством поворачиваясь к Уотту, который растерянно смотрел на него, – я хотел бы поговорить с вами.

– Я не могу обсуждать вопросы, связанные с вашим контрактом, до возвращения Рауля, – быстро сказал Уотт.

– Чепуха, – сказал Мартин твердо. – С какой стати Сен-Сир будет диктовать вам ваши решения? Без вас он не сумел бы снять ни одного кассового фильма, как бы ни старался. Нет, Эрика, не вмешивайся. Я сам этим займусь, прелесть моя.

Уотт встал.

– Извините, но я не могу это обсуждать, – сказал он. – Фильмы Сен-Сира приносят большие деньги, а вы неопыт...

– Потому-то я и вижу положение так ясно, – возразил Мартин. – Ваша беда в том, что вы проводите границу между артистическим и финансовым гением. Вы даже не замечаете, насколько необыкновенно то, как вы претворяете пластический материал человеческого сознания, создавая Идеального Зрителя. Вы – экологический гений, Толливер Уотт. Истинный художник контролирует свою среду, а вы с неподражаемым искусством истинного мастера

постепенно преображаете огромную массу живого дышащего человечества в единого Идеального Зрителя...

– Извините, – повторил Уотт, но уже не так резко. – У меня, право, нет времени... Э-э-э...

– Ваш гений слишком долго оставался непризнанным, – поспешно сказал Мартин, подпуская восхищения в свой золотой голос. – Вы считаете, что Сен-Сир вам равен, и в титрах стоит только его имя, а не ваше, но в глубине души должны же вы сознавать, что честь создания его картин наполовину принадлежит вам! Разве Фидия не интересовал коммерческий успех? А Микеланджело? Коммерческий успех – это просто другое название функционализма, а все великие художники создают функциональное искусство. Второстепенные детали на гениальных полотнах Рубенса дописывали его ученики. Однако хвалу за них получал Рубенс, а не его наемники. Какой же из этого можно сделать вывод? Какой? – И тут Мартин, верно оценив психологию своего слушателя, умолк.

– Какой же? – спросил Уотт.

– Садитесь, – настойчиво сказал Мартин, – и я вам объясню. Фильмы Сен-Сира приносят доход, но именно вам они обязаны своей идеальной формой. Это вы, налагая матрицу своего характера на все и вся в «Вершине»...

Уотт медленно опустился в кресло. В его ушах властно гремели завораживающие взрывы дизраэлевского красноречия. Мартину удалось подцепить его на крючок. С непогрешимой меткостью он с первого же раза разгадал слабость Уотта: киномагнат вынужден был жить в среде профессиональных художников, и его томило смутное ощущение, что способность приумножать капиталы чем-то постыдна. Дизраэли приходилось решать задачи потруднее. Он подчинял своей воле парламенты.

Уотт заколебался, пошатнулся и пал. На это потребовалось всего десять минут. Через десять минут, опьянев от звонких похвал своим экономическим способностям, Уотт понял, что Сен-Сир – пусть и гений в своей области – не имеет права вмешиваться в планы экономического гения.

– С вашей шириной видения вы можете охватить все возможности и безошибочно выбрать правильный путь, – убедительно доказывал Мартин. – Прекрасно. Вам нужна Глория Иден. Вы чувствуете – не так ли? – что от меня толку не добиться. Лишь гении умеют мгновенно менять свои планы... Когда будет готов документ, аннулирующий мой контракт?

– Что? – спросил Уотт, плавая в блаженном головокружении. – А, да... Конечно. Аннулировать ваш контракт...

– Сен-Сир будет упорно цепляться за свои прошлые ошибки, пока «Вершина» не обанкротится, – указал Мартин. – Только гений, подобный Толливеру Уотту, кует железо, пока оно горячо, когда ему представляется шанс обменять провал на успех, какого-то Мартина на единственную Иден.

– Гм, – сказал Уотт. – Да. Ну хорошо. – На его длинном лице появилось деловитое выражение. – Хорошо. Ваш контракт будет аннулирован после того, как мисс Иден подпишет контракт.

– И снова вы тонко проанализировали самую сущность дела, – рассуждал вслух Мартин. – Мисс Иден еще ничего твердо не решила. Если вы предоставите убеждать ее человеку вроде Сен-Сира, например, то все будет испорчено. Эрика, твоя машина здесь? Как быстро сможешь ты отвезти Толливера Уотта в «Лагуну»? Он единственный человек, который сумеет найти правильное решение для данной ситуации.

– Какой ситуа... Ах, да! Конечно, Ник. Мы отправляемся немедленно.

– Но... – начал Уотт.

Матрица Дизраэли разразилась риторическими периодами, от которых зазвенели стены. Златоуст играл на логике арпеджио и гаммы.

– Понимаю, – пробормотал оглушенный Уотт и покорно пошел к двери. – Да-да, конечно. Зайдите вечером ко мне домой, Мартин. Как только я получу подпись Иден, я распоряжусь, чтобы подготовили документы об аннулировании вашего контракта. Гм... Функциональный гений... – И, что-то блаженно лепеча, он вышел из зала.

Когда Эрика хотела последовать за ним, Мартин тронул ее за локоть.

– Одну минуту, – сказал он. – Не позволяй ему вернуться в студию, пока контракт не будет аннулирован. Ведь Сен-Сир легко перекричит меня. Но он попался на крючок. Мы...

– Ник, – сказала Эрика, внимательно вглядываясь в его лицо, – что произошло?

– Расскажу вечером, – поспешно сказал Мартин, так как до них донеслось отдаленное рыканье, которое, возможно, возвещало приближение Сен-Сира. – Когда у меня найдется свободная минута, я ошеломлю тебя. Знаешь ли ты, что я всю жизнь поклонялся тебе из почтительного далека? Но теперь увози Уотта от греха подальше. Быстрее!

Эрика только успела бросить на него изумленный взгляд, и Мартин вытолкнул ее из зала. Ему показалось, что к этому изумлению примешивается некоторая радость.

– Где Толливер? – Оглушительный рев Сен-Сира заставил Мартина поморщиться. Режиссер был недоволен, что брюки ему впору отыскались только в костюмерной. Он счел это личным оскорблением. – Куда вы дели Толливера? – вопил он.

– Пожалуйста, говорите громче, – небрежно кинул Мартин. – Вас трудно расслышать.

– Диди! – загремел Сен-Сир, бешено поворачиваясь к прелестной звезде, которая по-прежнему восхищенно созерцала Диди на экране над своей головой. – Где Толливер?

Мартин вздрогнул. Он совсем забыл про Диди.

– Вы не знаете, верно, Диди? – быстро подсказал он.

– Заткнитесь! – распорядился Сен-Сир. – А ты отвечай мне, ах ты... – И он прибавил выразительное многосложное слово на миксолидийском языке, которое возымело желанное действие.

Диди наморщила безупречный лобик.

– Толливер, кажется, ушел. У меня все это путается с фильмом. Он пошел домой, чтобы встретиться с Ником Мартином.

– Но Мартин здесь! – взревел Сен-Сир. – Думай же, думай.

– А в эпизоде был документ, аннулирующий контракт? – рассеянно спросила Диди.

– Документ, аннулирующий контракт? – прорычал Сен-Сир. – Это еще что? Никогда я этого не допущу, никогда, никогда, никогда! Диди, отвечай мне: куда пошел Уотт?

– Он куда-то поехал с этой агентшей, – ответила Диди. – Или это тоже было в эпизоде?

– Но куда, куда, куда?

– В Атлантиду, – с легким торжеством объявила Диди.

– Нет! – закричал Сен-Сир. – Это фильм! Из Атлантиды была родом русалка, а не Уотт.

– Толливер не говорил, что он родом из Атлантиды, – невозмутимо прожурчала Диди. – Он сказал, что едет в Атлантиду, а потом вечером встретится у себя дома с Ником Мартином и аннулирует его контракт.

– Когда? – в ярости крикнул Сен-Сир. – Подумай, Диди! В котором часу он...

– Диди, – сказал Мартин с вкрадчивой настойчивостью. – Вы ведь ничего не помните, верно?

Но Диди была настолько дефективна, что не поддавалась воздействию даже матрицы Дизраэли. Она только безмятежно улыбнулась Мартину.

– Прочь с дороги, писака! – взревел Сен-Сир, надвигаясь на Мартина. – Твой контракт не будет аннулирован! Или ты думаешь, что можешь зря расходовать время Сен-Сира? Это тебе даром не пройдет. Я разделаюсь с тобой, как разделался с Эдом Кассиди.

Мартин выпрямился и улыбнулся Сен-Сиру леденящей надменной улыбкой. Его пальцы играли воображаемым моноклем. Изящные периоды рвались с его языка. Оставалось только

загипнотизировать Сен-Сира, как он загипнотизировал Уотта. Он набрал в легкие побольше воздуха, собираясь распахнуть шлюзы своего красноречия.

И Сен-Сир, варвар, на которого лощеная элегантность не производила ни малейшего впечатления, ударил Мартина в челюсть.

Ничего подобного, разумеется, в английском парламенте произойти не могло.

Когда вечером робот вошел в кабинет Мартина, он уверенным шагом направился прямо к письменному столу, вывинтил лампочку, нажал на кнопку выключателя и сунул палец в патрон. Раздался треск, посыпались искры. ЭНИАК выдернул палец из патрона и яростно потряс металлической головой.

– Как мне этого не хватало! – сказал он со вздохом. – Я весь день мотался по временной шкале Кальдекуза. Палеолит, неолит, техническая эра... Я даже не знаю, который теперь час. Ну, как протекает ваше приспособление к среде?

Мартин задумчиво потер подбородок.

– Скверно, – вздохнул он. – Скажите, когда Дизраэли был премьер-министром, ему приходилось иметь дело с такой страной – Миксо-Лидией?

– Не имею ни малейшего представления, – ответил робот. – А что?

– А то, что моя среда размахнулась и дала мне в челюсть, – лаконично объяснил Мартин.

– Значит, вы ее спровоцировали, – возразил ЭНИАК. – Кризис, сильный стресс всегда пробуждают в человеке доминантную черту его характера, а Дизраэли в первую очередь был храбр. В минуту кризиса его храбрость переходила в наглость, но он был достаточно умен и организовывал свою среду так, чтобы его наглость встречала отпор на том же семантическом уровне. Миксо-Лидия? Помнится, несколько миллионов лет назад она была населена гигантскими обезьянами с белой шерстью. Ах нет, вспомнил! Это государство с застоявшейся феодальной системой.

Мартин кивнул.

– Так же, как и эта киностудия, – сказал робот. – Беда в том, что вы встретились с человеком, чья приспособляемость к среде совершеннее вашей. В этом все дело. Ваша киностудия только-только выходит из средневековья, и поэтому тут легко создается среда, максимально благоприятная для средневекового типа характера. Именно этот тип характера определял мрачные стороны средневековья. Вам же следует сменить эту среду на неотехнологическую, наиболее благоприятную для матрицы Дизраэли. В вашу эпоху феодализм сохраняется только в немногих окостеневших социальных ячейках вроде этой студии, а поэтому вам будет лучше уйти куда-нибудь еще. Помериться силами с феодальным типом может только феодальный тип.

– Но я не могу уйти куда-нибудь еще! – пожаловался Мартин. – То есть пока мой контракт не будет расторгнут. Его должны были аннулировать сегодня вечером, но Сен-Сир пронюхал, в чем дело, и ни перед чем не остановится, чтобы сохранить контракт, – если потребуется, он поставит мне еще один синяк. Меня ждет Уотт, но Сен-Сир уже поехал туда.

– Избавьте меня от ненужных подробностей, – сказал робот с досадой. – А если этот Сен-Сир – средневековый тип, то, разумеется, он спасует только перед ему подобной, но более сильной личностью.

– А как поступил бы в этом случае Дизраэли? – спросил Мартин.

– Начнем с того, что Дизраэли никогда не оказался бы в подобном положении, – холодно ответил робот. – Экологизер может обеспечить вам идеальный экологический коэффициент только вашего собственного типа, иначе максимальная приспособляемость не будет достигнута. В России времен Ивана Дизраэли оказался бы неудачником.

– Может быть, вы объясните это подробнее? – задумчиво попросил Мартин.

– О, разумеется, – ответил робот и затараторил: – При принятии схемы хромосом прототипа все зависит от порогово-временных реакций конусов памяти мозга. Сила активации ней-

ронов обратно пропорциональна количественному фактору памяти. Только реальный опыт мог бы дать вам воспоминания Дизраэли, однако ваши реактивные пороги были изменены так, что восприятие и эмоциональные индексы приблизились к величинам, найденным для Дизраэли.

– А! – сказал Мартин. – Ну а как бы вы, например, взяли верх над средневековым паровым катком?

– Подключив мой портативный мозг к паровому катку значительно больших размеров, – исчерпывающе ответил ЭНИАК.

Мартин погрузился в задумчивость. Его рука поднялась, поправляя невидимый монокль, а в глазах засветилось плодовитое воображение.

– Вы упомянули Россию времен Ивана. Какой же это Иван? Случайно, не...

– Иван Четвертый. И он был превосходно приспособлен к своей среде. Однако это к делу не относится. Несомненно, для нашего эксперимента вы бесполезны. Однако мы стараемся определить средние статистические величины, и если вы наденете экологизер себе на...

– Это ведь Иван Грозный? – перебил Мартин. – Послушайте, а не могли бы вы наложить на мой мозг матрицу характера Ивана Грозного?

– Вам это ничего не даст, – ответил робот. – Кроме того, у нашего эксперимента совсем другая цель. А теперь...

– Минуточку! Дизраэли не мог бы справиться со средневековым типом вроде Сен-Сира на своем семантическом уровне. Но если бы у меня были реактивные пороги Ивана Грозного, то я наверняка одержал бы верх. Сен-Сир, конечно, тяжелее меня, но он все-таки хоть на поверхности, а цивилизован... Погодите-ка! Он же на этом играет. До сих пор он имел дело лишь с людьми настолько цивилизованными, что они не могли пользоваться его методами. А если отплатить ему его собственной монетой, он не устоит. И лучше Ивана для этого никого не найти.

– Но вы не понимаете...

– Разве вся Россия не трепетала при одном имени Ивана?

– Да, Ро...

– Ну и прекрасно! – с торжеством перебил Мартин. – Вы наложите на мой мозг матрицу Ивана Грозного, и я разделаюсь с Сен-Сиром так, как это сделал бы Иван. Дизраэли был просто чересчур цивилизован. Хоть рост и вес имеют значение, но характер куда важнее. Внешне я совсем не похож на Дизраэли, однако люди реагировали на меня так, словно я – сам Джордж Арлисс. Цивилизованный силач всегда побьет цивилизованного человека слабее себя. Однако Сен-Сир еще ни разу не сталкивался с по-настоящему нецивилизованным человеком – таким, какой готов голыми руками вырвать сердце врага. – Мартин энергично кивнул. – Сен-Сира можно подавить на время – в этом я убедился. Но чтобы подавить его навсегда, потребуется кто-нибудь вроде Ивана.

– Если вы думаете, что я собираюсь наложить на вас матрицу Ивана, то вы ошибаетесь, – объявил робот.

– И убедить вас никак нельзя?

– Я, – сказал ЭНИАК, – семантически сбалансированный робот. Конечно, вы меня не убедите.

«Я-то, может быть, и нет, – подумал Мартин, – но вот Дизраэли... Гм! „Мужчина – это машина“... Дизраэли был просто создан для улещивания роботов. Даже люди были для него машинами. А что такое ЭНИАК?»

– Давайте обсудим это, – начал Мартин, рассеянно пододвигая лампу поближе к роботу.

И разверзлись золотые уста, некогда сотрясавшие империи...

– Вам это не понравится, – отупело сказал робот некоторое время спустя. – Иван не годится для... Ах, вы меня совсем запутали! Вам нужно приложить глаз к... – Он начал вытаскивать из сумки шлем и четверть мили красной ленты.

– Подвяжем-ка серые клеточки моего досточтимого мозга! – сказал Мартин, опьянев от собственной риторики. – Надевайте его мне на голову. Вот так. И не забудьте – Иван Грозный. Я покажу Сен-Сиру Миксо-Лидию!

– Коэффициент зависит столько же от среды, сколько и от наследственности, – бормотал робот, нахлобучивая шлем на Мартина. – Хотя, естественно, Иван не имел бы царской среды без своей конкретной наследственности, полученной через Елену Глинскую... Ну вот!

Он снял шлем с головы Мартина.

– Но ничего не происходит, – сказал Мартин. – Я не чувствую никакой разницы.

– На это потребуется несколько минут. Ведь теперь это совсем иная схема характера, чем ваша. Радуйтесь жизни, пока можете. Вы скоро познакомитесь с Ивано-эффектом. – Он вскинул сумку на плечо и нерешительно пошел к двери.

– Стойте, – тревожно окликнул его Мартин. – А вы уверены...

– Помолчите. Я что-то забыл. Какую-то формальность, до того вы меня запутали. Ну ничего, вспомню после – или раньше, в зависимости от того, где буду находиться. Увидимся через двенадцать часов... если увидимся!

Робот ушел. Мартин для проверки потряс головой. Затем встал и направился за роботом к двери. Но ЭНИАК исчез бесследно – только в середине коридора опал маленький смерч пыли.

В голове Мартина что-то происходило...

Позади зазвонил телефон. Мартин ахнул от ужаса. С неожиданной, невероятной, жуткой, абсолютной уверенностью он понял, кто звонит.

Убийцы!!!

– Да, мистер Мартин, – раздался в трубке голос дворецкого Толливера Уотта. – Мисс Эшби здесь. Сейчас она совещается с мистером Уоттом и мистером Сен-Сиром, но я передам ей ваше поручение. Вы задержались, и она должна заехать за вами... куда?

– В чулан на втором этаже сценарного корпуса, – дрожащим голосом ответил Мартин. – Рядом с другими чуланами нет телефонов с достаточно длинным шнуром, и я не мог бы взять с собой аппарат. Но я вовсе не убежден, что и здесь мне не грозит опасность. Мне что-то не нравится выражение метлы слева от меня.

– Сэр?..

– А вы уверены, что вы действительно дворецкий Толливера Уотта? – нервно спросил Мартин.

– Совершенно уверен, мистер... э... мистер Мартин.

– Да, я мистер Мартин! – вскричал Мартин вызывающим, полным ужаса голосом. – По всем законам божеским и человеческим я – мистер Мартин! И мистером Мартином я останусь, как бы ни пытались мятежные собаки низложить меня с места, которое принадлежит мне по праву.

– Да, сэр. Вы сказали – в чулане, сэр?

– Да, в чулане. И немедленно. Но поклянитесь не говорить об этом никому, кроме мисс Эшби, как бы вам ни угрожали. Я буду вам защитой.

– Да, сэр. Больше ничего?

– Больше ничего. Скажите мисс Эшби, чтобы она поторопилась. А теперь повесьте трубку. Нас могли подслушивать. У меня есть враги.

В трубке щелкнуло. Мартин положил ее на рычаг и опасно оглядел чулан. Он внушал себе, что его страхи нелепы. Ведь ему нечего бояться, верно? Правда, тесные стены чулана грозно смыкались вокруг него, а потолок спускался все ниже...

В панике Мартин выскочил из чулана, перевел дух и расправил плечи.

– Ч-ч-чего бояться? – спросил он себя. – Никто и не боится!

Насвистывая, он пошел через холл к лестнице, но на полпути агорафобия взяла верх, и он уже не мог совладать с собой. Он нырнул к себе в кабинет и тихо потел от страха во мраке, пока не собрался с духом, чтобы зажечь лампу.

Его взгляд привлекла Британская энциклопедия в стеклянном шкафу. С бесшумной поспешностью Мартин снял том «Иберия-Лорд» и начал его листать. Что-то явно было очень и очень не так. Правда, робот предупреждал, что Мартину не понравится быть Иваном Грозным. Но может быть, это была вовсе не матрица Ивана? Может быть, робот по ошибке наложил на него чью-то другую матрицу – матрицу отъявленного труса? Мартин судорожно листал шуршащие страницы. Иван... Иван... А, вот оно!

Сын Елены Глинской... Женат на Анастасии Захарьиной-Кошкиной... В частной жизни творил неслыханные гнусности... Удивительная память, колоссальная энергия... Припадки дикой ярости... Большие природные способности, политическое провидение, предвосхитил идеи Петра Великого... Мартин покачал головой.

Но тут он прочел следующую строку, и у него перехватило дыхание.

Иван жил в атмосфере вечных подозрений и в каждом своем приближенном видел возможного изменника.

– Совсем как я, – пробормотал Мартин. – Но... Но Иван ведь не был трусом... Я не понимаю.

Коэффициент, сказал робот, зависит от среды, так же как от наследственности. Хотя, естественно, Иван не имел бы царской среды без своей конкретной наследственности.

Мартин со свистом втянул воздух. Среда вносит существенную поправку. Возможно, Иван Четвертый был по натуре трусом, но благодаря наследственности и среде эта черта не получила явного развития.

Иван был царем всея Руси.

Дайте трусу ружье, и, хотя он не перестанет быть трусом, эта черта будет проявляться совсем по-другому. Он может повести себя как вспльчивый и воинственный тиран. Вот почему Иван экологически преуспевал – в своей особой среде. Он не подвергался стрессу, который выдвинул бы на первый план доминантную черту его характера. Подобно Дизраэли, он умел контролировать свою среду и устранять причины, которые вызвали бы стресс.

Мартин позеленел.

Затем он вспомнил про Эрику. Удастся ли ей как-нибудь отвлечь Сен-Сира, пока сам он будет добиваться от Уотта расторжения контракта? Если он сумеет избежать кризиса, то сможет держать свои нервы в узде, но... ведь повсюду убийцы!

Эрика уже едет в студию... Мартин судорожно сглотнул.

Он встретит ее за воротами студии. Чулан был ненадежным убежищем. Его могли поймать там, как крысу...

– Ерунда, – сказал себе Мартин с трепетной твердостью. – Это не я, и все тут. Надо взять себя в-в-в руки – и т-т-только. Давай, давай, взбодрись. *Toujours l'audace*⁴.

Однако он вышел из кабинета и спустился по лестнице с величайшей осторожностью. Как знать... Если кругом одни враги...

Трясаясь от страха, матрица Ивана Грозного прокралась к воротам студии.

Такси быстро ехало в Бел-Эйр.

– Но зачем ты залез на дерево? – спросила Эрика.

Мартин затрясся.

– Оборотень, – объяснил он, стуча зубами. – Вампир, ведьма и... Говорю тебе, я их видел. Я стоял у ворот студии, а они как кинутся на меня всей толпой.

⁴ Да здравствует отвага (*фр.*).

– Но они просто возвращались в павильон после обеда, – сказала Эрика. – Ты же знаешь, что «Вершина» по вечерам снимает «Аббат и Костелло знакомы со всеми». Карлов и мухи не обидит.

– Я себе говорил это, – угрюмо пожаловался Мартин. – Но страх и угрызения совести совсем меня измучили. Видишь ли, я – гнусное чудовище, но это не моя вина. Все – среда. Я рос в самой тягостной и жестокой обстановке... А-а! Погляди сама.

Он указал на полицейского на перекрестке.

– Полиция! Предатель даже среди дворцовой гвардии!

– Дамочка, этот тип – псих? – спросил шофер.

– Безумен я или нормален – я Никлас Мартин! – объявил Мартин, внезапно меняя тон.

Он попытался властно выпрямиться, стукнулся головой о крышу, взвизгнул: «Убийцы!» – и съежился в уголке, тяжело дыша.

Эрика тревожно посмотрела на него.

– Ник, сколько ты выпил? – спросила она. – Что с тобой?

Мартин откинулся на спинку и закрыл глаза.

– Дай я немного приду в себя, Эрика, – умоляюще сказал он. – Все будет в порядке, как только я оправлюсь от стресса. Ведь Иван...

– Но взять аннулированный контракт из рук Уотта ты сумеешь? – спросила Эрика. – На это-то тебя хватит?

– Хватит, – ответил Мартин бодрым, но дрожащим голосом.

Потом он передумал.

– При условии, если буду держать тебя за руку, – добавил он, не желая рисковать.

Это так возмутило Эрику, что на протяжении двух миль в такси царило молчание. Эрика над чем-то размышляла.

– Ты действительно очень переменялся с сегодняшнего утра, – заметила она наконец. – Грозишь объясниться мне в любви, подумать только! Как будто я позволю что-нибудь подобное! Вот попробуй!

Наступило молчание. Эрика покосилась на Мартина.

– Я сказала – вот попробуй! – повторила она.

– Ах так? – спросил Мартин с трепещущей храбростью.

Он помолчал. Как ни странно, его язык, прежде отказывавшийся в присутствии Эрики произнести хотя бы слово на определенную тему, вдруг обрел свободу. Мартин не стал тратить время и рассуждать почему. Не дожидаясь наступления следующего кризиса, он немедленно излил Эрике все свои чувства.

– Но почему ты никогда прежде этого не говорил? – спросила она, заметно смягчившись.

– Сам не понимаю, – ответил Мартин. – Так, значит, ты выйдешь за меня?

– Но почему ты...

– Ты выйдешь за меня?

– Да, – сказала Эрика, и наступило молчание.

Мартин облизнул пересохшие губы, так как заметил, что их головы совсем сблизились. Он уже собирался завершить объяснение традиционным финалом, как вдруг его поразила внезапная мысль. Вздвогнув, он отодвинулся.

Эрика открыла глаза.

– Э... – сказал Мартин. – Гм... Я только что вспомнил. В Чикаго сильная эпидемия гриппа. А эпидемии, как тебе известно, распространяются с быстротой лесного пожара. И грипп мог уже добраться до Голливуда, особенно при нынешних западных ветрах.

– Черт меня побери, если я допущу, чтобы моя помолвка обошлась без поцелуя! – объявила Эрика с некоторым раздражением. – А ну, поцелуй меня!

– Но я могу заразить тебя бубонной чумой, – нервно ответил Мартин. – Поцелуи передают инфекцию. Это научный факт.

– Ник!

– Ну... не знаю... А когда у тебя в последний раз был насморк?

Эрика отодвинулась от него как могла дальше.

– Ах! – вздохнул Мартин после долгого молчания. – Эрика, ты...

– Не заговаривай со мной, тряпка! – сказала Эрика. – Чудовище! Негодяй!

– Я не виноват! – в отчаянии вскричал Мартин. – Я буду трусом двенадцать часов. Но я тут ни при чем. Завтра после восьми утра я хоть в львиную клетку войду, если ты захочешь. Сегодня же у меня нервы как у Ивана Грозного! Дай я хотя бы объясню тебе, в чем дело.

Эрика ничего не ответила, и Мартин принялся торопливо рассказывать свою длинную, малоправдоподобную историю.

– Не верю, – отрезала Эрика, когда он кончил, и покачала головой. – Но я пока еще остаюсь твоим агентом и отвечаю за твою писательскую судьбу. Теперь нам надо добиться одного – заставить Толливера Уотта расторгнуть контракт. И только об этом мы и будем сейчас думать. Ты понял?

– Но Сен-Сир...

– Разговаривать буду я. Ты можешь не говорить ни слова. Если Сен-Сир начнет тебя запугивать, я с ним разделаюсь. Но ты должен быть там, не то Сен-Сир придерется к твоему отсутствию, чтобы затянуть дело. Я его знаю.

– Ну вот, я опять в стрессовом состоянии! – в отчаянии крикнул Мартин. – Я не выдержу! Я же не русский царь!

– Дамочка, – сказал шофер, оглядываясь. – На вашем месте я бы дал ему от ворот поворот тут же на месте!

– Кому-нибудь не сносить за это головы! – зловеще пообещал Мартин.

– «По взаимному согласию контракт аннулируется...» Да-да, – сказал Уотт, ставя свою подпись на документе, который лежал перед ним на столе. – Ну вот и все. Но куда делся Мартин? Ведь он вошел с вами, я сам видел.

– Разве? – несколько невпопад спросила Эрика. Она сама ломала голову над тем, каким образом Мартин умудрился так бесследно исчезнуть. Может быть, он с молниеносной быстротой залез под ковер?

Отогнав эту мысль, она протянула руку за бумагой, которую Уотт начал аккуратно свертывать.

– Погодите, – сказал Сен-Сир, выпятив нижнюю губу. – А как насчет пункта, дающего нам исключительное право на следующую пьесу Мартина?

Уотт перестал свертывать документ, и режиссер немедленно этим воспользовался.

– Что бы он там ни накопал, я сумею сделать из этого новый фильм для Диди. А, Диди? – Он погрозил сосискообразным пальцем прелестной звезде, которая послушно кивнула.

– Там будут только мужские роли, – поспешно сказала Эрика. – К тому же мы обсуждаем расторжение контракта, а не права на пьесу.

– Он дал бы мне это право, будь он здесь! – проворчал Сен-Сир, подвергая свою сигару невообразимым пыткам. – Почему, почему все ополчаются против истинного художника? – Он взмахнул огромным волосатым кулаком. – Теперь мне придется обламывать нового сценариста. Какая напрасная трата времени! А ведь через две недели Мартин стал бы сен-сировским сценаристом! Да и теперь еще не поздно...

– Боюсь, что поздно, Рауль, – с сожалением сказал Уотт. – Право же, бить Мартина сегодня в студии вам все-таки не следовало.

– Но... но он ведь не посмеет подать на меня в суд. В Миксо-Лидии...

– А, здравствуйте, Ник! – воскликнула Диди с сияющей улыбкой. – Зачем вы прячетесь за занавеской?

Глаза всех обратились к оконным занавескам, за которыми в этот миг с проворством вспугнутого бурундука исчезло белое как мел, искаженное ужасом лицо Никласа Мартина. Эрика торопливо сказала:

– Но это вовсе не Ник. Совсем даже не похож. Вы ошиблись, Диди.

– Разве? – спросила Диди, уже готовая согласиться.

– Ну конечно, – ответила Эрика и протянула руку к документу. – Дайте его мне, и я...

– Стойте! – по-бычьи взревел Сен-Сир.

Втянув голову в могучие плечи, он затопал к окну и отдернул занавеску.

– Ага, – зловещим голосом произнес режиссер. – Мартин!

– Ложь, – пробормотал Мартин, тщетно пытаясь скрыть свой рожденный стрессом ужас. – Я отрекся.

Сен-Сир, отступив на шаг, внимательно вглядывался в Мартина. Сигара у него во рту медленно задралась кверху. Губы режиссера растянула злобная усмешка.

Он потряс пальцем у самых трепещущих ноздрей драматурга.

– А, – сказал он, – к вечеру пошли другие песни, э? Днем ты был пьян! Теперь я все понял. Черпаешь храбрость в бутылке, как тут выражаются?

– Чепуха, – возразил Мартин, вдохновляясь взглядом, который бросила на него Эрика. – Кто это сказал? Это все ваши выдумки! О чем, собственно, речь?

– Что вы делали за занавеской? – спросил Уотт.

– Я вообще не был за занавеской, – доблестно объяснил Мартин. – Это вы были за занавеской, вы все. А я был перед занавеской. Разве я виноват, что вы все укрылись за занавеской в библиотеке, точно... точно заговорщики?

Последнее слово было выбрано очень неудачно – в глазах Мартина вновь вспыхнул ужас.

– Да, как заговорщики, – продолжал он нервно. – Вы думали, я ничего не знаю, а? А я все знаю! Вы тут все убийцы и плетете злодейские интриги. Вот, значит, где ваше логово! Всю ночь вы, наемные псы, гнались за мной по пятам, словно за раненым карибу, стараясь...

– Нам пора, – с отчаянием сказала Эрика. – Мы и так еле-еле успеем поймать последнее кари... то есть последний самолет на восток.

Она протянула руку к документу, но Уотт вдруг спрятал его в карман и повернулся к Мартину.

– Вы дадите нам исключительное право на вашу следующую пьесу? – спросил он.

– Конечно даст! – загремел Сен-Сир, опытным взглядом оценив напускную браваду Мартина. – И в суд ты на меня не подашь, не то я тебя вздую как следует. Так мы делали в Миксо-Лидии. Собственно говоря, Мартин, вы вовсе и не хотите расторгать контракт. Это чистое недоразумение. Я сделаю из вас сен-сировского сценариста, и все будет хорошо. Вот так. Сейчас вы попросите Толливера разорвать эту бумажонку. Верно?

– Конечно нет! – крикнула Эрика. – Скажи ему это, Ник!

Наступило напряженное молчание. Уотт ждал с настороженным любопытством. И бедняжка Эрика тоже. В ее душе шла мучительная борьба между профессиональным долгом и презрением к жалкой трусости Мартина. Ждала и Диди, широко раскрыв огромные глаза, а на ее прекрасном лице играла веселая улыбка. Однако бой шел, бесспорно, между Мартином и Раулем Сен-Сиром.

Мартин в отчаянии расправил плечи. Он должен, должен показать себя подлинным Грозным – теперь или никогда. У него уже был гневный вид, как у Ивана, и он постарался сделать свой взгляд зловещим. Загадочная улыбка появилась на его губах. На мгновение он действительно обрел сходство с грозным русским царем – только, конечно, без бороды и усов. Мартин смерил миксолидийца взглядом, исполненным монаршего презрения.

– Вы порвете эту бумажку и подпишете соглашение с нами на вашу следующую пьесу, так? – сказал Сен-Сир, но с легкой неуверенностью.

– Что захочу, то и сделаю, – сообщил ему Мартин. – А как вам понравится, если вас живо сожрут собаки?

– Право, Рауль, – вмешался Уотт, – попробуем уладить это, пусть даже...

– Вы предпочтете, чтобы я ушел в «Метро-Голдвин» и взял с собой Диди? – крикнул Сен-Сир, поворачиваясь к Уотту. – Он сейчас же подпишет! – И, сунув руку во внутренний карман, чтобы достать ручку, режиссер всей тушей надвинулся на Мартина.

– Убийца! – взвизгнул Мартин, неверно истолковав его движение.

На мерзком лице Сен-Сира появилась злорадная улыбка.

– Он у нас в руках, Толливер! – воскликнул миксолидиец с тяжеловесным торжеством, и эта жуткая фраза оказалась последней каплей.

Не выдержав подобного стресса, Мартин с безумным воплем шмыгнул мимо Сен-Сира, распахнул ближайшую дверь и скрылся за ней.

Вслед за ним неся голос валькирии Эрики:

– Оставьте его в покое! Или вам мало? Вот что, Толливер Уотт: я не уйду отсюда, пока вы не отдадите этот документ. А вас, Сен-Сир, я предупреждаю: если вы...

Но к этому времени Мартин уже успел проскочить пять комнат, и конец ее речи замер в отдалении. Он пытался заставить себя остановиться и вернуться на поле брани, но тщетно – стресс был слишком силен, ужас гнал его вперед по коридору, вынудил юркнуть в какую-то комнату и швырнул о какой-то металлический предмет. Отлетев от этого предмета и упав на пол, Мартин обнаружил, что перед ним ЭНИАК Гамма Девяносто Третий.

– Вот вы где, – сказал робот. – А я в поисках вас обшарил все пространство-время. Когда вы заставили меня изменить программу эксперимента, вы забыли дать мне расписку, что берете ответственность на себя. Раз объект пришлось снять из-за изменения в программе, начальство из меня все шестеренки вытрясет, если я не доставлю расписку с приложением глаза объекта.

Опасливо оглянувшись, Мартин поднялся на ноги.

– Что? – спросил он рассеянно. – Послушайте, вы должны изменить меня обратно в меня самого. Все меня пытаются убить. Вы явились как раз вовремя. Я не могу ждать двенадцать часов. Измените меня немедленно.

– Нет, я с вами покончил, – бессердечно ответил робот. – Когда вы настояли на наложении чужой матрицы, вы перестали быть необработанным объектом и для продолжения опыта теперь не годитесь. Я бы сразу взял у вас расписку, но вы совсем меня заморочили вашим дээрэлиевским красноречием. Ну-ка, подержите вот это у своего левого глаза двадцать секунд. – Он протянул Мартину блестящую металлическую пластинку. – Она уже заполнена и сенсублизирована. Нужен только отпечаток вашего глаза. Приложите его, и больше вы меня не увидите.

Мартин отпрянул.

– А что будет со мной? – спросил он дрожащим голосом.

– Откуда я знаю? Через двенадцать часов матрица сотрется, и вы снова станете самим собой. Прижмите пластинку к глазу.

– Прижму, если вы превратите меня в меня, – попробовал торговаться Мартин.

– Не могу – это против правил. Хватит и одного нарушения, даже с распиской. Но чтобы два? Ну нет! Прижмите ее к левому глазу...

– Нет, – сказал Мартин с судорожной твердостью. – Не прижму.

ЭНИАК внимательно поглядел на него.

– Прижмите, – повторил робот. – Не то я на вас топну ногой.

Мартин слегка побледнел, но с отчаянной решимостью затряс головой.

– Нет и нет! Ведь если я немедленно не избавлюсь от матрицы Ивана, Эрика не выйдет за меня замуж и Уотт не освободит меня от контракта. Вам только нужно надеть на меня этот шлем. Неужто я прошу чего-то невозможного?

– От робота? Разумеется, – сухо ответил ЭНИАК. – И довольно мешкать. К счастью, на вас наложена матрица Ивана и я могу навязать вам мою волю. Сейчас же отпечатайте на пластинке свой глаз, ну?!

Мартин стремительно нырнул за диван. Робот угрожающе двинулся за ним, но тут Мартин нашел спасительную соломинку и уцепился за нее.

Он встал и посмотрел на робота.

– Погодите, вы не поняли, – сказал он. – Я же не в состоянии отпечатать свой глаз на этой штуке. Со мной у вас ничего не выйдет. Как вы не понимаете? На ней должен остаться отпечаток...

– ...рисунка сетчатки, – докончил робот. – Ну и...

– Ну и как же я это сделаю, если мой глаз не останется открытым двадцать секунд? Пороговые реакции у меня как у Ивана. Мигательным рефлексом я управлять не могу. Мои синапсы – синапсы труса. И они заставят меня зажмурить глаза, чуть только эта штука к ним приблизится.

– Так раскройте их пальцами, – посоветовал робот.

– У моих пальцев тоже есть рефлекс, – возразил Мартин, подбираясь к буфету. – Остается один выход. Я должен напиться. Когда алкоголь меня одурманит, мои рефлексы затормозятся, и я не успею закрыть глаза. Но не вздумайте пустить в ход силу. Если я умру на месте от страха, как вы получите отпечаток моего глаза?

– Это-то нетрудно, – сказал робот. – Раскрою веки...

Мартин потянулся за бутылкой и стаканом, но вдруг его рука свернула в сторону и ухватила сифон с содовой водой.

– Но только, – продолжал ЭНИАК, – подделка может быть обнаружена.

Мартин налил себе полный стакан содовой воды и сделал большой глоток.

– Я скоро опьянею, – обещал он заплетающимся языком. – Видите, алкоголь уже действует. Я стараюсь вам помочь.

– Ну ладно, только поторопитесь, – сказал ЭНИАК после некоторого колебания и опустился на стул.

Мартин собрался сделать еще глоток, но вдруг уставился на робота, ахнул и отставил стакан.

– Ну, что случилось? – спросил робот. – Пейте свое... что это такое?

– Виски, – ответил Мартин неопытной машине. – Но я все понял. Вы подсыпали в него яд. Вот, значит, каков был ваш план. Но я больше ни капли не выпью, и вы не получите отпечатка моего глаза. Я не дурак.

– Винт всемогущий! – воскликнул робот, вскакивая на ноги. – Вы же сами налили себе этот напиток. Как я мог его отравить, пейте!

– Не буду, – ответил Мартин с упрямством труса, стараясь отогнать гнетущее подозрение, что содовая и в самом деле отравлена.

– Пейте свой напиток! – потребовал ЭНИАК слегка дрожащим голосом. – Он абсолютно безвреден.

– Докажите! – сказал Мартин с хитрым видом. – Согласны обменяться со мной стаканами? Согласны сами выпить этот ядовитый напиток?

– Как же я буду пить? – спросил робот. – Я... Ладно, дайте мне стакан. Я отхлебну, а вы допьете остальное.

– Ага, – объявил Мартин, – вот ты себя и выдал. Ты же робот и сам говорил, что пить не можешь! То есть так, как пью я. Вот ты и попался, отравитель! Вон твой напиток. – Он указал

на торшер. – Будешь пить со мной на свой электрический манер или сознаешься, что хотел меня отравить? погоди-ка, что я говорю? Это же ничего не докажет...

– Ну конечно, докажет, – поспешно перебил робот. – Вы совершенно правы и придумали очень умно. Мы будем пить вместе, и это докажет, что ваше виски не отравлено. И вы будете пить, пока ваши рефлексy не затормозятся.

– Да, но... – начал неуверенно Мартин, однако бессовестный робот уже вывинтил лампочку из торшера, нажал на выключатель и сунул палец в патрон, отчего раздался треск и посыпались искры.

– Ну вот, – сказал робот. – Ведь не отравлено?

– А вы не глотаете, – подозрительно заявил Мартин. – Вы держите его во рту... то есть в пальцах.

ЭНИАК снова сунул палец в патрон.

– Ну ладно, может быть, – с сомнением согласился Мартин. – Но ты можешь подсыпать порошок в мое виски, изменник. Будешь пить со мной, глоток за глотком, пока я не сумею припечатать свой глаз к этой твоей штуке. А не то я перестану пить. Впрочем, хоть ты и суешь палец в торшер, действительно ли это доказывает, что виски не отравлено? Я не совсем...

– Доказывает, доказывает, – быстро сказал робот. – Ну вот, смотрите. Я опять это делаю... $f(t)$. Мощный постоянный ток, верно? Какие еще вам нужны доказательства? Ну, пейте.

Не спуская глаз с робота, Мартин поднес к губам стакан с содовой.

– Fffff(t)! – воскликнул робот немного погодя и начертил на своем металлическом лице глуповато-блаженную улыбку.

– Такого ферментированного мамонтового молока я еще не пивал, – согласился Мартин, поднося к губам десятый стакан содовой воды. Ему было сильно не по себе, и он боялся, что вот-вот захлебнется.

– Мамонтового молока? – сипло произнес ЭНИАК. – А это какой год?

Мартин перевел дух. Могучая память Ивана пока хорошо служила ему. Он вспомнил, что напряжение повышает частоту мыслительных процессов робота и расстраивает его память – это и происходило прямо у него на глазах. Однако впереди оставалось самое трудное...

– Год Большой Волосатой, конечно, – сказал он весело. – Разве вы не помните?

– В таком случае вы... – ЭНИАК попытался получше разглядеть своего двоящегося собутельника. – Тогда, значит, вы – Мамонтобой.

– Вот именно! – вскричал Мартин. – Ну-ка, дернем еще по одной, а затем приступим.

– К чему приступим?

Мартин изобразил раздражение.

– Вы сказали, что наложите на мое сознание матрицу Мамонтобая. Вы сказали, что это обеспечит мне оптимальное экологическое приспособление к среде в данной темпоральной фазе.

– Разве? Но вы же не Мамонтобой, – растерянно возразил ЭНИАК. – Мамонтобой был сыном Большой Волосатой. А как зовут вашу мать?

– Большая Волосатая, – немедленно ответил Мартин, и робот поскреб свой сияющий затылок.

– Дерните еще разок, – предложил Мартин. – А теперь достаньте экологизер и наденьте мне его на голову.

– Вот так? – спросил ЭНИАК, подчиняясь. – У меня ощущение, что я забыл что-то важное.

Мартин поправил прозрачный шлем у себя на затылке.

– Ну, – скомандовал он, – дайте мне матрицу-характер Мамонтобая, сына Большой Волосатой.

– Что ж... Ладно, – невнятно сказал ЭНИАК. Взметнулись красные ленты, шлем вспыхнул. – Вот и все. Может быть, пройдет несколько минут, прежде чем подействует, а потом на двенадцать часов вы... погодите! Куда же вы?

Но Мартин уже исчез.

В последний раз робот запихнул в сумку шлем и четверть мили красной ленты. Пошатываясь, он подошел к торшеру, бормоча что-то о посошке на дорожку. Затем комната опустела. Затихающий шепот произнес:

– F(t)...

– Ник! – ахнула Эрика, уставившись на фигуру в дверях. – Не стой так, ты меня пугаешь.

Все оглянулись на ее вопль и поэтому успели заметить жуткую перемену, происходившую в облике Мартина. Конечно, это была иллюзия, но весьма страшная. Колени его медленно подогнулись, плечи сгорбились, словно под тяжестью чудовищной мускулатуры, а руки вытянулись так, что пальцы почти касались пола.

Наконец-то Никлас Мартин обрел личность, экологическая норма которой ставила его на один уровень с Раулем Сен-Сиром.

– Ник! – испуганно повторила Эрика.

Нижняя челюсть Мартина медленно выпятилась, обнажились все нижние зубы. Веки постепенно опустились, и теперь он смотрел на мир маленькими злобными глазками. Затем неторопливая гнусная ухмылка растянула губы мистера Мартина.

– Эрика! – хрипло сказал он. – Моя!

Раскачивающейся походкой он подошел к перепуганной девушке, схватил ее в объятия и укусил за ухо.

– Ах, Ник, – прошептала Эрика, закрывая глаза. – Почему ты никогда... Нет, нет, нет! Ник, погоди... Расторжение контракта. Мы должны... Ник, куда ты? – Она попыталась удержать его, но опоздала.

Хотя походка Мартина была неуклюжей, двигался он быстро. В одно мгновение он перемахнул через письменный стол Уотта, выбрав кратчайший путь к потрясенному кинопромышленнику. Во взгляде Диди появилось легкое удивление. Сен-Сир рванулся вперед.

– В Миксо-Лидии... – начал он. – Ха, вот так... – И, схватив Мартина, он швырнул его в другой угол комнаты.

– Зверь! – воскликнула Эрика и бросилась на режиссера, молотя кулачками по его могучей груди. Впрочем, тут же спохватившись, она принялась обрабатывать каблуками его ноги – со значительно большим успехом. Сен-Сир, менее всего джентльмен, схватил ее и заломил ей руки, но тут же обернулся на тревожный крик Уотта:

– Мартин, что вы делаете?

Вопрос этот был задан не зря. Мартин покатился по полу, как шар, по-видимому, нисколько не ушибся, сбил торшер и развернулся, как еж. На лице его было неприятное выражение. Он встал, пригнувшись, почти касаясь пола руками и злобно скаля зубы.

– Ты трогать моя подруга? – хрипло осведомился питекантропообразный мистер Мартин, быстро теряя всякую связь с двадцатым веком. Вопрос этот был чисто риторическим. Драматург поднял торшер (для этого ему не пришлось нагибаться), содрал абажур, словно листья с древесного сука, и взял торшер наперевес. Затем он двинулся вперед, держа его, как копье.

– Я, – сказал Мартин, – убивать.

И с достохвальной целеустремленностью попытался претворить свое намерение в жизнь. Первый удар тупого самодельного копья поразил Сен-Сира в солнечное сплетение, и режиссер отлетел к стене, гулко стукнувшись о нее. Мартин, по-видимому, только этого и добивался. Прижав конец копья к животу режиссера, он пригнулся еще ниже, уперся ногами в ковер и по мере сил попытался просверлить в Сен-Сире дыру.

– Прекратите! – крикнул Уотт, кидаясь в сечу.

Первобытные рефлексy сработали мгновенно: кулак Мартина описал в воздухе дугу, и Уотт описал дугу в противоположном направлении.

Торшер сломался.

Мартин задумчиво поглядел на обломки, принялся было грызть один из них, потом передумал и оценивающе посмотрел на Сен-Сира. Задыхаясь, бормоча угрозы, проклятия и протесты, режиссер выпрямился во весь рост и погрозил Мартину огромным кулаком.

– Я, – объявил он, – убью тебя голыми руками, а потом уйду в «Метро-Голдвин-Мейер» с Диди. В Миксо-Лидии...

Мартин поднес к лицу собственные кулаки. Он поглядел на них, медленно разжал, улыбнулся, а затем, оскалив зубы, с голодным тигриным блеском в крохотных глазках посмотрел на горло Сен-Сира.

Мамонтобой не зря был сыном Большой Волосатой.

Мартин прыгнул.

И Сен-Сир тоже, но в другую сторону, вопя от внезапного ужаса. Ведь он был всего только средневековым типом, куда более цивилизованным, чем так называемый человек первобытной прямолинейной эры Мамонтобая. И как человек убегает от маленькой, но разъяренной дикой кошки, так Сен-Сир, пораженный цивилизованным страхом, бежал от врага, который в буквальном смысле слова ничего не боялся.

Сен-Сир выпрыгнул в окно и с визгом исчез в ночном мраке.

Мартина это застигло врасплох – когда Мамонтобой бросался на врага, враг всегда бросался на Мамонтобая, – и в результате он со всего маху стукнулся лбом о стену. Как в тумане, он слышал затихающий вдали визг. С трудом поднявшись, он привалился спиной к стене и зарычал, готовясь...

– Ник! – раздался голос Эрики. – Ник, это я! Помоги! Помоги же! Диди...

– Агх? – хрипло спросил Мартин, мотая головой. – Убивать!

Глухо ворча, драматург мигал налитыми кровью глазками, и постепенно все, что его окружало, опять приобретало четкие очертания. У окна Эрика боролась с Диди.

– Пустите меня! – кричала Диди. – Куда Рауль, туда и я!

– Диди! – умоляюще произнес новый голос.

Мартин оглянулся и увидел под смятым абажуром в углу лицо распростертого на полу Толливера Уотта.

Сделав чудовищное усилие, Мартин выпрямился. Ему было как-то непривычно ходить не горбясь, но зато это помогало подавить худшие инстинкты Мамонтобая. К тому же теперь, когда Сен-Сир испарился, кризис миновал и доминантная черта в характере Мамонтобая несколько утратила активность. Мартин осторожно пошевелил языком и с облегчением обнаружил, что еще не совсем лишился дара человеческой речи.

– Агх, – сказал он. – Уррг... э... Уотт!

Уотт испуганно замигал на него из-под абажура.

– Арргх... Аннулированный контракт, – сказал Мартин, напрягая все силы. – Дай.

Уотт не был трусом. Он с трудом поднялся на ноги и снял с головы абажур.

– Аннулировать контракт?! – рявкнул он. – Сумасшедший! Разве вы не понимаете, что вы натворили? Диди, не уходите от меня! Диди, не уходите, мы вернем Рауля.

– Рауль велел мне уйти, если уйдет он, – упрямо сказала Диди.

– Вы вовсе не обязаны делать то, что вам велит Сен-Сир, – убеждала Эрика, продолжая держать вырывающуюся звезду.

– Разве? – с удивлением спросила Диди. – Но я всегда его слушаюсь. И всегда слушалась.

– Диди, – в отчаянии умолял Уотт, – я дам вам лучший в мире контракт! Контракт на десять лет! Посмотрите, вот он! – И киномагнат вытащил сильно потертый по краям доку-

мент. – Только подпишите, и потом можете требовать все, что вам угодно! Неужели вам этого не хочется?

– Хочется, – ответила Диди, – но Раулю не хочется. – И она вырвалась из рук Эрики.

– Мартин! – вне себя воззвал Уотт к драматургу. – Верните Сен-Сира! Извинитесь перед ним! Любой ценой – только верните его! А не то я... я не аннулирую вашего контракта!

Мартин слегка сгорбился, может быть, от безнадёжности, а может быть, и еще от чего-нибудь.

– Мне очень жалко, – сказала Диди. – Мне нравилось работать у вас, Толливер. Но я должна слушаться Рауля.

Она сделала шаг к окну.

Мартин сгорбился еще больше, и его пальцы коснулись ковра. Злобные глазки, горевшие неудовлетворенной яростью, были устремлены на Диди. Медленно его губы поползли в стороны, и зубы оскалились.

– Ты! – сказал он со зловещим урчанием.

Диди остановилась, но лишь на мгновение, и тут по комнате прокатился рык дикого зверя.

– Вернись! – в бешенстве ревел Мамонтобой.

Одним прыжком он оказался у окна, схватил Диди и зажал под мышкой. Обернувшись, он ревниво покосился на дрожащего Уотта и кинулся к Эрике. Через мгновение обе девушки пытались вырваться из его хватки. Мамонтобой крепко держал их под мышками, а его злобные глазки поглядывали то на одну, то на другую. Затем с полным беспристрастием он быстро укусил каждую за ухо.

– Ник! – вскрикнула Эрика. – Как ты смеешь?

– Моя! – хрипло информировал ее Мамонтобой.

– Еще бы! – ответила Эрика. – Но это имеет и обратную силу. Немедленно отпусти нахалку, которую ты держишь под другой мышкой.

Мамонтобой с сожалением поглядел на Диди.

– Ну, – резко сказала Эрика, – выбирай!

– Обе! – объявил нецивилизованный драматург. – Да!

– Нет! – отрезала Эрика.

– Да! – прошептала Диди совсем новым тоном.

Красавица свисала с руки Мартина, как мокрая тряпка, и глядела на своего пленителя с рабским обожанием.

– Нахалка! – крикнула Эрика. – А как же Сен-Сир?

– Он? – презрительно сказала Диди. – Слюнтяй! Нужен он мне очень! – И она вновь устремила на Мартина боготворящий взгляд.

– Ф-фа! – буркнул тот и бросил Диди на колени Уотта. – Твоя. Держи. – Он одобрительно ухмыльнулся Эрике. – Сильная подруга. Лучше.

Уотт и Диди безмолвно смотрели на Мартина.

– Ты! – сказал он, ткнув пальцем в Диди. – Ты остаешься у него. – Мартин указал на Уотта.

Диди покорно кивнула.

– Ты подписать контракт?

Кивок.

Мартин многозначительно посмотрел на Уотта и протянул руку.

– Документ, аннулирующий контракт, – пояснила Эрика, вися вниз головой. – Дайте скорей, пока он не свернул нам шею.

Уотт медленно вытащил документ из кармана и протянул его Мартину.

Но тот уже направился к окну раскачивающейся походкой.

Эрика извернулась и схватила документ.

– Ты прекрасно сыграл, – сказала она Нику, когда они очутились на улице. – А теперь отпусти меня. Попробуем найти такси...

– Не играл, – проворчал Мартин. – Настоящее. До завтра. После этого... – Он пожал плечами. – Но сегодня – Мамонтобой.

Он попытался влезть на пальму, передумал и пошел дальше.

Эрика у него под мышкой погрузилась в задумчивость и взвизгнула, только когда с ними поравнялась патрульная полицейская машина.

– Завтра я внесу за тебя залог, – сказала Эрика Мамонтобою, который вырывался из рук двух дюжих полицейских.

Свирепый рев заглушал ее слова.

Последующие события слились для разъяренного Мамонтобая в один неясный вихрь, в завершение которого он очутился в тюремной камере, где вскочил на ноги с угрожающим рычанием.

– Я, – возвестил он, вцепляясь в решетку, – убивать! Арггх!

– Двое за один вечер, – произнес в коридоре сучающий голос. – И обоих взяли на Бел-Эйре. Думаешь, нанюхались кокаина? Первый тоже ничего толком не мог объяснить.

Решетка затряслась. Раздраженный голос с койки потребовал, чтобы он заткнулся, и добавил, что ему хватит неприятностей от всяких идиотов и без того, чтобы... Тут говоривший умолк, заколебался и испустил пронзительный отчаянный визг.

На мгновение в камере наступила мертвая тишина: Мамонтобой, сын Большой Волосатой, медленно повернулся к Раулю Сен-Сиру.

Двурукая машина

С того самого дня, когда Орест убил свою мать Клитемнестру, чтобы отомстить за смерть Агамемнона, людей преследовали фурии, богини-мстительницы. Но только в двадцать втором веке люди сделали из стали настоящих фурий. К этому времени человечество столкнулось с кризисом, и, чтобы выйти из него, пришлось прибегнуть к помощи фурий, созданных по человеческому образу. Эти стальные фурии неотступно преследовали тех, кто убивал себе подобных. Они преследовали только убийц, и никого больше. К этому моменту люди не совершали других более или менее тяжких преступлений.

Процедура была простой. Неожиданно, без всякого предупреждения, убийца, чувствующий себя в полной безопасности, слышал за спиной тяжелые шаги. Он поворачивался и видел идущего к нему стального человека. Только теперь убийца понимал, что всеведущие электронные компьютеры подвергли его суду.

Отныне и до конца своих дней убийца будет слышать тяжелые шаги за спиной, преследующие его подобно двигающейся тюрьме с невидимыми решетками, которая отрезает от остального мира. Больше никогда преступник не останется один.

И наступит день, неведомый для него, когда тюремщик превратится в палача.

Дэннер откинулся на спинку удобного кресла и закрыл глаза, наслаждаясь изысканным вкусом выдержанного вина. Он чувствовал себя в безопасности, под надежной защитой. Вот уже почти час он сидел в шикарном ресторане, заказывал самую дорогую и изысканную пищу, слушал музыку, которая создавала какую-то особую атмосферу, и отрывки негромкого разговора соседей за столиком рядом. Уже давно Дэннер не чувствовал себя так хорошо. Приятно иметь много денег.

Деньги достались ему нелегко. Дэннеру пришлось убить человека, чтобы получить сказочную сумму. Но его не тревожило чувство вины. Оно возникает лишь тогда, когда тебя уличают в преступлении, а у Дэннера была самая надежная защита в мире, чего никогда раньше ни у кого не было. Его защищала именно та сила, которая должна была покарать. Дэннеру было хорошо известно, что за убийством должно последовать наказание, расплата, которой невозможно избежать. Если бы Харц не убедил его, что на этот раз расплаты не будет, Дэннер никогда не нажал бы на спусковой крючок...

В его сознании промелькнуло полузабытое архаичное слово «грех». Однако это слово не пробудило у него никаких эмоций. Было время, когда понятие «грех» каким-то странным образом ассоциировалось с виной. Но это время осталось в далеком прошлом. Человечество пережило слишком много потрясений, и понятие «грех» больше не имело никакого смысла.

Дэннер потряс головой, отбрасывая смутное неприятное воспоминание, и попробовал стоящий перед ним пальмовый салат. Его вкус ему не понравился. Ничего не поделаешь, в мире не бывает совершенства. Дэннер поднес к губам бокал с вином, наслаждаясь тем, что бокал как бы вибрирует у него в руке. «Превосходное вино», – подумал он и хотел было заказать еще одну бутылку, но затем решил отложить на следующий раз. Теперь его ожидает так много удовольствий. Ради этого стоило пойти на риск. Правда, в его случае никакого риска, разумеется, не было.

Дэннер был человеком, который родился не вовремя. Он был уже достаточно взрослым, чтобы запомнить последние дни Утопии, и достаточно молодым, чтобы испытать лишения, последовавшие в результате введения новой экономики, при которой люди страдали от недостатка самых разных товаров. Эта экономика была навязана людям машинами, которые управляли обществом. В юности, подобно всем остальным, Дэннер испытал прелесть бесплатной роскоши. Он помнил давно ушедшие дни, когда он, как и все юноши, погружался в сверкающие, яркие и захватывающие ощущения, которые создавались действовавшими в то время машинами развлечений. Эти фантастические картины не существовали и не могли существовать, но казались такими реальными. Затем наступила новая экономика, и удовольствия исчезли. Теперь каждый получал только самое необходимое, зато работал весь день. Дэннер ненавидел новую жизнь.

Когда произошел стремительный переход к новому строю, он был еще слишком молодым и неопытным, чтобы вступить в отчаянную борьбу. Тот, кто был богатым сегодня, создал свои состояния, захватив те немногие предметы роскоши, которые еще производили машины. А таким, как Дэннер, остались одни воспоминания о хорошей жизни и вечно гложущее чувство, что их обманули. Ему хотелось возвращения счастливых дней юности и было наплевать, как он этого добьется.

И вот теперь он достиг цели. Дэннер коснулся края бокала указательным пальцем, чувствуя, как стекло запело от прикосновения. «Хрусталь?» – подумал он. Дэннер слишком слабо разбирался в предметах роскоши, но это его не беспокоило. Он научится. Впереди целая жизнь, которую он проведет, купаясь в удовольствиях и роскоши.

Дэннер поднял голову и увидел через прозрачный купол крыши ресторана плавающие в солнечных лучах башни города. Они простирались до самого горизонта. И это был всего лишь один город. Когда ему надоест жить здесь, он переедет в другой. Вся страна, вся планета была покрыта транспортной сетью, соединяющей города в одно огромное, сложное, наполовину живое чудовище. Назовем его обществом.

Дэннер почувствовал, что сквозь пол донеслась едва ощутимая дрожь.

Он поднял бокал и осушил его. Смутное беспокойство было чем-то новым. Его причиной... ну конечно, его причиной был так и не подавленный страх.

Все потому, что он остался непойманным.

Но ведь это бессмысленно, подумал Дэннер. Разумеется, город представлял собой исключительно сложный организм, функционирующий под надзором бесстрастных, неподкупных машин. Они, и только они, поддерживали существование людей, не позволяя им превратиться в представителей вымирающей фауны. Основой всей сложнейшей системы были аналоговые электронные машины и цифровые компьютеры. Это они создавали законы и обеспечивали их выполнение, а без законов существование человечества стало бы невозможным. Дэннер не слишком хорошо разбирался в радикальных изменениях, которые произошли в обществе на протяжении его жизни, но вот это было ему понятно.

И тем не менее он, Дэннер, сидел в роскошном ресторане, пил дорогое вино, наслаждался музыкой, а за спинкой его мягкого кресла не стояла зловещая стальная фурия, подтверждающая этим, что компьютеры все еще успешно охраняют благополучие общества...

И тут в зале появилась фурия.

В ресторане сразу же воцарилась мертвая тишина. Дэннер подносил вилку ко рту, но остановился словно замороженный, поднял голову и посмотрел в сторону входа.

Фурия была выше человеческого роста. На мгновение она замерла у двери, и луч вечернего солнца отразился ослепительным пятном от ее плеча. У нее не было лица, но казалось, что она медленно обвела взглядом весь ресторан, столик за столиком. Затем фурия шагнула вперед, лучи солнечного света скользнули с нее, и она приобрела очертания закованного в сталь очень высокого человека, медленно идущего между столиками.

– Нет, это не за мной, – прошептал Дэннер, опуская вилку рядом с тарелкой с нетронутой едой. – Все остальные могут сомневаться. Но я уверен.

И подобно тому как перед мысленным взором тонущего человека проходят удивительно четкие, красочные в каждой детали картины его жизни, сконцентрированные в мимолетное мгновение, он вспомнил все подробности разговора с Харцем.

Он как бы снова увидел хозяина кабинета, полного, со светлыми волосами и густыми бровями, придающими ему печальный вид. Человека, выглядевшего спокойным и безмятежным, пока он не начинал говорить: и тогда сразу возникала атмосфера напряженности, которую создавала излучаемая Харцем неистощимая энергия, мощный поток которой, казалось, заставлял трепетать окружающий его воздух. Дэннер вспомнил, как он стоял перед письменным столом Харца, чувствуя под подошвами своих туфель низкое гудение огромных компьютеров, от которого вибрировал пол. За окном кабинета виднелись длинные ряды сверкающих пультов электронных машин с бесчисленными разноцветными лампочками, мигающими в самых разных сочетаниях. Компьютеры получали информацию, обрабатывали ее и выдавали в виде цифр, подобно таинственным оракулам. Только такие люди, как Харц, понимали язык этих оракулов.

– У меня есть для вас дело, – сказал Харц. – Мне нужно, чтобы вы убили человека.

– О нет, – покачал головой Дэннер. – Вы что, принимаете меня за дурака?

– Не спешите с ответом. Разве вам не нужны деньги?

– Зачем? Для пышных похорон?

– Нет, чтобы вести роскошную жизнь. Я знаю, что вы не дурак. И мне совершенно точно известно, что вы не выполните мое поручение, если только вам не будет выплачена огромная сумма денег и гарантирована безопасность. И то и другое я и могу вам предложить. Да, и гарантию безопасности.

Дэннер посмотрел на ряды компьютеров через прозрачную стену кабинета.

– Разумеется... – пробормотал он.

– Вы все еще не понимаете. Я действительно могу гарантировать это. Мне... – Харц беспокойно оглянулся, будто не верил, что даже в его собственном кабинете их никто не сможет подслушать. – Мне удалось добиться кое-чего совершенно нового. Теперь я могу направить любую фурию в нужном мне направлении.

– Можете направить, – повторил Дэннер.

– Думаете, я шучу? Я вам продемонстрирую это. В моих силах отозвать фурию, преследующую убийцу.

– Каким образом?

– Это мой секрет, как вы сами понимаете. В общем, я ввожу в компьютеры неверные данные, в результате чего они выносят неверный приговор или неправильно его осуществляют после суда.

– Но ведь это опасно!

– Опасно? – Пронзительный взгляд Харца из-под густых бровей остановился на лице Дэннера. – Действительно, это опасно. Поэтому я пользуюсь этим очень редко. По правде говоря, такое случилось лишь один раз. Дело в том, что я разработал свой метод теоретически и потом один раз проверил его на практике. И вполне успешно. Я прибегну к этому методу еще один раз, чтобы убедить вас. И затем, в последний раз, для вашей защиты. И все. Я не хочу нарушать точность работы компьютеров. После того как мое поручение будет выполнено, это не понадобится.

– Кого я должен убить?

Харц невольно посмотрел на потолок – там, на верхнем этаже небоскреба, помещался кабинет управляющего.

– О’Рейлли, – сказал он.

Дэннер тоже взглянул на потолок, как будто мог увидеть через толщу бетона подошвы ботинок О'Рейлли, верховного управляющего компьютерными системами Земли.

– Почему?

– Очень просто, – улыбнулся Харц. – Хочу занять его должность.

– Если вы так уверены, что можете остановить фурий, почему бы вам не убить его самому?

– Да потому, что тогда это будет шито белыми нитками, – нетерпеливо бросил Харц. – Подумайте сами. Я лицо, особо заинтересованное в его смерти. Не надо и калькулятора, чтобы понять, кто претендует на его место. Даже если я сумею направить фурию по ложному следу, люди не поверят, что это сделал не я. А вот у вас нет причин для убийства О'Рейлли. Подлинные обстоятельства дела будут известны одним компьютерам, а их я беру на себя.

– Почему я должен верить, что вы сумеете выполнить свое обещание?

– Очень просто. Смотрите.

Харц встал и быстрыми шагами направился к противоположному углу комнаты. Он ступал по ковру, покрывающему пол, и каждый его шаг был легким и упругим, как у юноши. В углу стоял аппарат с массой кнопок и наклонным экраном. Нервным жестом Харц нажал на одну из кнопок, и на засветившемся экране появилась поразительно четкая карта одного из участков города.

– Сначала мне нужно найти район, где действует одна из фурий, – объяснил он.

Карта исчезла, и он снова нажал на кнопку. Первоначально расплывчатые линии на экране постепенно стали четкими и яркими. Недалеко от центра города появился цветной крест. Он медленно поплыл по экрану со скоростью пешехода.

– Вот, – произнес Харц, наклонился и прочитал название улицы. С его лица на стеклянную поверхность экрана упала капля пота, и он поспешно стер ее рукавом. – По этой улице идет человек, за которым следует фурия. Сейчас ты увидишь, что произойдет. Наблюдай внимательнее.

Он нажал еще одну кнопку, и карта на экране сменилась картинкой городской улицы. Харц подождал, когда изображение станет четким и поразительно красочным. По улице ехали машины, люди спешили по своим делам или, наоборот, шли не спеша, разглядывая витрины магазинов. Но среди массы людей виднелся крохотный оазис, островок в человеческом море. Внутри этого островка двигались две фигуры – Робинзон Крузо с верным Пятницей. Первым был измученный человек, идущий с опущенной вниз головой, глядя под ноги. За ним следовала высокая человекообразная фигура, от металлической поверхности которой отражались блики света.

Эти двое двигались внутри пустого пространства, будто невидимые стены отделяли их от толпы, которая расступалась перед ними и смыкалась у них за спиной. Некоторые прохожие смотрели на эту пару с любопытством, другие отворачивались, но были и люди, наблюдавшие за сценой с откровенным интересом, словно надеясь, что именно сейчас Пятница поднимет свою стальную руку и прикончит Крузо.

– Следи за каждым движением. – В голосе Харца звучало волнение. – Сейчас я уведу фурию от этого человека.

Он вернулся к своему столу, выдвинул ящик и нагнулся над ним, закрывая его своим телом от взгляда Дэннера. Послышалось несколько щелчков.

– Ну вот, – сказал Харц, задвинув ящик, и провел рукой по мокрому от пота лбу. – Что-то здесь жарко. Не отрывайся от экрана. Вот-вот начнется.

Харц подошел к огромному экрану, щелкнул переключателем, уличная сцена резко увеличилась, будто наблюдатели переместились намного ближе. Человек и неотступно следующий за ним тюремщик заняли большую часть экрана. Лицо человека казалось равнодушным и бес-

страстным, как у робота. Можно было подумать, что эти двое провели много времени друг с другом – вероятно, так оно и было.

– Подождем, пока они выйдут из толпы, – пробормотал Харц. – Надо, чтобы все прошло незаметно и не привлекло внимания. Смотри, он сворачивает в переулок. – Человек, который до этого шел вперед, не выбирая направления, резко свернул в узкий темный переулок, идущий от главной улицы. Глаз камеры неотступно следовал за ним – так же неотступно, как и робот-мститель.

– Значит, у вас повсюду телевизионные камеры? – с интересом спросил Дэннер. – Я так и думал. Как все происходит? Этих двух, их что, передают с одной камеры на другую на каждом углу или луч следит...

– Не отвлекайся, – бросил Харц. – Это профессиональная тайна. Смотри. Придется подождать, пока... Нет, вот сейчас он попытается скрыться!

Человек украдкой оглянулся. Фурия в этот момент огибала угол, входя в переулок. Харц бросился к своему столу и поспешно выдвинул ящик. Правая рука Харца застыла над ним, глаза не отрывались от экрана. Странно, но человек в темном переулке, хотя он, конечно, не мог знать, что за ним наблюдают, поднял голову вверх и взглянул прямо в камеру, в глаза следящих за ним Харца и Дэннера. Затем он глубоко вздохнул и бросился бежать.

Из ящика Харца послышался щелчок. Стальной робот, который мгновенно последовал за преследуемым им человеком, вдруг замедлил движение, остановился и начал как-то неуклюже топтаться на своих металлических ногах. Затем он замер на месте, подобно машине, у которой отключили питание.

В углу экрана, в пределах видимости телевизионной камеры, Дэннер увидел человека, который обернулся, и лицо его отразило изумление. Случилось невероятное. Робот стоял, делая нерешительные движения, как будто новые команды, только что полученные им от Харца, боролись с теми, что он выполнял ранее. Затем фурия повернулась спиной к человеку, исчезающему в глубине переулка, двигаясь теперь уверенно, без малейших колебаний, словно выполняла свои прямые обязанности, а не нарушала основные законы общества столь странным поведением.

Харц выключил экран, и изображение исчезло. Он снова вытер лоб, подошел к прозрачной стене, отделяющей его от рядов компьютеров, словно стараясь убедиться в том, что они не обратили внимания на его действия. Он выглядел таким маленьким на фоне гигантских электронных машин.

– Ну, что скажешь, Дэннер? – бросил он через плечо.

Последовали, разумеется, дальнейшие уговоры, увеличилась и без того огромная сумма вознаграждения за убийство, но Дэннер решил согласиться еще в тот момент, когда увидел, как фурия ушла от обреченного на смерть человека. Немалый риск, конечно, но все-таки, раз опасность не так велика. А вознаграждение...

В ресторане прекратилось всякое движение и воцарилась мертвая тишина. Фурия медленно двигалась между столиками, обходя посетителей, никого не касаясь. При ее приближении лица посетителей бледнели и поворачивались к ней. «Неужели это за мной?» – думал каждый. Даже совершенно невинные думали: «А вдруг компьютеры впервые совершили ошибку и фурия пришла за мной? Несомненно, ошибка, но ее нельзя обжаловать, и мне ничего не удастся доказать». Несмотря на то что понятие вины в этом мире не имело смысла, понятие кары было реальным, и кара могла оказаться слепой, нанося удар подобно молнии.

– Это не за мной, – шептал Дэннер сквозь сжатые зубы. – Я в безопасности. Под надежной защитой. Она пришла сюда за кем-то другим. – И все-таки как это странно, какое невероятное совпадение, что в одном ресторане, под одной крышей оказалось сегодня двое убийц. Он, Дэннер, и кто-то другой, за кем явилась фурия.

Дэннер опустил голову, посмотрел на нетронутую еду, и внезапно его сознание отключилось от окружающего мира и попыталось скрыться от действительности, подобно страусу, прячущему голову в песок. Странные мысли пронеслись у него в голове – мысли о пище. Как растет спаржа? Как выглядят в природе составляющие блюд? Ему никогда не приходилось видеть сырые овощи, потому что они всегда появлялись на столиках ресторана в приготовленном виде или подносы с ними выдвигались из автоматов. Например, картофель. На что он похож? На влажную белую массу? Нет, иногда картофель подавали в виде овальных ломтиков, так что картофель должен иметь овальную форму. Но не круглую. Часто картофель готовили в форме длинных узких ломтиков, жаренных в масле. Белых, разумеется. И Дэннер был почти убежден, что картофель растет под землей. Длинные переплетающиеся корни среди труб и кабелей, обнажившихся, когда ремонтировали улицы. Как странно, что он ест нечто, похожее на слабые тонкие человеческие руки, обнимающие канализационные сети города, поедаемые червями. И после того как фурия найдет его, он тоже может там оказаться...

Дэннер отодвинул тарелку.

Шорох и шепот в зале ресторана заставили его поднять голову помимо воли, подобно автомату. Фурия была уже в середине зала, и было и смешно, и страшно наблюдать, какое облегчение испытывали те, кого она уже миновала. Две или три женщины закрыли лица руками, а один мужчина соскользнул с кресла на пол, потеряв сознание. По-видимому, вид фурии пробуждал в людях глубоко скрытый страх.

Стальной робот был уже совсем близко. Фурия казалась футов семи ростом, и ее движения были поразительно плавными. Более плавными, чем человеческие. Стальные ноги опускались на ковер с тяжелым металлическим звуком. Тук... тук... тук... Дэннер бессознательно попытался рассчитать ее вес. О фуриях всегда говорили, что они движутся беззвучно – если не считать ужасных тяжелых шагов, – но эта едва слышно поскрипывала где-то в глубине своего мощного тела. У нее не было черт лица, однако человеческое воображение не могло не нарисовать что-то вроде лба, глаз, носа и рта на гладкой стальной поверхности головы, причем казалось, что глаза внимательно осматривают сидящих в ресторане.

Фурия приближалась. Теперь глаза всех посетителей ресторана были направлены в сторону Дэннера. Она шла прямо к нему. Дэннеру почти казалось, что...

– Нет! – твердил он. – Нет, этого не может быть!

Он чувствовал себя подобно человеку, охваченному мучительным кошмаром и готовому проснуться. «Ну почему же я не просыпаюсь! – думал он. – Надо проснуться еще до того, как она подойдет ко мне».

Но кошмар продолжался. И теперь фурия остановилась рядом с ним. Стук шагов прекратился. Слышалось только едва уловимое поскрипывание. Фурия замерла у его стола, неподвижная, молчаливая, угрожающе огромная.

Дэннер почувствовал, как его лицо покраснело от невыносимого жара нахлынувшей крови – неверие, ярость, стыд. Сердце билось с такой силой, что все в поле его зрения – ресторан, посетители, столики – стало расплывчатым и неясным, ужасная боль пронзила голову от виска до виска.

Он с криком вскочил на ноги.

– Нет, нет! – закричал он, глядя на бесстрастную стальную фигуру. – Это ошибка! Пошла прочь! Это не я, не я!

Он пошарил рукой по столу, нащупал тарелку и изо всех сил швырнул ее в бронированную грудь фурии. Тарелка разбилась, и белые, зеленые и коричневые пятна появились на полированной стали. Пошатнувшись, отбросив кресло, Дэннер обогнул столик, стальную фигуру фурии и бросился к выходу.

Сейчас он думал только о Харце.

Море лиц проплывало мимо него, когда он, спотыкаясь, бежал к двери. Одни смотрели на Дэннера с любопытством, другие старались не поворачиваться в его сторону, глядя в тарелки, или закрывали лицо руками. За спиной он слышал размеренные тяжелые шаги и едва ощутимое поскрипывание где-то внутри стальной брони.

Люди остались позади, и Дэннер выбежал из ресторана, даже не заметив, что открыл дверь. Он стоял на тротуаре. По лицу стекали капли пота, и воздух казался ледяным, хотя день не был холодным. В слепой панике Дэннер посмотрел по сторонам и затем бросился к ряду телефонных будок в середине квартала. Образ Харца настолько отчетливо плыл перед его глазами, что Дэннер наталкивался на прохожих, не видя их. Он смутно слышал возмущенные голоса, которые тут же умолкали при виде фурии. Люди начали расступаться перед ним. Он вошел в появившееся пустое пространство, островок изоляции от остального мира, и направился к ближайшей телефонной будке.

Когда Дэннер закрыл за собой стеклянную дверцу, пульсация крови в ушах казалась ему настолько громкой, что звуконепроницаемые стенки телефонной будки словно вибрировали в такт ударам сердца. Оглянувшись, он увидел, что робот бесстрастно остановился у двери, ожидая, когда Дэннер выйдет из будки. Струйки соуса стекали по стальной груди, подобно разноцветным знакам отличия.

Дэннер попытался набрать номер. Его пальцы отказывались повиноваться. Он несколько раз глубоко вздохнул, стараясь овладеть собой. В голову пришло совсем не к месту – он ушел из ресторана, не расплатившись. И затем – а зачем мне теперь деньги? Черт бы побрал этого Харца!

Он набрал номер Харца.

– Приемная управляющего Харца. Чем могу служить? – На экране четким, ярким цветным изображением высветилось лицо девушки. В этой части города установлены дорогие высококачественные телефоны с экранами, почему-то подумал Дэннер.

У него сжало горло, и пришлось напрячь силу воли, чтобы произнести свое имя. Интересно, видит ли секретарша за его спиной неясные очертания высокой фигуры фурии, подумал Дэннер. Он так и не понял этого, потому что девушка тут же наклонилась к листу бумаги на столе.

– Мне очень жаль, но мистер Харц уехал и не вернется сегодня.

Экран погас.

Дэннер открыл дверь и встал. Ноги казались какими-то ватными. Робот стоял как раз на таком расстоянии от будки, что дверь едва могла открыться. На мгновение они замерли, глядя друг на друга. Дэннер внезапно услышал звуки собственного безумного хохота, граничащего с истерией. Робот с многоцветным пятном на груди, походившим на орденские ленты, выглядел таким забавным! К своему изумлению, Дэннер увидел, что все это время стискивал в левой руке салфетку из ресторана.

– Отойди, – сказал он роботу. – Дай мне выйти из будки. Какой же ты дурак, раз не понимаешь, что произошла ошибка! – Его голос дрожал. Робот отступил назад с едва слышным скрипом. – Мне и так неприятно, что ты всюду следуешь за мной, – продолжал Дэннер. – И уж тем более противно, что у тебя на груди такое грязное жирное пятно! Грязный робот – что может быть... может быть... – Он почувствовал, что вот-вот разрыдается. Не то смеясь, не то плача, Дэннер подошел к фурии, стер салфеткой грязное пятно со стальной груди и бросил салфетку на тротуар.

И в это самое мгновение, когда его рука коснулась холодной стали, он внезапно понял, что никогда в жизни больше не будет один. За ним всегда будет следовать фурия, за спиной всегда будут слышаться тяжелые шаги. До самого последнего вдоха их тени будут рядом. А когда наступит момент смерти, эти могучие стальные руки прикончат его, может быть прижав

к металлической груди, и последнее, что он увидит, – бесстрастное лицо, наклоненное вниз. И это будет не лицо человека, а черный стальной череп фурии.

Дэннеру понадобилась почти неделя, чтобы добиться разговора с Харцем. На протяжении этой недели он понял, почему многие из тех, за кем следуют фурии, сходят с ума. Ложась спать в своей комнате, расположенной в одной из самых роскошных гостиниц, Дэннер видел, как свет уличного светильника отражается от металлического плеча преследователя, терпеливо и бесстрастно ждущего его на улице. По ночам, то и дело просыпаясь, Дэннер слышал, как снаружи доносится легкий скрип механизмов, скрытых под броней робота. Ложась спать, он не знал, увидит ли еще раз восход солнца. Или смертельный удар будет нанесен, когда он спит? Что это будет за удар? Как приводят фурии в исполнение приговоры? Каждое утро Дэннер встречал тусклый свет наступающего дня с каким-то облегчением. По крайней мере, прожита еще одна ночь. Но разве можно назвать это жизнью? И стоит ли так жить?

Он сохранил за собой номер в гостинице. Наверно, администрация хотела, чтобы он переехал в другое место, но никто к нему не обращался по этому поводу. Возможно, они просто не решались. Жизнь стала для Дэннера чем-то странным, едва ощутимым, прозрачным, словно он смотрел на нее через невидимую стену. Ему хотелось одного – встретиться с Харцем. Все остальное – роскошь, развлечения, путешествия – перестали привлекать Дэннера. Он знал, что, куда бы ни пошел, всюду будет не один.

Он провел много часов в публичной библиотеке, читая все, что было известно о фуриях. Именно здесь он натолкнулся на две пугающие, запавшие ему в память строчки, которые написал Мильтон в те годы, когда мир был маленьким и простым, строчки, которые озадачивали всех и приводили в недоумение до того момента, когда человек создал по своему образу и подобию стальных фурий.

И эта двурукая машина за спиной
Стоит недвижно с поднятой рукой...

Дэннер поднял голову и посмотрел на свою двурукую стальную спутницу, застывшую за его спиной, и подумал о Мильтоне и о давно прошедшем времени, когда все цивилизации сорвались в пропасть и погрузились в ужас Великого Хаоса. И период до этого, когда люди были... ну, какими-то иными. Но чем они отличались от поколений, пришедших им на смену? Все казалось таким далеким и непонятным. Дэннер не мог представить себе жизнь до появления машин.

И все-таки впервые за все эти годы он понял, что случилось на самом деле, когда он был еще совсем юным и прекрасный мир внезапно исчез, уступив место серой скуке новой эпохи. И люди впервые создали фурий, похожих на них самих.

Перед началом эры великих войн технология достигла такой высокой степени развития, что машины сами создавали машины, подобно живым существам, и на Земле мог бы воцариться рай, когда все потребности людей полностью удовлетворялись, если бы не одно обстоятельство – общественное развитие далеко отстало от технического развития. Разразились ужасные войны, в которых люди и машины воевали бок о бок, сталь против стали и человек против человека. Но люди были куда более уязвимыми. Войны закончились сами собой, когда не осталось двух обществ, способных воевать друг с другом. Человечество начало распадаться на постоянно уменьшающиеся группы, и наконец наступила ситуация, мало чем отличающаяся от анархии.

Машины зализали свои металлические раны и вылечили друг друга, как и планировали их создатели. Машины не нуждались в общественном развитии, они просто воспроизводили другие механизмы и снабжали человечество предметами, которые были необходимы для рая на Земле. Правда, далеко не все предметы роскоши стали теперь доступны, потому что неко-

торые виды машин были полностью уничтожены и не могли воспроизводить себе подобных. Но большинство из них добывали сырье, перерабатывали его, отливали и обтачивали необходимые детали, сами вырабатывали нужное им топливо, ремонтировали себя и поддерживали свое существование на Земле с эффективностью, совершенно недоступной людям.

Тем временем группы людей распадались и становились все мельче. Наконец не осталось достаточно крупных групп, исчезли даже семьи. Люди больше не нуждались друг в друге. Эмоциональные связи прекратились. Человечество научилось прибегать к заменяющим их суррогатам, и бегство от действительности стало широко распространенным явлением. Свои эмоции люди получали теперь от развлекательных машин, питавших их захватывающими приключениями, а реальный мир казался слишком скучным и серым. Рождаемость начала падать, и падение все ускорялось. Наступило смутное время. Роскошь и хаос, анархия и инертность существовали рядом друг с другом. А рождаемость сократилась до катастрофического уровня...

Прошли годы, пока некоторые люди не начали понимать, что человеческому роду грозит полное исчезновение. Сами люди были бессильны что-нибудь предпринять. Но у них были всемогущие слуги. Наконец какой-то невоспетый гений трезво оценил ситуацию и ввел новую задачу в самый мощный из всех оставшихся компьютеров. Вот какая цель была поставлена: «Человечество снова должно осознать свою ответственность. Это будет единственной целью до тех пор, пока она не будет достигнута».

Задача была бы удивительно простой, если бы произошедшие во всем мире изменения не носили столь коренного характера. Машины представляли собой интегрированное общество, а люди утратили это качество. И теперь всем машинам была поставлена одна-единственная задача, и ради ее осуществления они перестроили свои функции.

Дни роскоши кончились. Развлекательные машины прекратили свое существование. Ради собственного выживания люди начали объединяться в группы, часто вопреки своей воле. Теперь им было нужно выполнять работу, которую ранее выполняли машины, и медленно, очень медленно общие интересы и потребности начали снова восстанавливать почти утраченное чувство общности.

Но это был такой мучительно медленный процесс. И ни одна машина не могла вернуть человеку то, что он утратил навсегда, – врожденную совесть. Индивидуализм достиг высшей степени, и в течение длительного времени ничто не могло сдержать преступность. Поскольку отсутствовали семейные и клановые отношения, исчезла даже кровная месть. Понятие совести пропало, потому что люди перестали отождествлять себя друг с другом.

И теперь перед машинами возникла новая, действительно сложная задача – спасти человечество от вымирания, заставить людей осознать ценность их существования. Общество, понимающее ценность ответственности, станет поистине взаимозависимым, его руководители будут считать себя представителями общества, а возрожденная совесть приведет к запрещению и наказанию «греха» – им станет нанесение ущерба группе, с которой люди отождествляют себя.

Для этого и были созданы фурии.

Машины определили, что убийство, совершенное при любых обстоятельствах, является тяжчайшим преступлением. Подобный подход был точен, ибо убийство – поступок, навсегда уничтожающий одну из единиц, составляющих общество.

Фурии не могли предупредить преступление, однако неотвратимость наказания может помешать новому преступлению, ибо потенциальные преступники знают о неизбежности кары и это вселяет в них страх. Фурии стали символом наказания. Они открыто, на виду у всех, ходили по пятам за преступниками, приговоренными к казни, являясь наглядным доказательством того, что убийство всегда карается, причем карается открыто и жестоко. Фурии были всегда правы, они никогда не ошибались. Принимая во внимание колоссальный объем инфор-

мации, накопленный в памяти компьютеров, было очевидно, что правосудие, осуществляемое машинами, несравненно эффективнее человеческого.

Наступит день, когда понятие греха вернется к человеку. Но без него он оказался на грани полного уничтожения. После того как грех, вина и совесть снова обретут свое место в сознании рода человеческого, люди смогут управлять как собой, так и бесчисленным множеством механических слуг. Но пока не наступил этот день, фурии – совесть человека в металлическом облачении – будут ходить по улицам, неотступно следуя за убийцами, заставляя людей обрести утраченные моральные качества.

Дэннер не помнил, чем он занимался в эти дни. Он много думал о прошлом, о развлекательных машинах, о времени, существовавшем до того, как суровые машины, стремясь восстановить человеческое общество в его прежнем облике, резко ограничили производство предметов роскоши. Дэннер вспоминал об этом с грустью и без возмущения, потому что прошлое нравилось ему куда больше настоящего. И в то время не было фурий...

Он начал пить. Однажды он выложил все деньги из своих карманов в шапку безногого попрошайки, потому что и этот человек был выброшен из общества в результате ужасного несчастья, происшедшего с ним. Для Дэннера таким несчастьем была преследующая его фурия, а для попрошайки – сама жизнь. Тридцать лет назад попрошайка умер бы, и его кончины никто бы не заметил, потому что жизнью человека управляли машины. Уже одно то, что сейчас он выжил, доказывало начало обретения человечеством первых признаков милосердия, однако для Дэннера это ничего не меняло.

Ему хотелось поговорить с нищим, но тот пытался удрать от него на своей маленькой платформе с колесиками.

– Слушай, – старался убедить его Дэннер, следуя за нищим и выворачивая карманы в поисках денег. – Ты не думай, что моя судьба лучше твоей. Так кажется лишь на первый взгляд. На самом деле...

Этим вечером он был сильно пьян и преследовал нищего до тех пор, пока тот не скинул со своих коленей все деньги, которые высыпал Дэннер, и в панике не скрылся в темном переулке. Дэннер оперся плечом о стену здания. Все плыло вокруг и казалось нереальным. Лишь тень фурии за его спиной была объективно существующим фактом, а не плодом воображения.

Позднее, этим же вечером, когда стало совсем темно, Дэннер набросился на фурию. Он подобрал где-то обрезок металлической трубы и кинулся на свою ненавистную преследовательницу, нанося удары по стальным плечам, от которых летели искры. Пытаясь скрыться, он бросился бежать через дворы, темные переулки и узкие проходы. Наконец, задыхаясь от усталости, Дэннер спрятался в подъезде. И через несколько секунд услышал тяжелые шаги фурии.

Измученный, он упал и заснул.

На другой день он сумел наконец встретиться с Харцем.

– Что случилось? – спросил Дэннер. За последнюю неделю он заметно переменялся. Его лицо – лицо человека, потерявшего всякую надежду на спасение, – стало бесстрастным и равнодушным, подобно металлической маске робота.

Харц ударил кулаком по краю стола и вскрикнул от боли. Огромный кабинет, казалось, вибрировал, но не только от неустанной деятельности множества электронных компьютеров, а и от энергии верховного управляющего.

– Где-то вкралась ошибка, – ответил он. – Я и сам еще не знаю где. Я должен...

– Где-то вкралась ошибка! – возмущенно закричал Дэннер, на мгновение утратив спокойствие. – Для тебя это всего лишь ошибка. А для меня?

– Подожди немного, – успокаивающе произнес Харц. – Все будет хорошо.

– Сколько мне осталось жить? – спросил Дэннер, глядя через плечо на высокую стальную фурию, стоявшую позади него, как будто он спрашивал ее, а не Харца. По его тону было ясно, что он уже задавал этот вопрос много раз, глядя на бесстрастное стальное лицо робота, и будет

безнадежно задавать этот вопрос и дальше, пока наконец не получит ответ. Но ответ не на словах...

– Даже это мне неизвестно, – покачал головой Харц. – Черт побери, Дэннер, ты ведь знал, что полностью исключить риск невозможно.

– Ты сказал мне, Харц, что под твоим контролем находится компьютер, управляющий действиями фурий. Я сам видел, как ты отозвал фурию. А теперь я спрашиваю тебя, почему ты не выполнил свое обещание?

– Еще раз повторяю, Дэннер, – что-то произошло. Все должно было пройти как по маслу. В тот момент, когда за твоей спиной появилась фурия, я тут же ввел в компьютер команды, которые должны были защитить тебя и отозвать фурию.

Он встал и начал расхаживать по роскошному ковру.

– Я был уверен, что смогу защитить тебя. И все еще стараюсь найти ошибку. В конце концов, для меня это тоже важно. Поэтому я делаю все возможное. Вот почему я не мог встретиться с тобой раньше. Черт побери, Дэннер, ты должен понять, насколько все это трудно. Ты только посмотри на ряды этих сложнейших машин. – Он кивнул в сторону огромного окна.

Дэннер даже не повернул голову.

– Надеюсь, тебе удастся выполнить обещание, – бесстрастно произнес он. – Так будет лучше и для тебя.

– Как ты смеешь мне угрожать! – яростно закричал Харц. – Оставь меня в покое, и я найду выход. Но не смей угрожать мне!

– Ты ведь тоже замешан в этом, – сказал Дэннер.

Харц повернулся, подошел к столу и сел на его край.

– Каким образом? – спросил он.

– О’Рейлли мертв. Ты заплатил мне за его убийство.

– Фурия знает это. – Харц пожал плечами. – И компьютерам известно. Но все это для них не имеет никакого значения. Твой палец нажал на спусковой крючок, а не мой.

– Мы оба виновны. Если я страдаю из-за совершенного нами преступления...

– Одну минуту, Дэннер, выслушай меня. Я хочу, чтобы ты понял, как обстоят дела на самом деле. Никого не могут наказать за намерение. Только действие влечет за собой наказание. Моя ответственность за убийство О’Рейлли ничуть не больше, чем вина пистолета, из которого ты убил его.

– Значит, ты солгал мне! Обманул меня! Да я...

– Делай так, как тебе говорят, и я выполню свое обещание.

– Когда?

На этот раз оба мужчины повернулись и посмотрели на фурию. Она стояла у входа, равнодушно глядя на них.

– Я не знаю, когда она убьет меня, – ответил Дэннер на свой собственный вопрос. – Ты утверждаешь, что тоже не знаешь. Никто не знает, как и когда она убьет меня. Я прочитал все, что можно было прочесть об этом в популярных изданиях. Это правда, что способ казни всякий раз меняется, что одна из главных задач наказания – заставить приговоренного мучиться неизвестностью? А время, через которое следует исполнение приговора, – оно тоже непостоянно?

– Да, это верно. Но существует минимум времени между вынесением приговора и приведением его в исполнение. Я почти уверен в этом. Для тебя это минимальное время еще, очевидно, не истекло. Положись на меня, Дэннер. Я смогу отозвать фурию. Ведь ты видел своими глазами, как я сделал это. Нужно узнать, что помешало на этот раз. Но чем чаще ты беспокоишь меня, тем меньше времени у меня остается. Не пытайся искать меня. Когда будет нужно, я найду тебя сам.

Дэннер вскочил. Отчаяние охватило его. Он сделал несколько быстрых шагов к Харцу и тут же услышал тяжелую поступь фурии за спиной. Он остановился.

– Мне нужно время, – повторил Харц. – Верь мне, Дэннер.

После того как у Дэннера возродилась надежда, положение стало еще хуже. Чувство страха постепенно исчезло, а на его место пришло отчаяние. Но теперь появился шанс на спасение, надежда, что, если Харцу удастся вовремя спасти его, он снова заживет яркой роскошной жизнью, ради которой пошел на риск.

Теперь Дэннер почувствовал, что и в той жизни, которую он ведет сейчас, есть свои плюсы. Он начал покупать новую модную одежду, путешествовать – разумеется, не один. Ему хотелось обрести людское общество, и он добился этого. Правда, к общению с ним стремились только не слишком нормальные люди. Например, Дэннеру стало ясно, что некоторые женщины испытывают к нему страстное влечение – и не из-за его денег, а благодаря неотступно следующей за его спиной фурии. Их волновала близость с мужчиной, судьба которого была предрешена. Иногда он замечал, как, извиваясь в экстазе наслаждения, они смотрят через его плечо на стоящую рядом зловещую фигуру стальной фурии. Поняв это, Дэннер отказался от таких друзей. А других у него не было.

Дэннер отправился на ракетном корабле в Африку, посетил тропические леса Южной Америки, но ни ночные клубы, ни незнакомые страны не приносили ему удовольствия. Солнечный свет, отражающийся от стальной брони его преследовательницы, был одинаков и в саванне, и в заросших лианами джунглях. Вся прелесть новизны исчезала, когда он слышал за спиной тяжелые ритмические шаги.

Постепенно эти шаги стали невыносимы. Дэннер попытался затыкать уши ватой, но ноги ощущали тяжелое сотрясение почвы, и казалось, что голову пронизывает острая боль. Даже когда фурия стояла неподвижно, у него в голове отдавались воображаемые тяжелые шаги.

Дэннер купил оружие и попытался уничтожить робота. Но потерпел неудачу. Его намерение было тем более бессмысленным, что он знал: на смену уничтоженной фурии тут же появится другая. Виски и наркотики не действовали, и Дэннер все чаще подумывал о самоубийстве. Но он решил отложить этот последний отчаянный шаг в надежде, что Харц все же сумеет спасти его.

Он вернулся в город, чтобы находиться рядом с Харцем и надеждой. И снова начал проводить все время в библиотеке, стараясь ходить как можно меньше, чтобы не слышать за спиной тяжелые размеренные шаги, которые сводили его с ума. Именно здесь, в библиотеке, он нашел ответ...

Дэннер прочитал и просмотрел все, что было известно о фуриях. К его удивлению, справочники содержали массу ссылок на материалы, имеющие отношение к фуриям. Особенно поразило его то, что по прошествии столетий некоторые ссылки приобрели удивительную злободневность. Даже если не иметь в виду строчки Мильтона о «двурукой машине за спиной», ему попадались все новые и новые: «эти сильные неутомимые ноги, всюду преследующие меня», читал он, «...неумолимая преследовательница», «размеренные шаги, величественное мгновение смерти...».

От литературных источников Дэннер перешел к фильмам, отснятым по произведениям, в которых упоминались фурии. Просматривая фильмы, он следил за тем, как Ореста, одетого в современный костюм, преследовала от Аргоса до Афин семифутовая фурия, а не три Эринии со змеями вместо волос, о чем рассказывалось в древней легенде. С тех пор как на улицах городов появились фурии, преследующие убийц, на эту тему было написано немало пьес. Дэннер, погруженный в полусон юношеских воспоминаний о том времени, когда еще действовали развлекательные машины, забылся в приключениях, мелькавших на экране.

Он настолько увлекся, что, когда перед ним промелькнула знакомая сцена, он едва не пропустил ее. Дэннер всего лишь удивился, что она почему-то показалась ему более знакомой,

чем другие. Но затем что-то щелкнуло у него в мозгу, он очнулся и нажал на кнопку, останавливавшую действие автомата, прокручивающего фильм. Дэннер перемотал ленту назад, и на экране вновь появилась та же сцена.

Дэннер увидел человека, идущего по улице города среди толпы людей, которые расступались перед ним, образуя крошечный островок пустоты. За мужчиной следовала гигантская фурия. Они напоминали Робинзона Крузо и Пятницу на этом маленьком движущемся острове, и толпа за их спинами снова смыкалась. Вот мужчина свернул в узкий переулок, с беспокойством посмотрел прямо в камеру и внезапно побежал. Дальше Дэннер увидел, как фурия заколебалась, остановилась, нерешительно шагнула в сторону... повернулась и уверенно пошла обратно, тяжело ступая по мостовой...

Дэннер снова перемотал фильм, и знакомая сцена опять появилась на экране. Теперь он весь дрожал, и мокрые от пота пальцы едва справлялись с кнопками автомата.

– Ну, что ты об этом думаешь? – бормотал он, обращаясь к фурии за спиной. У него появилась привычка разговаривать со своей преследовательницей, делать вполголоса замечания, даже не осознавая своих поступков. – Ты видела что-нибудь подобное? Правда, что-то напоминает? Отвечай, безмозглая консервная банка! – И, протянув руку назад, он ударил робота в грудь, как ударил бы Харца, если бы Харц был на месте фурии. От сильного удара металлическая грудь фурии издала глухой звук, словно ударили по стальной бочке. Это была единственная реакция фурии. Когда Дэннер обернулся, на полированной поверхности тела и безликой маске головы отражалась уже такая знакомая сцена на городской улице, будто робот наконец запомнил что-то.

Итак, теперь все ясно. Харц не владел никаким секретом и не мог отозвать фурию. А если и мог, то не собирался спасать Дэннера. Зачем? Ведь сейчас ему ничто не угрожало. Неудивительно, что Харц так нервничал, прокручивая фильм у себя в кабинете. Но его беспокойство было вызвано совсем не риском нарушить нормальную работу компьютеров, а всего лишь необходимостью согласовывать свои действия с развитием событий на экране! Как он, должно быть, смеялся после ухода Дэннера!

– Сколько осталось мне жить? – спросил он, снова ударяя фурию по стальной груди. – Сколько? Отвечай! Хватит ли времени?

Надежда исчезла, ее сменила жажда мести. Больше не надо ждать. Теперь ему нужно отомстить Харцу и сделать это побыстрее, пока не кончилось отведенное ему кем-то время. Дэннер с отвращением подумал о напрасно потраченных днях – бесполезные путешествия, женщины, бессмысленное ожидание спасения, которое принесет Харц.

«Боже мой, – промелькнуло в сознании Дэннера, – ведь, может быть, сейчас истекают мои последние минуты!»

– Пошли! – бросил он фурии, даже не подумав, насколько бессмысленна эта команда. – Быстрее!

Стальная фигура повернулась и последовала за ним, невидимые часы внутри ее металлической груди отсчитывали минуты, оставшиеся до того момента, когда, как писал Мильтон, опустится поднятая рука.

Харц сидел в роскошном кабинете верховного управляющего компьютерными системами Земли за специально изготовленным по его заказу новеньким письменным столом. Теперь он достиг желанной цели – стал повелителем планеты. Харц удовлетворенно вздохнул.

Лишь одна мысль мучила его – он все время думал о Дэннере. Иногда с утра до вечера. Дэннер начал даже сниться ему. Харц не испытывал чувства вины, нет. Ведь ощущение вины подразумевает наличие совести, тогда как результатом десятков лет анархии стал глубоко уко-

ренившийся индивидуализм, исключая этот старомодное понятие. И все-таки Харца не оставляло беспокойство.

Думая о Дэннере, он повернулся и отпер маленький ящик письменного стола, который демонтировал в своем старом столе и установил в новом. Он сунул внутрь ящика руку и легко провел ладонью по кнопкам панели управления.

Всего пара движений, подумал Харц, и жизнь Дэннера спасена. Но с самого начала он, разумеется, лгал Дэннеру, этому убийце-неудачнику. Харц действительно мог управлять действиями фурий и без труда спасти Дэннера, но не собирался делать этого. В этом для него не было необходимости. Вмешиваться в работу компьютеров всегда опасно. Стоит нарушить последовательность операций такого сложного механизма, как электронный мозг, управляющий жизнью общества, и может начаться цепная реакция, которая нарушит функционирование всей системы. Лучше не рисковать.

Наступит день, и ему, возможно, придется самому использовать спрятанный в ящике аппарат. Харц надеялся, однако, что этого не произойдет. Он задвинул ящик и услышал щелчок замка.

Сейчас он – верховный управляющий. Повелитель преданных ему машин, с преданностью которых не может сравниться преданность человека. Старая как мир проблема – кто контролирует контролеров? – подумал Харц. И ответ: никто. У него, Харца, нет начальников и его власть – абсолютна. Благодаря небольшому аппарату в ящике письменного стола никто не может контролировать его действия, действия управляющего. Ни внутренняя человеческая совесть, ни совесть общественная. Он никому не подвластен...

Услышав шаги на лестнице, Харц на мгновение решил, что ему это чудится. Иногда ему снилось, что он – Дэннер и за его спиной раздаются тяжелые неумолимые шаги. Но на этот раз он не спал.

Он ощутил удары металлических ног, когда они еще были ниже порога слышимости для людей, и до того, как услышал торопливые шаги Дэннера, избегающего по личной лестнице Харца. Все происходило настолько быстро, что время, казалось, остановилось. Сначала он почувствовал тяжелые шаги робота, затем до него донеслись шум и крики внизу, грохот распахивающихся дверей и только затем шаги Дэннера, которые настолько точно совпадали с грузными ударами ног фурии, что металлические звуки заглушали движения человеческой плоти.

В следующее мгновение Дэннер распахнул дверь кабинета Харца, и шум ворвался в тихий кабинет, подобно циклону. Но циклону, который привиделся в ночном кошмаре. Он не двигался. Время остановилось.

Оно замерло, как замер и Дэннер, застывший на пороге; обеими руками он сжимал револьвер, потому что дрожал так, что не мог прицелиться, держа его в одной руке.

Движения Харца были автоматическими, словно движения робота. Слишком часто он представлял себе, как это может произойти. Если бы в его силах было заставить фурию ускорить смерть Дэннера, Харц сделал бы это. Но его могущество не распространялось так далеко. Оставалось одно – ждать и надеяться, что палач нанесет удар раньше, чем Дэннер догадается обо всем.

Поэтому, когда опасность стала реальностью и Дэннер ворвался к нему в кабинет, Харц был наготове. Пистолет оказался у него в руке настолько быстро, что впоследствии он сам не мог вспомнить, как выдвинул ящик стола. Но ведь время остановилось. Харц знал, что фурия не позволит Дэннеру причинить кому-нибудь вред. Но Дэннер стоял в дверях один, сжимая револьвер в дрожащих руках. И Харц где-то в глубине сознания решил, что машина остановилась. Фурия не выполнит свои обязанности. Он побоялся доверить свою жизнь машине, потому что сам был источником разложения и обмана, способным нарушить их нормальную работу.

Палец нажал на спусковой крючок, и сила отдачи толкнула его руку назад. Из дула вырвалось пламя, и пуля помчалась к Дэннеру.

Харц услышал, как пуля ударилась о металл.

Время снова начало свой отсчет, на этот раз с удвоенной скоростью, чтобы компенсировать отставание. Оказалось, что фурия была всего в одном шаге позади Дэннера, и ее стальная рука успела отклонить в сторону револьвер, который он сжимал в руках. Дэннер действительно успел выстрелить, но фурия помешала ему. А вот выстрел Харца оказался точным.

Его пуля ударила Дэннера в грудь, пробила мышцы, кости, сухожилия и отскочила от стальной груди фурии, которая стояла за Дэннером. Лицо его внезапно превратилось в бесстрастную и равнодушную маску, ничем не отличающуюся от металлической маски робота. Дэннер откинулся назад, не упал – из-за того, что стальная рука обнимала его, – а медленно соскользнул на ковер между рукой фурии и ее металлической грудью. Из ран на груди и спине потекла кровь.

Фурия неподвижно застыла, полоса крови на ее груди алела, словно почетная награда.

Управляющий фуриями и одна из его фурий замерли, глядя друг на друга. И хотя фурия не могла говорить, в сознании Харца, казалось, раздавались ее слова.

– Самооборона не является оправданием, – словно произносила она. – Мы никогда не наказываем намерение, но всегда – действие. Любое убийство. Любое, без исключения.

Харц едва успел бросить револьвер в ящик стола и задвинуть его, как в кабинет ворвались взволнованные и перепуганные служащие.

– Самоубийство, – сказал он слегка дрожащим голосом, что было, впрочем, вполне объяснимо. Все видели, как безумец, которого преследовала фурия, ворвался в кабинет. Такое случалось не раз – убийца пытался уговорить верховного управляющего, чтобы тот отозвал фурию и приостановил казнь. Успокоившись, Харц рассказал своим подчиненным, как фурия не допустила, чтобы незнакомец убил его. И тогда безумец выстрелил себе в сердце. Следы пороха на одежде убитого были убедительным доказательством (письменный стол находился рядом с дверью, и Харц стрелял почти в упор). Парафиновый тест покажет, что Дэннер действительно сделал выстрел.

Самоубийство. Для людей это объяснение звучало убедительно. Но не для компьютеров.

Мертвое тело вынесли из кабинета. Остались только Харц и фурия, все еще стоящие напротив друг друга. Возможно, кому-то это показалось странным, но вслух никто не сказал ни слова.

Сам Харц тоже не знал, насколько оправдано поведение фурии. Ничего подобного раньше никогда не случалось. Еще не было идиота, решившегося совершить убийство в присутствии фурии. Ведь даже сам верховный управляющий не знал, как компьютеры оценивают доказательства и выносят приговор. Может быть, эту фурию действительно отзовут? Если бы смерть Дэннера была на самом деле самоубийством, разве Харц сейчас стоял бы здесь, глядя на бесстрастную стальную маску фурии?

Ему было известно, что машины уже обрабатывают полученные данные, изучают доказательства и дают оценку тому, что произошло в кабинете. Но Харц не мог знать, получила ли фурия приказ следовать за ним повсюду до самого момента его казни, или она просто замерла, ожидая дальнейших указаний.

Впрочем, это не имело значения. Эта фурия или какая-нибудь другая, несомненно, уже получила указания от электронного мозга. У Харца был только один выход. Слава богу, что он мог спасти свою жизнь.

Харц наклонился, отпер маленький ящик письменного стола, выдвинул его и посмотрел на панель управления, которой ему так не хотелось пользоваться. Затем тщательно набрал кодовую комбинацию и ввел ее, цифру за цифрой, в главный компьютер. Ему казалось, будто

он видит, как данные о действительно происшедшем стираются с магнитных лент и записывается новая, искаженная информация.

Харц посмотрел на фурию и улыбнулся.

– Теперь ты обо всем забудешь, – сказал он. – Ты и компьютеры. Можешь отправляться. Больше мы не увидим друг друга.

Или компьютеры действовали с невероятной быстротой, или это было всего лишь совпадение, но через мгновение фурия шевельнулась, словно откликнувшись на команду Харца. С того момента как безжизненное тело Дэннера выскользнуло из ее рук, она стояла совершенно неподвижно. Теперь новые команды оживили ее, и первые движения фурии были резкими и несогласованными, будто она переключалась от одних команд на другие. Фурия даже поклонилась – отрывистое движение головой, при котором ее маска оказалась на одном уровне с лицом Харца.

Он увидел, как его черты отразились в бесстрастной полированной маске фурии. В этом поклоне было нечто почти ироническое – поклон дипломата с красной лентой запекшейся крови на груди, исполнившего свой долг честно и преданно. Фурия повернулась и пошла к выходу. Неподкупный стальной робот стал жертвой обмана, и лицо Харца, отражавшееся в полированной спине фурии, как бы с укором смотрело на верховного управляющего.

Харц следил за тем, как фурия вышла из кабинета и начала спускаться по лестнице тяжелыми равномерными шагами. Он чувствовал содрогание пола от тяжелых шагов, и внезапно его охватил ужас, от которого закружилась голова. Харцу показалось, что само основание общества разваливается у него под ногами.

Жизнь человечества по-прежнему зависела от компьютеров, а на них больше нельзя полагаться. Харц опустил голову и увидел, что у него дрожат руки. Он задвинул ящик стола. Замок шелкнул.

Ощущение полного одиночества пронеслось подобно порыву ледяного ветра. Харцу еще никогда так не хотелось человеческого общения, общения не с одним человеком, а со многими. Знать, что его окружают люди.

Он снял с вешалки пальто и шляпу и стал быстро спускаться вниз, сунув руки в карманы и подняв воротник, потому что ему стало холодно и никакое пальто не могло защитить его от озноба, источник которого был в нем самом. На полпути Харц внезапно остановился.

У него за спиной послышались шаги.

Сначала Харц не рискнул обернуться. Ему были хорошо знакомы эти шаги. Но он не знал, что ужаснее – фурия, преследующая его, или то, что позади никого нет. При виде фурии Харца охватило бы чувство безумного облегчения – значит, машинам можно доверять.

Он спустился еще на одну ступеньку, боясь повернуть голову. И услышал за спиной зловеющий звук шагов. Тогда Харц глубоко вздохнул и посмотрел назад. Никого.

После бесконечно долгого, как ему казалось, ожидания он пошел вниз, то и дело оглядываясь назад. Он отчетливо слышал тяжелые неумолимые шаги за спиной в такт его собственным. Но его не преследовала фурия.

Это мстительные Эринии нанесли свой тайный удар, и вслед за Харцем шла невидимая фурия его совести.

Словно понятие греха опять появилось в мире и он был первым человеком, вновь почувствовавшим груз вины. Итак, компьютеры все-таки победили.

Харц медленно спустился по лестнице и вышел на улицу, все время слыша за спиной тяжелые неумолимые шаги, которые уже не принадлежали стальному роботу. Отныне они всегда будут сопровождать его.

Порог

В уютной квартирке в двенадцати этажах над машинами Западного Центрального парка было тихо. Жалюзи отражали мягкий свет. На стенах висели стандартные репродукции, на полу лежал ковер нейтрального цвета, в руке Хаггарда, иронично размышлявшего о ситуации, поблескивал хрустальный графин с янтарным виски.

«Совершенно неподходящее место, – думал он, – для эксперимента с черной магией».

Он налил Стоуну, который только что прибыл и теперь нервно затягивался сигаретой. Молодой адвокат наклонился вперед в своем кресле и взял стакан.

– Ты не пьешь, Стив?

– Не сегодня. – Хаггард криво улыбнулся. – Пей.

Стоун повиновался. Затем он отставил стакан, открыл портфель, который держал на коленях, и достал из него плоский продолговатый сверток.

– Вот книга, которую ты просил. – Он бросил сверток через комнату.

Хаггард не спешил вскрывать сверток. Осторожно положил его на приставной столик рядом с закрытым термосом, на котором задержал взгляд.

Стивен Хаггард всегда отличался холодностью. Владелец переживающего не лучшие времена рекламного агентства, он словно не замечал испытаний, которые выпадали на долю других, но явно не затрагивали его. Красивый мужчина тридцати четырех лет, с тонкими губами и равнодушным взглядом черных глаз, он невозмутимо шел по жизни. Как будто был закован в ледяные доспехи – если не весь сделан из льда.

А вот Стоун был полон тепла и смеха, этот крепкий парень с приятным лицом, немного моложе хозяина квартиры. Весь его вид не то что говорил, а кричал о простодушии.

– Они не очень-то хотели отдавать эту книгу, даже после того, как я показал им твое письмо, – сообщил Стоун.

– Вот как?

Хаггард с наслаждением курил, откинувшись на спинку кресла, и выглядел совершенно расслабленным.

– В этом книжном магазине могут раздобыть что угодно. Кстати, огромное спасибо, что забрал книгу для меня.

– Нет проблем, – улыбнулся Стоун, но его взгляд оставался озадаченным. – Похоже, дело срочное?

– Мне пришлось ее ждать много месяцев. И нужно было... – Хаггард помедлил и едва заметно повернул голову в сторону термоса, – добыть еще кое-что. – Он встал, словно желая прекратить расспросы. – Пойду посмотрю, готова ли Джин. Ей нужна целая вечность, чтобы нарисовать лицо.

– Как и всем женщинам, – усмехнулся Стоун. – Спасибо, что разрешил мне сегодня прогуляться с ней.

– Я буду занят...

Хаггард исчез за дверью, не договорив. Вернувшись, он обнаружил, что Стоун вскрыл прямоугольный сверток и разглядывает книгу в кожаном переплете тонкой выделки.

– Много будешь знать, скоро состаришься, – проворчал Хаггард. – Я налью еще – пей, пока читаешь.

Стоун со слегка смущенным видом отложил книгу:

– Прошу прощения за любопытство. Ты сказал, что это сочинение о магии...

– Верно, но ты не знаешь латыни, Расс. Джин говорит, что скоро будет готова, так что еще есть время пропустить по стаканчику. Я налью.

Содержимое стакана вспенилось и осело. Хаггард взял книгу и сел напротив гостя, лениво листая страницы.

– Я могу кое-что зачитать, если хочешь. На форзаце есть предупреждение: «Пусть лишь чистые сердцем и... *fortis*... сильные духом читают эту книгу; и пусть никто не предпринимает опасных попыток...» И так далее и тому подобное. Кто будет заниматься черной магией, того утащит в ад Ваал или Вельзевул.

– Собираешься попробовать? – спросил Стоун.

Хаггард не ответил. Он вытянул вперед руку и внимательно посмотрел на нее. Рука не дрожала.

– В чем дело? Видишь зеленых человечков? От всей этой магии у людей порой мозги съезжают набекрень... – Стоун запнулся, покраснел и усмехнулся. – Я тактичен, как всегда.

Мужчины засмеялись. Стоун продолжил:

– Конечно, я не тебя имел в виду. Один парень, с которым я работал, спустил все деньги на гадалок и шарлатанов. Знай орал про адское пламя и чертей, которые за ним охотятся.

Хаггард внезапно заинтересовался:

– А что он был за человек? В смысле, умный?

– Да, пока это все не началось. Умный, только очень нервный.

– Нервный?! Нервозность порождает эмоции, эмоции порождают...

– Что?

– Не важно. Так он боялся чертей? – Хаггард изогнул губы в презрительной улыбке.

Стоун осушил стакан. Под хмельком его всегда тянуло поспорить.

– Да, он рехнулся. Но не так уж давно недалеко от Нью-Йорка сжигали ведьм. Люди всегда боялись нечисти.

Хаггард засмеялся:

– Конечно! Дураки и невротики.

Стоун встал, пересек комнату и взял книгу по магии. Быстро ее пролистал и протянул Хаггарду:

– Я заметил здесь один рисунок... Он напугает любого, кто верит в нечисть, даже если ее не существует.

На рисунке была изображена злобная голова в короне, окруженная десятком многосуставных лап с когтями. Подпись внизу гласила: «*Asmodée*».

Хаггард закрыл книгу и снова улыбнулся:

– Расс, ты не прав. Даже если Асмодей существует, умному человеку не стоит его бояться. Сам подумай, каковы возможности демона?

Стоун плеснул в свой стакан.

– Ну... магическая сила. Ему достаточно лишь лапой махнуть, чтобы низвергнуть тебя в ад.

– Сила, – кивнул Хаггард. – Если перестанешь пользоваться рукой, что случится?

– Она атрофируется.

– Верно. У чертей есть магическая сила, если верить легендам. Но никто никогда не утверждал, что они очень умны. Зачем им развивать свои мозги? Они могут выполнить любое желание по мановению лапы, как ты выразился. – Хаггард усмехнулся.

– Горилла не слишком умна, но быстро уложит тебя на лопатки.

– Я ее пристрелю, – логично возразил Хаггард. – У чертей есть только магия. У нас – мозги. Наука, психология... Да если бы Фауст посещал Гарвард, он бы мог завязать хвост Мефистофеля узлами.

– Лично я окончил Йель, – пробормотал Стоун и встал, когда в комнату вплыла Джин Хаггард.

Она была стройной, элегантной и очаровательной, этакая хрупкая блондинка. В вечернем платье и накидке она выглядела сногшибательно.

Странно, но на долю секунды в глазах Хаггарда при виде жены мелькнула лютая злоба. Миг спустя он вновь обрел контроль над собой.

Джин сверкнула улыбкой:

– Расс, извини, что заставила ждать. И что в этот вечер свалилась на твою голову без предупреждения.

– Это я виноват, – буркнул Хаггард. – Мне нужно поработать. Ни к чему, чтобы Джин болталась рядом и слушала мои стоны. Развлекайтесь, дети мои.

Они пообещали так и сделать и ушли. Хаггард запер дверь на замок. Затем вернулся в гостиную, открыл книгу и торопливо нашел нужную страницу.

Формула была на месте. Хагганд прочел ее, натянуто улыбаясь. После чего подошел к телефону и набрал номер.

– Филлис? Это Стив... Я знаю, я не мог позвонить раньше. Прости... Сегодня вечером? Я занят... Я тебе говорил...

Щелчки в тишине.

– Прости, дорогая, я не могу. Джин вернется с минуты на минуту. Давай завтра вечером? У меня может быть сюрприз для тебя.

Очевидно, ответ был положительным, поскольку Хаггард повесил трубку и, насвистывая, пошел в кухню. Он вернулся с большой миской, поставил ее посередине ковра. Затем открыл термос и вылил его вязкое содержимое в миску. Поднялась струйка пара. Кровь не остыла. Свежая кровь, разумеется, была необходима, хотя фермер из Джерси приставал с вопросами, когда Хаггард расплачивался: «А поросенок вам не нужен, мистер? Только кровь? А может...»

Хотел бы Хаггард знать, почему свежепролитая кровь играет такую важную роль в подобных ритуалах с момента зарождения мифологии. Он вернулся к книге и начал читать. Латинские фразы дробью слетали с его губ. Он ощутил легкое нервное напряжение и заставил себя расслабиться. Никаких эмоций. Никаких неврозов. Никаких истерик. Только логика!

Логика против демонов.

Уровень крови убывал. Ее уже осталось на самом доньшке. Куда девается кровь? Странное явление, что ни говори. Но Хаггард не удивился, хотя по-прежнему относился к колдовству весьма скептически.

Кровь исчезла из миски. И заклинание было произнесено целиком.

Хаггард вскинул голову. Свет... Он мигнул? Да, не показалось. Лампы светят тусклее...

– Чушь, – еле слышно сказал он. – Воображение, фантазии, самовнушение. Электричество зависит от тока; призраки не могут повлиять на динамо-машину.

Лампы снова горели ярко. И снова погасли. Хаггард стоял в бесцветной темноте, глядя на смутное пятно в миске у своих ног. Казалось, пятно движется...

Оно пульсировало и меняло форму. Росло. Это была черная клякса, нет, наклонный колодец, на дне которого Хаггард видел что-то зеленое. Он словно заглядывал в телескоп не с того конца. Внизу появилась далекая, крошечная, но все же четко различимая комната с зелеными стенами и полом. В ней никого не было.

Колодец расширялся. Ощувив, как пол уходит из-под ног, Хаггард покачнулся, у него закружилась голова.

Если он упадет...

– Я смотрю, – тихо произнес он, – на зеленую комнату внизу. Возможно, в ковре и полу есть дыра. Возможно, мистер Тохи в квартире этажом ниже сменил обстановку. Возможно, но маловероятно. Следовательно, то, что я вижу, нереально. Это иллюзия.

Но она была пугающе реальной. Хаггард с трудом держал себя в руках; хотелось закрыть глаза, чтобы ничего не видеть. Тем не менее он продолжил:

– Пол сделан из железобетона и дерева. Это прочные материалы, их можно уничтожить только физически. Следовательно, то, что я вижу, – иллюзия.

Головокружение прошло, Хаггард без опаски посмотрел вниз. И вдруг увидел косматую морду с оскаленными зубами. К нему потянулись когтистые лапы. Из разинутой пасти капала слюна.

Хаггард не пошевелился. Лапы замерли в дюйме от его лица. Они угрожающе дергались.

– Ты видишь, – произнес Хаггард, – я совсем не боюсь. Иди...

Он осекся. Он едва не сказал: «Иди сюда», что означало бы гласное признание иллюзии реальностью.

– Иди туда, где мы сможем спокойно поговорить.

Зияющая яма в полу и зеленая комната на ее дне исчезли, квартира снова стала абсолютно нормальной. На полу стояла пустая миска. Перед Хаггардом возник невысокий мужчина, неуверенно переминающийся с ноги на ногу.

Его обнаженное тело было волосатым и мускулистым, а грубое лицо казалось вполне человеческим, разве что череп был странным образом сплюснут с боков, лоб и подбородок скошены, а губы плотно обтягивали массивные верхние резцы.

– Что ж, садись, – сказал Хаггард и сел сам.

Гость повиновался, сердито глядя из-под черных бровей. Повисла тишина.

– Ты совсем идиот? – наконец спросил Хаггард с откровенным презрением.

Он почти жалел, что задал вопрос, потому что, когда демон заговорил, стали видны зубы – жуткие острые клыки хищника.

– Ты меня не боишься?

Голос был низким, резонирующим, и Хаггард подумал, что в прошлом многие люди дрожали от страха при этих звуках. Он хмыкнул.

– Давай не будем терять время. Во-первых, как тебя зовут?

Демон не знал, как на это реагировать. Хотел было разозлиться, но передумал. Наконец он проворчал:

– Ты не сможешь правильно произнести мое имя. Зови меня Ваалом. У ассирийцев это означало «владыка».

– Имя как имя. Хорошо. Ты раньше встречал человека, который тебя не боится?

Янтарные кошачьи глаза Ваала были непроницаемы.

– Почему я должен на это отвечать?

Хаггард понял, что снова напрягся, и расслабился.

– Можешь не отвечать. Но я хочу, чтобы ты понял, что имеешь дело не с деревенским недоумком, которого можно напугать грозным рыком. Мне от тебя кое-что нужно. Я готов за это заплатить.

Хаггард ждал реакции демона. Он едва не усмехнулся при виде торжества на грубом лице Ваала.

– Сделка? Договор? Что ж, смертный, мне это не в новинку. Я обладаю магической силой; она может послужить тебе за определенную цену.

– И что же это за цена? Моя душа? – спросил Хаггард, чувствуя себя глупо.

– Твоя – что? – переспросил Ваал. – Ах да, припоминаю. Смертные вечно выпрашивают дары за свои так называемые души. Помнится, я сказал пророку Аликааму: «Дареный конь может быть слаб на ноги. Покажи мне эту твою драгоценную душу, и мы заключим сделку». Разумеется, он не смог ее показать, но заявил, что она заключена в его теле. – Демон хрипло

засмеялся. – Я не попадусь на эту старую уловку. Мне не нужна твоя драгоценная душа. Мне нужен ты!

– Зачем?

– Чтобы съест, – пояснил Ваал. – Человеческая плоть... Ее вкус невозможно описать. Такому существу, как я, твоя плоть обеспечит часы блаженства.

Хаггард кивнул:

– Весьма материально... но я уловил идею. Если соглашусь, что ты можешь мне предложить?

Демон отвел глаза:

– Ну... деньги. Достаточно, чтобы ты не бедствовал. Не стоит меня переоценивать...

– И не стоит недооценивать меня. Эволюция наделила тебя магической силой. Я хочу денег, верно, но их должно быть много.

Ваал нахмурился:

– Что ж, я могу это устроить. Но ты должен понять: хотя я обладаю магической силой, она не безгранична. Ты можешь получить от меня только два дара. Больше нельзя по закону компенсации. Не знаю почему, но так все устроено.

Хаггард внимательно разглядывал гостя. Похоже, тот говорил правду.

– Какая гарантия, что твой дар не выйдет мне боком? Если я попрошу пудинг, не хочу, чтобы он висел у меня на носу.

Демон нервно поерзал в кресле.

– Это не так работает. Я сам не понимаю, как именно, но у тебя не будет никаких проблем. Дары приходят естественным путем. Мое вмешательство не заподозрят.

Хаггард посмотрел на наручные часы и глубоко вздохнул:

– Хорошо. Я хочу миллион долларов.

– Принято.

– Во-вторых, я хочу, чтобы моя жена исчезла без скандальных последствий для меня... и чтобы она страдала при этом.

– Принято.

– И что дальше?

– А дальше я тебя съем.

Хаггард встал:

– Нет, извини. Это мне не подходит. Сделки не будет.

У Ваала отвисла челюсть. Он протянул руку с длинными ногтями:

– Нет, погоди, я не имел в виду, что съем тебя прямо сейчас. Конечно, дам тебе немного времени, чтобы насладиться...

Хаггард мысленно ликовал, но не показывал этого. Психология работает.

– Возникает вопрос, – мягко произнес он, – почему ты не съел меня, как только появился? По какой-то причине не смог. Не перебивай! Я пытаюсь вспомнить...

– Мы что-нибудь придумаем, – поспешно сказал Ваал.

– ...что именно произошло. Ты хотел меня съесть. Ты хотел заманить меня туда, где это было возможно. Ты... Ну конечно! Ты заставлял меня упасть в ту воображаемую яму. В зеленую комнату. Ну конечно! – Хаггард продолжал говорить, торопливо придумывая убедительную ложь. – Де Галуа писал как раз об этом: что ты не можешь съесть человека, пока он не войдет в твою зеленую комнату.

– Он писал обо мне?

– Да.

– Откуда ты знаешь, что он имел в виду меня? – спросил демон с неожиданной хитрецой. – Ваал не настоящее мое имя.

– Он описал твою внешность, – мягко произнес Хаггард. – Так что я в безопасности, пока не войду в твою зеленую комнату.

– Если ты заключишь договор со мной, то должен будешь его соблюсти, – отчеканил Ваал. – К тому же тебе не уйти из-под власти моей магии.

Но что-то, а торговаться Хаггард умел.

– Мне нужно больше уступок. Во мне свыше двухсот фунтов живого веса, так что я лакомый кусочек.

– Чего ты хочешь?

– Ну... честного шанса.

– Двери, – помолчав, сказал Ваал. – Один мой знакомый джинн... Как тебе такая идея: я воздвигну три двери на твоём пути. Все они будут разного цвета. Первая дверь – синяя, и за ней сбудется первое желание. Когда пройдешь через вторую дверь, желтого цвета, исполнится второе. А за третьей дверью...

– Что?

– Буду ждать я, чтобы тебя съесть.

– Какого цвета...

Ваал усмехнулся:

– Я не глупец. Если будешь знать, какого цвета эта дверь, то нипочем не пройдешь через нее. Не синего и не желтого.

– По рукам! – решительно произнес Хаггард.

– Это еще не все, – возразил демон. – После того как ты пройдешь через две двери, я поставлю на тебя свою печать. – Он улыбнулся. – Не хватайся за голову, это не рога. Скорее нечто вроде ведьминой метки. Это еще одно из правил, не знаю, в чем его смысл.

– Что за печать?

– Перемена в твоём здоровье, причем пустяковая. Она не создаст тебе проблем, не причинит боли и даже не вызовет смущения. Возможно, это будет бородавка на спине. Или седая прядь в волосах. Это не обсуждается, – отрезал Ваал, когда Хаггард попытался протестовать. – Таково правило: моя магия работает, только если я соблюдаю определенные требования.

Хаггард задумчиво помял подбородок:

– Полагаю, бессмысленно спрашивать, кто устанавливает эти правила?

– Откуда мне знать? По рукам?

– По рукам.

Они обменялись рукопожатиями.

– Ну, я пошел. – Взгляд Ваала задержался на жалюзи.

– Заходи еще, – предложил Хаггард. – Ты же можешь? А раз можешь, заходи. С удовольствием с тобой поболтаю... В конце концов, демона не каждый день встречаешь.

– Ну, не знаю... – с сомнением начал Ваал.

– Вряд ли ты пьешь виски, но здесь для тебя всегда найдется свежая кровь.

– Хорошо, – оскалил зубы демон и исчез.

Хаггард стоял совершенно неподвижно три минуты. Затем вытянул руку и посмотрел на нее. Ничуть не дрожит.

Он отнес миску в кухню и тщательно отмыл от крови. Запер книгу по магии в рабочем столе. И наконец налил себе виски.

Пока можно расслабиться. Психология одержала победу над простой демонической магией. Две двери до триумфа.

Три двери до гибели.

Первая дверь синяя. Вторая – желтая. За ними – исполнение желаний Хаггарда. Но какого цвета третья дверь?

Третьего основного цвета, красного? Едва ли. Это было бы слишком наивно даже для такого простака, каким кажется Ваал. Было бы ошибкой недооценить демона. Ваал хитер. Тогда зеленого – цвета логова чудовища? Это тоже было бы чересчур очевидно.

А что мешает цвету повториться? Третья дверь тоже может быть синей или желтой. Что ж, времени поразмыслить об этом достаточно, и мозг Хаггарда уже придумал логичный и надежный способ выяснить истину. Но для начала нужно подружиться с Ваалом. Угощать его кровью, пробудить в нем интерес к современной жизни. Разоружить его...

В комнате было душно. Хаггард распахнул окна, но на улице стояло жаркое раннее лето. Парк внизу выглядел пятном тени под яркой лентой улицы. Джин и Расс Стоун вернутся не скоро. Есть время прогуляться.

Он спустился на лифте, кивнул сонному негритенку, управлявшему кабиной, и вышел в ночь. С Семьдесят второй улицы повернул в Центральный парк, радуясь свежему ветерку. Хаггард медленно прогуливался, поглощенный мыслями о будущем. Поэтому не замечал темного силуэта рядом, пока грубый голос не скомандовал:

– Руки вверх, приятель! Живо!

Хаггард подчинился скорее инстинкту, чем логике. Он повернулся к силуэту, поднимая руки, но не успел закончить этот жест и потерял сознание от удара по голове.

Он очнулся на больничной койке и спросил:

– Что случилось?

Медсестра бросилась за врачом. Тот проверил пульс и температуру и через некоторое время побеседовал с Хаггардом, многое прояснив.

– Амнезия? – осведомился пациент. – Сколько времени я здесь провел?

– Около месяца. Это не амнезия. Сотрясение. Ваша жена здесь.

Когда Джин вошла, Хаггард расслышал несколько последних слов, которые врач прошептал его жене, и пристально посмотрел на нее, тихо присевшую рядом с его койкой:

– Да, я в порядке... Очнулся так же внезапно, как потерял сознание. Джин, врач велел не говорить мне о чем-то. О чем?

– Ни о чем...

– Я буду очень волноваться, пока не узнаю.

Хаггард много лет прожил с ненавистной ему женщиной и хорошо изучил ее темперамент. Теперь он применил к Джин психологические приемы, и в конце концов та уступила.

– Фирма... твоё рекламное агентство. Оно сгорело на следующий день после того, как тебя ударили.

– Оно застраховано, – произнес Хаггард и лишь после этого спросил: – Кто-нибудь пострадал?

– Нет. Но... – Джин замаялась.

– Что?

– Страховка... просрочена. Я не знаю, как так вышло. Этим занимался Расс Стоун; он сделал все, что смог. Ты банкрот.

Хаггард холодно улыбнулся:

– Я банкрот. Не *мы*. Любить, почитать и лелеять. В горе и в радости. Что ж, я рад, что ты сказала мне правду.

Когда пришел врач, завязался спор. В конце концов Хаггард добился своего. Физически с ним давно уже все было в порядке, он полностью выздоровел. Его выписали из больницы, наказав быть поосторожнее.

Поосторожнее? Что пошло не так? Магия Ваала оказалась ненадежной. Или... или все просто померещилось? Нет. Хаггард знал, что он не из тех, кто дает волю воображению. Итак, он банкрот.

Он поймал такси и поехал посмотреть на руины своего рекламного агентства. Внезапно в голову пришла одна мысль, и он зашел в аптеку, чтобы позвонить своим брокерам.

– Позовите мистера Стрэнга, пожалуйста... Это мистер Гарднер... Да.

Хаггард назвал себя чужим именем, когда начал торговать на рынке ценных бумаг. Джин умела разнюхивать то, что ее не касалось, а на Филлис уходило много денег. На мгновение Хаггард задумался о Филлис. Как она восприняла то, что он не явился на следующий вечер после нападения? Надо позвонить и ей.

Стрэнг заговорил:

– Гарднер! О господи! Где вас носило? Я пытался связаться с вами всеми известными способами...

– Что случилось?

– Вы не могли бы приехать немедленно?

Хаггард нахмурился. Брокеры никогда его не видели, он общался с ними по почте. Но сейчас...

– Хорошо, – сказал он. – Скоро буду.

Он нашел нужное здание, поднялся в лифте на двадцать второй этаж и прошел по мраморному коридору. Открыл дверь и оказался в приемной.

– Чем могу помочь, сэр? – спросил офисный клерк.

Хаггард не ответил. Он смотрел за спину клерку.

На синюю дверь.

Офисная мебель была обтянута синей и бежевой кожей. Вполне логично, что и дверь была синей. За ней...

За ней Хаггард сел напротив седовласого толстяка – Стрэнга.

– Что вы хотели мне сообщить?

Странно, но он снова был совершенно хладнокровен.

– Помните те бессрочные облигации нефтяной компании, которые вы купили месяц назад?

– Да.

– Они рухнули на следующий же день, и я пытался до вас дозвониться. Говорят, здание сгорело дотла. Никто не знал человека по фамилии Гарднер, который там находился.

– Рухнули?

– На неделю. А затем бурильщики пробились к месторождению нефти. Мистер Гарднер, в ваше отсутствие я действовал от вашего лица. По предварительной информации, принадлежащие вам бумаги сейчас стоят около миллиона долларов.

Они продолжили разговор, но для Хаггарда это было уже не важно. Он думал о синей двери, через которую прошел, чтобы исполнилось его первое желание.

Остались две двери...

Хаггард пока держал свое богатство в секрете. Он тихо жил в квартире с Джин, ожидая, что будет дальше. Время от времени виделся с Филлис, хотя теперь замечал в ней недостатки, которые прежде не бросались в глаза. Его страсть к ней угасала. Зато ненависть к Джин разгорелась с новой силой. Он был слишком похож на свою жену, а эгоистам не ужиться вместе.

Хаггард втайне арендовал еще одну квартиру, тщательно обставил ее и однажды вечером налил кровь в миску на ковре. Ваал пришел.

Странно, но беседовать с демоном оказалось довольно приятно. Хаггард наслаждался своим умственным превосходством. Ваал был похож на ребенка... или, скорее, на дикаря,

которому все интересно. Он попытался курить и попробовал алкоголь, но ни то ни другое ему не понравилось. А вот игры пришлось по вкусу. К сожалению, игр для двоих не так уж и много. Через некоторое время Хаггард смог правдоподобно предложить придуманную им схему.

Это был тест на словесные ассоциации. Ваал сперва заинтересовался, но вскоре ему стало скучно. Прежде чем Хаггард успел придумать что-то новое, зевающий демон исчез. Хаггард выругался. Ему нужно было узнать цвет третьей двери.

Что ж... Было уже поздно, но спать не хотелось. В последнее время он проводил все меньше времени в своей старой квартире, обычно ночевал в новой. Но почему-то сейчас она казалась не слишком привлекательной. Прогуляться, что ли?

Он старательно обошел парк стороной. Заглянул в бар выпить и встретил нескольких знакомых. Влиятельных людей, которые на трезвую голову могли побрезговать банкротом. Они жили за городом и, когда бар закрылся в два часа ночи, хором заругались:

– Что за черт... мы только начали...

Хаггард вспомнил, что до его квартиры всего пара кварталов. Он предложил знакомым заглянуть к нему:

– У меня море шотландского.

Так что они все направились в квартиру с видом на Центральный парк. Их встретил сильный запах краски. Лифтер сонно произнес:

– Отделку меняют, миста Хаггард. Вы давненько не заходили, да?

Хаггард не ответил. Когда лифт взмыл вверх, у него засосало под ложечкой – странное, необъяснимое чувство. Он взглянул на троих спутников, – похоже, те ничего такого не испытывали.

Они вышли на нужном этаже. Пахло скипидаром и краской. Цветовая схема показалась Хаггарду отвратительной. Он остановился перед своей дверью. Ее перекрасили.

Ее перекрасили в желтый цвет.

Хаггард максимально спокойно достал ключ, отпер и толкнул дверь. Он вошел в комнату, его спутники за ним. Он включил свет.

Расс Стоун стоял и смущенно моргал. Джин, в голубом неглиже, закричала и тщетно попыталась прикрыться.

– Джентльмены... – тихо произнес Хаггард. – Вы свидетели. Прелюбодеяние – законный повод для развода. Мне понадобятся ваши показания...

Все оказалось так просто. Хаггард хотел, чтобы его жена исчезла без скандальных последствий для него и при этом страдала. Несомненно, самолюбие Джин немало пострадает от публичного освещения подробностей бракоразводного процесса. Хаггард наконец будет свободен и с миллионом долларов в кармане. Он получит Филлис без каких-либо осложнений, если она еще будет ему нужна... в чем он сомневался. Его будущее омрачает лишь третья дверь.

Филлис обрадовалась, когда узнала новости.

– Заходи завтра вечером, закатим вечеринку. – Она улыбнулась. – Я переезжаю... в местечко получше. Вот адрес. И спасибо за последний чек, Стиви.

– Договорились. Завтра вечером.

Но Хаггард знал, что надо спешить. У него была назначена встреча следующим вечером в тайной квартире. Ваал явился, учуяв кровь. Он был в хорошем расположении духа.

– Я никогда не обсуждаю дела, – усмехнулся демон, оскалив жуткие клыки. – Включи ту пластинку, которая мне нравится... «Болеро».

Хаггард нашел черный диск.

– Ты сказал, что поставишь на меня свою печать, после того как я войду в две двери. Что...

Ваал не ответил, он увлеченно экспериментировал с приглянувшейся магнитной игрушкой. Хаггард прищурился: придется подождать.

Через два часа он предложил поиграть в словесные ассоциации, и Ваал согласился, не догадываясь о том, насколько это важно. Хаггард подготовил убедительный набор псевдоправил «игры». Он сидел с часами в руке, неотрывно глядя на циферблат.

– Музыка.

– «Болеро».

Между ключевым словом и ответом прошло две секунды.

– Дым.

– Огонь.

Две с половиной секунды.

– Сигарета.

– Вода.

Хаггард вспомнил, что Ваал потребовал стакан воды, когда попробовал курить. На этот раз прошло две секунды.

– Игрушка.

– Быстрая.

«Логично», – подумал Хаггард, покосившись на магнитное устройство. Именно так оно работало. Он старательно нанизывал бессмысленные слова, усыпляя подозрения Ваала и определяя нормальное время ответа. Лишь дважды демон замаялся на сколько-нибудь заметное время.

– Пища.

Очень долгая пауза – десять секунд.

– Вкушать.

Ваал отмел естественную ассоциацию с этим словом и заменил ее на безобидную, которая ничего не значила. Он первым делом подумал о Хаггарде или... о цвете третьей двери?

– Открытая.

– Книга.

Прошло пять секунд. Недостаточно, чтобы Ваал успел придумать полностью безобидное слово, но достаточно, чтобы заменить первую ассоциацию на вторую. Хаггард это запомнил и вскоре сказал:

– Книга.

Шли секунды. Ваал молчал. Наконец он произнес:

– Смерть.

Хаггард продолжил, лихорадочно размышляя. Логичным ответом на слово «книга» было бы, вероятно, «читать». И все же подсознание Ваала предупредило его, что не стоит это произносить. Почему?

И какую смерть имел в виду демон – прошлую или будущую?

– Галстук, – внезапно произнес Хаггард.

Он заметил взгляд, брошенный Ваалом на него, Хаггарда, грудь. Демон ответил не сразу.

– Душить.

Хаггард был в красном галстуке.

Мысленно ликуя, он назвал еще несколько ключевых слов и завершил опрос. Красная дверь. За ней лежит гибель... но Хаггард никогда не откроет такую дверь и даже не подойдет к ней. Ваал проиграл, хотя даже не понял этого. Демоническая магия ничто по сравнению с прикладной психологией!

Хаггард потерял интерес к общению с демоном, хотя умело это скрыл. Ему казалось, что прошло несколько часов, прежде чем Ваал зевнул и исчез, небрежно кивнув на прощание.

В комнате было пусто. И это было невыносимо. Хаггард с облегчением вспомнил о свидании с Филлис. Он сходит с ней в ресторан... нет, придет к ней с шампанским, и они отпразднуют победу. Конечно, Филлис не будет знать истинную причину, но это не важно.

Через полчаса Хаггард с двумя бутылками шампанского под мышками вылез из такси. Он дал шоферу щедрые чаевые и мгновение постоял, глядя на усеянное звездами фиолетовое небо. В лицо дул теплый ветерок. Миллион долларов... и свобода, не говоря уже о мести Джин. Хаггард коснулся лба. За лобной костью лежал его мозг, более могущественный, чем демоны и их магия.

«Cogito, ergo vici»⁵, – мысленно перефразировал он. И повернулся к крыльцу многоквартирного дома.

Лифтер выпустил его на третьем этаже и указал вдоль коридора:

– Она только сегодня въехала, сэр. Вон там ее дверь.

Хаггард прошел по коридору, слыша тихий гул спускающейся кабины лифта. ЗС. Сюда. Он отметил, что дверь выкрашена в светло-серый цвет. Теперь он будет обращать внимание на подобные мелочи. Высматривать красную дверь, в которую нельзя входить.

Он достал ключ, который ему дала Филлис, и вставил в замок. Затем повернул ручку и открыл дверь.

Перед ним была пустая комната с зелеными стенами и потолком. Нет, не пустая – в ней стоял обнаженный волосатый демон. Хаггард не двинулся бы вперед, если бы его не подтолкнул невидимый ветер. Дверь захлопнулась за спиной.

Ваал усмехнулся, оскалив зубы.

– Наша сделка, – сказал он. – Пора ее закрыть.

Хаггард обратился в лед. Он услышал собственный шепот словно со стороны:

– А как же твое слово? Дверь должна быть красной...

– Как ты узнал? – удивился Ваал. – Я тебе не говорил. Да, третья дверь была красной.

Хаггард повернулся и сделал несколько шагов. Он коснулся пальцем гладкой серой поверхности двери, не сочетающейся с зелеными стенами.

– Она не красная.

Ваал направился к нему.

– Забыл про ведьмину метку? Пустяковая перемена в твоём здоровье – условие нашей сделки. После того как ты вошел во вторую дверь, оно было выполнено.

Он провел тыльной стороной волосатой руки по губам. Хаггард услышал тихое щелканье зубов и прошептал:

– Прикладная психология...

– Впервые о ней слышу, – сообщил Ваал. – У меня есть только моя магия. Эта дверь не серая. Она красная. Ты не различаешь цвета...

⁵ Я мыслю, следовательно, побеждаю (*лат.*). Перефразировано знаменитое утверждение Декарта «Cogito, ergo sum» («Я мыслю, следовательно, существую»).

Мы идем искать

На подходе к дому номер шестнадцать по Нобхал-роуд Тэлмен весь покрылся испариной. Словно против воли он дотронулся до панели оповестительного устройства. Фотоэлемент с негромким стрекотом идентифицировал и одобрил его отпечатки. Наконец дверь открылась. Тэлмен вошел в едва освещенную прихожую и оглянулся – позади над холмами пульсировал бледный ореол огней космопорта.

Тэлмен спустился по пологому коридору и шагнул в приятно обставленную комнату, где в удобном кресле его ждал седовласый толстяк с хайболом в руке.

– Здравствуй, Браун, – сказал Тэлмен, заметно нервничая. – Все в порядке?

– Конечно. – Браун растянул вислые щеки в ухмылке. – А что может быть не в порядке? Разве за тобой следили полицейские?

Тэлмен устроился возле сервобара и стал готовить себе коктейль. Его тощая подвижная физиономия оставалась угрюмой.

– С нутром не поспоришь. Космос всегда на меня так действует. По пути с Венеры я все ждал, что кто-нибудь подойдет и скажет: «Пройдемте».

– Но никто не подошел.

– Я понятия не имел, чего ждать.

– А полиция понятия не имела, что мы отправимся на Землю. – Бесформенной лапой Браун взъерошил седые волосы. – Кстати, это была твоя задумка.

– Угу. Психолог-консультант...

– ...для преступников. Хочешь выйти из игры?

– Нет, – искренне ответил Тэлмен, – слишком уж выгодное намечается дело. Большой куш.

– Еще бы! – усмехнулся Браун. – Самый большой в истории. До нас ни одно преступление яйца выеденного не стоило.

– Ну и на каком мы этапе? Если забыл, то напомню: мы в бегах.

– Ферн отыскал нам безопасное убежище.

– Где?

– В кольце астероидов. Правда, понадобится одна вещица...

– Какая?

– Атомная силовая установка.

Бросив на Брауна изумленный взгляд, Тэлмен понял, что толстяк не шутит. Помолчал, оставил стакан и нахмурился:

– По-моему, это нереально. Силовые установки – чересчур громоздкие штуковины.

– Ну да, – согласился Браун, – но скоро одна из них будет в космосе. Отправится на Калисто.

– Предлагаешь захватить корабль? Маловато у нас людей...

– Кораблем управляет пересадчик.

Тэлмен задумчиво склонил голову:

– Хм... Не сказал бы, что это мой профиль.

– Само собой, там будет минимальный экипаж, несколько человек. Но мы с ними разберемся – и зайдем их места. По сути, надо лишь разомкнуть цепь и подправить полетные инструкции, а это тебе по зубам. Ферн и Каннингэм разберутся с технической стороной дела, но сперва нужно выяснить, насколько опасен этот пересадчик.

– Я не инженер.

– Раньше его звали Барт Квентин, – продолжил Браун, не обратив внимания на реплику Тэлмена. – Ты же с ним дружил, верно?

– Ну да, – озадаченно кивнул Тэлмен, – много лет назад. Еще до того, как...

– У полиции нет к тебе никаких претензий. Проведай Квентина. Прощупай его. Выведай... Каннингэм скажет, что надо выведать. После этого начнем. Уж надеюсь.

– Ну, не знаю. Я не...

– Повторяю: нам требуется убежище! – Браун грозно свел брови. – Это вопрос жизни и смерти, без вариантов. Иначе можно отправляться в ближайший полицейский участок, вытянув руки вперед: нате застегните наручники. Мы провернули все по-умному, но теперь пора залечь на дно. И чем быстрее, тем лучше!

– Да понял я, понял. Но ты хоть знаешь, что такое пересадчик?

– Знаю. Мозг без тела, способный управлять рукотворными механизмами.

– С формальной точки зрения – да. Видел, как пересадчик оперирует бурильной установкой? Или венерианской грунточерпалкой? Или любым сложным агрегатом, где раньше требовалась команда из дюжины профессионалов?

– Хочешь сказать, что пересадчик – сверхчеловек?

– Нет, – ответил Тэлмен после паузы. – Я такого не говорил. Но есть у меня подозрение, что проще разделаться с дюжиной парней, чем с одним пересадчиком.

– Ну... – сказал Браун, – ты все равно поезжай в Квебек. Навести Квентина. Он сейчас там, я узнавал. А сперва поговори с Каннингэмом. Детали мы проработаем, но сперва надо выяснить, на что способен этот Квентин. Каковы его слабые места. И еще – есть ли у него телепатические способности. Вы с ним старые друзья. К тому же ты психолог, так что идеально подходишь для этой задачи.

– Угу.

– Без этой установки мы как без рук. Повторяю: пришло время прятаться!

Наверное, толстяк запланировал это с самого начала, размышлял Тэлмен. Браун не дурак, ему хватило ума понять, что в технологичном мире, поделенном на узкоспециализированные сектора, у преступников нет ни единого шанса на успех. Полиция всегда может обратиться за помощью к ученым. Связь – включая межпланетную – высокоскоростная, качество сигнала превосходное. Устройства слежки и обнаружения – на любой вкус. Единственный способ провернуть успешное дельце – сделать это максимально быстро и тут же исчезнуть без следа.

Но преступление необходимо спланировать. Любое мошенничество – это состязание с организованной ячейкой общества, и если мошенник умен, он сам создаст подобную ячейку. У человека с дубинкой нет шансов против человека с ружьем. По этой же причине безмозглый громила обречен на провал: его следы мигом проанализируют; химики, психологи и криминалисты скажут, где его искать, а потом заставят во всем признаться – именно заставят, причем без всякого насилия.

Поэтому Каннингэм был инженером-электронщиком, Ферн – астрофизиком, Тэлмен – психологом. Здоровенный блондин Дэлквист – охотник по профессии и по зову души, великолепно подготовленный и чрезвычайно быстрый стрелок. Коттон – математик, ну а Браун – координатор. За три месяца их шайка добилась на Венере внушительных успехов, а затем наступила неотвратимая развязка и преступная ячейка просочилась обратно на Землю, готовая к реализации следующего этапа долгосрочного плана. Каков он, этот этап, Тэлмен узнал только сегодня. И немедленно убедился в его логической необходимости.

В бескрайней пустыне кольца астероидов можно затеряться хоть навсегда, коль скоро в том будет необходимость, и при каждом удобном случае совершать очередную вылазку. Можно создать настоящее подполье, преступную организацию с автоматизированной системой межпланетной разведки – да, это единственно верный путь. Но Тэлмену все равно не хотелось тягаться умом с Бартом Квентином. Этот человек уже... не был человеком.

По пути в Квебек Тэлмена терзали сомнения. Да, по натуре он космополит, и предрасудки ему несвойственны, но он понимает, какой неловкой и напряженной станет встреча с

Квентом. Можно притвориться, что никакого... происшествия не было? Нет, это будет выглядеть неестественно. И все же... Он помнил, как семь лет назад Квентин был в прекрасной физической форме, как гордился своим умением танцевать. Ну а Линда? Что с ней стало? Не могла же она в подобных обстоятельствах остаться миссис Барт Квентин? Или могла?

Самолет пошел на снижение. Тэлмен задумчиво рассматривал тускло-серебристую ленту реки Святого Лаврентия. Машиной управлял узкодиапазонный автопилот. Обычные пилоты садятся за штурвал только во время сильной грозы. Но в космосе все иначе. Да и в целом на свете полно сложнейших работ, с которыми способен справиться только человеческий мозг. Причем не любой, а весьма специфический.

Такой, как мозг Квентина.

Тэлмен потер узкий подбородок и печально улыбнулся, стараясь понять, почему он так волнуется. И наконец понял. Вопрос в том, сколько чувств подвластно Квенту в его новой инкарнации – пять или больше. Способен ли он замечать реакции, невидимые обычному человеку? Если так, Ван Тэлмен крепко влип.

Он глянул на соседа по сиденью, на Дэна Саммерса из компании «Инженеры Вайоминга», через которого связался с Квентином. Саммерс – молодой блондин с мимическими морщинами возле глаз, вызванными частым пребыванием на солнце, – понимающе усмехнулся:

– Нервничаете?

– Есть немножко, – признался Тэлмен. – Все думаю, насколько он изменился.

– Результаты разнятся от случая к случаю.

Повинуясь командам радиолуча, самолет скользил к аэропорту по склонам закатного неба. На заднем плане разнобойным частоколом высились сияющие небоскребы Квебека.

– Стало быть, пересадчики меняются?

– В психическом плане? Ну, наверное. Как без этого. Вы же психолог, мистер Тэлмен. Сами подумайте, если бы вы...

– Не исключена компенсация.

– Компенсация? – рассмеялся Саммерс. – Это еще мягко сказано! Например, бессмертие – как вам такая компенсация?

– По-вашему, бессмертие – это благо? – спросил Тэлмен.

– По-моему, да. Он будет оставаться в расцвете сил – как долго? Одному Богу известно. И ни малейшего износа. Автоматическое облучение нейтрализует все кенотоксины. Ну да, в отличие от мышечных тканей, клетки мозга не восстанавливаются, но мозгу Квента невозможно причинить ущерб, ведь он находится в специальной оболочке. Плазменный раствор исключает возможность артериосклероза, ведь кальций не оседает на стенках кровеносных сосудов. Короче говоря, физические показатели мозга контролируются автоматически – и самым наилучшим образом. Отныне Квенту не грозят никакие заболевания, кроме психических.

– Клаустрофобия? Вряд ли. По вашим словам, у него есть искусственные глаза, а следовательно, и ощущение пространства.

– Если заметите перемены, – сказал Саммерс, – любые, кроме укладывающихся в рамки семилетнего умственного развития, – дайте знать. Мне интересно. Что касается меня, я вырос среди пересадчиков. Уже не обращаю внимания на сменные механические тела, ведь врач не видит в своем приятеле клубок вен и нервов. Значение имеет только мыслящий разум, а он остается прежним.

– Как ни крути, – задумчиво произнес Тэлмен, – в некотором смысле вы их лечащий врач. Но у дилетанта может сложиться иное впечатление. Особенно если он привык видеть... человеческое лицо.

– Я не принимаю в расчет отсутствие лица.

– А Квент?

Саммерс помедлил.

– Нет, – наконец ответил он. – Уверен, что нет. Он замечательно приспособился. Пересадчик привыкает к новой жизни примерно год, а потом все идет как по маслу.

– Я видел, как они работают. На Венере, издали. Но за пределами Земли их не часто встретишь.

– У нас не хватает квалифицированных специалистов. Чтобы подготовить человека к трансплантации, полжизни уходит. В буквальном смысле. Еще до начала подготовки нужна степень инженера-электронщика. – Саммерс усмехнулся. – Хотя почти все первоначальные расходы покрываются страховкой.

– Как это? – не понял Тэлмен.

– Страховые компании берут на себя все обязательства. Профессиональный риск, бессмертие. Ядерные исследования – небезопасная штука, друг мой.

Они вышли из самолета в прохладную ночь. По пути к ожидавшему их автомобилю Тэлмен сказал:

– Мы с Квентином выросли вместе. Несчастье случилось через два года после того, как я покинул Землю. С тех пор я его не видел.

– В ипостаси пересадчика? Понятно. Что сказать, не самое удачное название. Какой-то осел поспешил наклеить этот ярлык, не посоветовавшись с пиарщиками. К сожалению, ярлык прилип намертво. Мы надеемся, что в конце концов сумеем их популяризовать – в смысле, пересадчиков. Ведь пока что мы в самом начале пути. Провели всего двести тридцать успешных трансплантаций.

– А неудач много?

– Уже нет. На ранних этапах было... непросто. Объединение коллоидной системы с электронной начинкой – начиная с трепанации и заканчивая подачей питания и реабилитацией – сплошная нервотрепка и небывалая головоломка для ученых. Но результат того стоит.

– С технической точки зрения – наверное. Но как же человеческие ценности?

– А, вы про психологию. Ну-у... о ней вам поведаст сам Квентин. Что касается технологии, вы даже не представляете, насколько она сложна. До недавнего времени никто не разрабатывал коллоидных систем на базе человеческого мозга. И дело не только в технике. Синтез разумной живой ткани с чувствительной и быстро реагирующей электроникой – настоящее чудо.

– Но у этого синтеза есть свои недостатки. Ограничения, свойственные электронике – и человеческому мозгу.

– Сами все увидите. Мы уже приехали. Сегодня поужинаете с Квентом...

– Поужинаю?! – изумился Тэлмен.

– Ну да. – Во взгляде Саммерса искрилось веселье. – Нет-нет, он не питается железными опилками. Вообще-то...

При виде Линды Тэлмен вздрогнул от удивления. Не рассчитывал ее встретить. Только не теперь, не при таких обстоятельствах. Она почти не изменилась: все та же приветливая, дружелюбная женщина, весьма обходительная и невероятно красивая. Она всегда была само очарование. Стройная, высокая, с причудливой копной янтарно-медовых волос, а в карих глазах – ни тени напряжения, которое ожидал увидеть Тэлмен.

Он взял ее руки в свои:

– Так, только не начинай. Сам знаю, сколько лет прошло.

– Не будем считать годы, Ван. – Она с улыбкой подняла на него глаза. – Продолжим с того, на чем остановились. Выпьем по одной. Что скажешь?

– Я бы к вам присоединился, – влез в разговор Саммерс, – но пора к начальству на ковер. Забегу на минутку, поздороваюсь с Квентом. Где он?

– Вон там. – Кивнув на дверь, Линда повернулась к Тэлмену. – Значит, был на Венере? Теперь понятно, почему такой бледный. Расскажи, как там живется.

– Нормально живется. – Тэлмен забрал у нее шейкер и старательно встряхнул мартини. Ему было неловко.

Линда изогнула бровь:

– Да-да, мы все еще женаты. Мы с Бартом. Как вижу, ты удивлен.

– Слегка.

– Он по-прежнему Барт, – тихо сказала она. – По виду не скажешь, но он тот самый человек, за которого я вышла замуж. Так что расслабься, Ван.

Тэлмен разлил мартини по бокалам. Не глядя на нее, сказал:

– Ну, раз уж ты довольна...

– Понимаю, что у тебя на уме. Мол, это все равно что быть замужем за машиной. Поначалу... Ну да ладно, я совладала с этим ощущением. Мы оба совладали, хоть и не сразу. Была некоторая натянутость. Наверное, ты тоже ее почувствуешь, когда увидишь его. Просто помни, что на самом деле это не имеет значения. Он... все тот же Барт.

Она придвинула третий бокал к Тэлмену, и тот удивленно посмотрел на нее:

– Да ну?

Она кивнула.

Ужинали втроем. Тэлмен рассматривал покоившийся на столе цилиндр два на два фута и пытался прочесть в сдвоенных линзах намеков на разум и характер. Нельзя было не представить Линду в роли жрицы противоестественного божка, и этот образ оказался весьма неприятен. Тем временем Линда, ловко орудуя вилкой, выщепляла из соуса охлажденные креветки, отправляя их в металлический отсек и выгребала ложкой по сигналу звукового устройства.

Тэлмен ожидал услышать голос без каких-либо модуляций, безжизненный, но система «соновокс» придавала речи Квентина глубину и тембр.

– Креветки прекрасно усваиваются, Ван. Линда достает их из моего рта только по привычке. Вкус-то я чувствую, но слюнных желез у меня нет.

– Чувствуешь вкус...

– Хватит уже, Ван, – усмехнулся Квентин. – Не делай вид, что тебя ничего не смущает. Придется привыкнуть.

– Я долго привыкала, – добавила Линда. – Но через какое-то время стала относиться к этому как к очередной дурацкой выходке Барта. Помнишь, милый, как ты явился на чикагское собрание совета директоров в рыцарских латах?

– И тем самым донес суть моего мнения до окружающих, – ответил Квентин. – Так о чем мы говорили? Ах да, о вкусе. Я чувствую вкус креветок, Ван. Конечно, не всю палитру – тончайшие нюансы мне недоступны. Но я различаю множество оттенков, помимо сладкого, кислого, соленого и горького. Чувство вкуса появилось у машин давным-давно.

– Но никакого пищеварения...

– И никакого пилороспазма. Да, я теряю во вкусе, но выигрываю в свободе от желудочно-кишечных расстройств.

– И отрыжкой меня больше не мучаешь, – вставила Линда.

– К тому же могу говорить с набитым ртом, – продолжил Квентин. – Но если ты думаешь, что я супермозг в механической оболочке, спешу тебя разочаровать, дружище. Я не умею плевать смертоносными лучами.

– Я что, о таком подумал? – Тэлмен улыбнулся, но ему стало не по себе.

– Готов спорить, что подумал. Нет, – тембр голоса изменился, – я не настолько могуч. В этой коробочке заключено обыкновенное существо. Поверь, иногда я скучаю по старым добрым денькам. Вспоминаю, как лежал на пляже, как солнышко ласкало кожу... ну и тому подобные мелочи. Как танцевал под музыку и...

– Милый, – перебила его Линда.

– Ну да. – Голос снова изменился. – Я не я без этих тривиальных мелочей. Но теперь у меня есть им замена, равноценные мелочи, реакции, не поддающиеся описанию, потому что они... ну, скажем так: электронные аналоги привычной нейротрансмиссии. У меня по-прежнему есть органы чувств, только теперь они механические. Когда импульс достигает мозга, он автоматически преобразуется в знакомый символ. Или... – Он помолчал. – Хотя теперь это случается все реже.

– Ты про манию величия? – Линда положила в отсек для пищи кусочек томленого рыбного филе.

– Я про манию трансформации, любимая. Вот только это не мания. Видишь ли, Ван, когда я стал пересадчиком, у меня не оказалось стандартов сравнения – за исключением тех произвольных, что уже имелись, подстроенных под человеческое тело – и только под него. Когда я чувствовал импульс обратной связи от бурильной установки, мне казалось, что я сижу за рулем и давя ногой на педаль газа. Теперь же эти старые образы меркнут, и я... ощущаю все напрямую, без необходимости транслировать импульсы в знакомые символы.

– Ощущения ускоряются, – подсказал Тэлмен.

– Да, вот именно. Мне не надо вспоминать значение числа пи, когда поступает соответствующий сигнал. Не надо преобразовывать уравнение, поскольку я мгновенно осознаю его смысл.

– Ты про единение с машиной?

– Да, я робот. Но это никак не влияет на мою личность, на суть персоны Барта Квентина.

Какое-то время стояла тишина. Тэлмен заметил, что Линда бросила недовольный взгляд на цилиндр. Затем Квентин продолжил прежним тоном:

– Я обожаю решать всевозможные задачи. Всегда обожал. Теперь же занимаюсь этим не только на бумаге. Решаю всю задачу самостоятельно, от начала до конца, от концепции до реализации, подыскиваю ей практическое применение и... Ван, ведь я и есть машина!

– Машина? – переспросил Тэлмен.

– Не знаю, замечал ли ты этот феномен, но, когда ведешь автомобиль или пилотируешь самолет, ассоциируешь себя с машиной. Она становится продолжением твоего тела. Я же сделал следующий шаг, и это меня несказанно радует. Представь, что ты раздвинул бы границы эмпатии и отождествился с пациентом, решая его проблему. Это... экстаз!

Линда плеснула в отдельный отсек немного сотерна.

– Ну а захмелеть ты способен? – поинтересовался Тэлмен.

Линда фыркнула:

– Не от спиртного. Но поверь, Барт своего не упустит!

– Каким образом?

– Сам подумай, – сказал Квентин с легким самодовольством. – Алкоголь всасывается в кровь, а оттуда попадает в мозг. По сути, эквивалент внутривенной инъекции, так? Но я бы предпочел запустить в кровеносную систему яд кобры, – продолжил трансплантат. – У меня очень тонкое равновесие обмена веществ. Это идеальный баланс, и его нельзя нарушать постоянными веществами. Нет, я пользуюсь электростимуляцией, индуцированным током высокой частоты. Ты бы знал, как он на меня действует!

– Неужели это достойная замена? – изумился Тэлмен.

– Еще бы! Алкоголь и табачный дым – это раздражители, Ван. Если уж на то пошло, мысль – такой же раздражитель! Когда у меня возникает духовная потребность надраться и стравить пар, я пользуюсь специальным прибором, стимулирующим раздражение, – и, поверь, улетаю от него не хуже, чем ты улетел бы от квартиры мескаля.

– Он цитирует Хаусмана, – объяснила Линда, – изображает разных животных. Голосовой модуль у него – просто чудо. – Она встала. – Прошу простить, но у меня кухонный наряд. Да, у нас все автоматизировано, однако кому-то надо нажимать на кнопки.

– Помочь? – предложил Тэлмен.

– Нет, спасибо. Лучше побудь с Бартом. Пристегнуть тебе руки, милый?

– Не-а, – ответил Квентин. – С моей жидкой диетой легко совладеет Ван. Не задерживайся, Линда. Саммерс сказал, что мне скоро на работу.

– Корабль готов?

– Почти.

Линда, закусив губу, задержалась в дверном проеме:

– Никак не привыкну, что ты в одиночку управляешь космическим кораблем. Особенно таким.

– Да, штукавина нестандартная. Но до Каллисто доплетется.

– Ну... там же будет минимальный экипаж?

– Будет, – ответил Квентин. – В нем нет необходимости, но страховая компания требует, чтобы на борту была группа экстренного реагирования. Саммерс молодец, уложился в полтора месяца.

– Собрал эту посудину из жвачки и канцелярских зажимов, – проворчала Линда. – Хоть бы не развалилась.

Она вышла, а Квентин тихо засмеялся. Потом наступила тишина, и Тэлмен, как никогда прежде, почувствовал, что его товарищ... ну, уже ему не товарищ. Ибо Квентин смотрел на него, и это был не Квентин.

– Бренди, Ван, – сказал голос. – Плесни мне в лоток. – И добавил, когда Тэлмен ринулся выполнять просьбу: – Только не из бутылки. Прошли те времена, когда я смешивал ром с колой у себя во рту. Давай из снифтера... Ага, вот так. А теперь выпей сам и расскажи, что думаешь.

– О чем?

– Не делай вид, что не понял.

– Семь лет, Квент. – Тэлмен встал у окна и уставился на флуоресцентные отражения в водах реки Святого Лаврентия. – Непросто привыкнуть к тебе в этой... форме.

– Я ничего не утратил.

– Даже Линду, – добавил Тэлмен. – Вот какой ты везучий.

– Решила остаться со мной, – сказал с нажимом Квентин. – Этот несчастный случай пять лет назад... Я заигрался с ядерными исследованиями, а они всегда небезопасны. При взрыве меня словно пропустили через мясорубку. Только не подумай, что мы с Линдой не учли заранее такой вариант. Мы всегда делали поправку на профессиональный риск. Решили, что не расторгнем брак, даже если придет беда.

– И когда она пришла...

– После взрыва я даже настаивал на разводе. А Линда убеждала, что у нас все получится. Как видишь, получилось.

– Вижу, – кивнул Тэлмен.

– Довольно долго это помогало мне держаться, – негромко продолжил Квентин. – Сам знаешь, как я отношусь к Линде. Мы с ней переменные в идеальном уравнении. Обстоятельства изменились, и в переменные были подставлены новые значения. Мы подстроились. – Квентин вдруг издал резкий смешок, и психолог обернулся. – Никакое я не чудовище, Ван. Хватит об этом думать!

– И в мыслях не было, – возразил Ван. – Ты...

– Что?

Снова тишина. Квентин хмыкнул:

– За пять лет я научился распознавать человеческую реакцию. Дай еще бренди. Я по-прежнему воображаю, что чувствую его вкус на языке. Даже странно, как долго держатся эти ассоциации.

– То есть ты считаешь, что изменился только физически? – Тэлмен взял sniffтер и подлил в цилиндр янтарной жидкости.

– По-твоему, я голый мозг в металлическом ящике, а вовсе не тот парень, с которым ты, бывало, напивался на Третьей авеню? О да, я изменился. Но эти изменения вполне предсказуемы. В металлических конечностях нет ничего противоестественного. Это следующий этап после вождения автомобиля. Будь я каким-то суперустройством, технической диковинкой – а ты подсознательно воспринимаешь меня именно так, – то стал бы конченным интровертом. Проводил бы все время за решением грандиозных уравнений. – Квентин вставил в свой монолог вульгарное выражение. – И совершенно спятил бы. Потому что я не супермен, не сверхчеловек. Я обычный парень, неплохой физик, и мне пришлось приспособливаться к новому телу. У которого, разумеется, есть свои ограничения.

– Например?

– Чувства. Вернее, их нехватка. Я сам помогал разрабатывать компенсаторный аппарат. Читаю эскапистскую литературу, туманю сознание электроимпульсами, ощущаю вкус – хоть и не способен принимать пищу. Смотрю телевизор. Стараюсь получать любые удовольствия, доступные человеческим органам чувств. Все это помогает поддерживать... жизненно важное равновесие.

– Понятно. Ну и как, действительно помогает?

– Сам подумай. У меня есть глаза, в высшей степени чувствительные к полутонам и оттенкам цветов. У меня есть пристоженные руки разнообразных калибров, вплоть до самых микроскопических. Я умею рисовать – и, кстати, я весьма популярный карикатурист, хоть и прячусь за псевдонимом. Это хобби, подработка. Настоящая работа – по-прежнему физика, и она до сих пор мне нравится. Тебе же знакомо это чувство истинного удовлетворения, когда додумался до решения задачи – в геометрии, электронике, психологии, да где угодно? А теперь я нахожу решения бесконечно более сложные, требующие не только точного расчета, но и молниеносной реакции. Например, при управлении космическим кораблем. Дай еще бренди. Жарковато в комнате, он быстро испаряется.

– Ты все тот же Барт Квентин, – сказал Тэлмен, – но это проще понять с закрытыми глазами. Управление космическим кораблем...

– Я не утратил ничего человеческого, – настаивал Квентин. – Эмоциональная база не изменилась. Честно говоря, не очень-то приятно видеть, как ты зришь на меня с откровенным ужасом, но я понимаю, почему это так. Мы долго дружили, Ван. Не исключая, что ты забудешь об этом раньше моего.

Над пупком у Тэлмена вдруг выступила холодная испарина, но вопреки словам Квентина он уверился, что отчасти получил ответ, за которым явился в Квебек. У пересадчика нет ни сверхъестественных способностей, ни телепатических функций.

Конечно же, надо было задать и другие вопросы.

Он налил еще бренди и улыбнулся тусклому цилиндру на другом конце стола. На кухне Линда негромко напевала песенку.

Космический корабль не имел названия. По двум причинам. Во-первых, ему предстоял лишь один перелет на Каллисто, а во-вторых – и вторая причина была куда необычнее первой, – это был не корабль с грузом. Это был груз с кораблем.

Атомная силовая установка – совсем не то же самое, что обычный генератор, который можно демонтировать и погрузить на борт транспортного космолета. Это мощная громадина, требующая много места. Чтобы собрать ее, требуется два года, и даже после этого первоначаль-

ный запуск осуществляется на Земле, на огромном предприятии контроля стандартизации, занимающем семь округов Пенсильвании. В Вашингтонской палате мер, весов и энергий хранится стеклянный контейнер с термореле, а в нем – эталонный металлический метр. Так же и в Пенсильвании под беспрецедентной защитой находится единственный в Солнечной системе эталонный расщепитель атомов.

К топливу предъявляют единственное требование: оно должно фильтроваться через сетчатый экран с ячейками дюймового калибра, плюс-минус. Да и этот критерий произвольный, принятый исключительно для удобства стандартизации топлива. В остальном же атомный реактор слопаёт все, что ему дадут.

Он не только прожорлив, но и своеволен, поэтому играть с атомной энергией отваживаются не многие. У инженеров-исследователей ротируемый график, но, несмотря на это, их невроты не развиваются в психозы лишь благодаря «Трансплантиде», или страховке от смерти.

Из-за циклопических размеров силовую установку невозможно погрузить даже на крупнейшие корабли коммерческих линий, но ее тем не менее требовалось доставить на Каллисто, а посему технические специалисты выстроили вокруг нее особое транспортное средство. Не сказать, что это произведение инженерного искусства получилось ненадежным, но оно определенно вышло за рамки любых стандартов, а местами дизайн отличался от общепринятого самым радикальным образом. Все проблемы решались по мере их поступления – искусно и зачастую весьма оригинально. Предполагалось, что управление окажется в руках пересадчика Квентина, поэтому для экстренной команды были предусмотрены самые спартанские условия. Экипажу разрешалось выходить из своего отсека лишь для устранения неисправности, но поломки были практически исключены. По сути дела, это был не космолет, а живой организм. Оставалось добавить к этой картине заключительный штрих.

В многочисленных отсеках гигантского корабля у передатчика имелись «конечности», но то были инструменты узкой специализации. И никаких сенсорных придатков (за исключением слуховых и зрительных), поскольку в данном случае Квентин лишь управлял перемещением суперкорабля в космическом пространстве. Саммерс собственноручно отнес цилиндр с мозгом на борт, где спрятал его бог весть куда, подключил к системе и тем самым завершил последний этап строительства.

Ровно в полночь мобильная силовая установка отправилась на Каллисто.

Когда она проделала треть пути к марсианской орбите, в безразмерный центр управления – кошмар любого механика – вошли шестеро в скафандрах.

– Что ты здесь делаешь, Ван? – осведомился динамик в стене голосом Квентина.

– Ну ладно, – сказал Браун, – шевелитесь. Каннингэм, найди нужные провода. Дэлквист, держи пушку под рукой.

– А в кого стрелять-то? – уточнил здоровенный блондин.

Браун бросил взгляд на Тэлмена:

– Ты уверен, что здесь нет подвижных деталей?

– Уверен. – У Тэлмена забегали глаза.

На виду у Квентина он чувствовал себя совершенно голым, и ему это совсем не нравилось.

– Единственная подвижная деталь, – сказал сухопарый, морщинистый и хмурый Каннингэм, – это сам двигатель. Я знал это еще до того, как Тэлмен все проверил и перепроверил. Когда пересадчика подключают для единственной задачи, его не снабжают ничем, кроме инструментов для ее решения.

– В таком случае хватит тратить время на болтовню. Разомкни цепь.

– Так, минуточку... – Каннингэм уставился на кабели сквозь стекло шлема. – Здесь нестандартное оборудование. Экспериментальное. Можно сказать, бессистемное. Надо отследить парочку... Хм...

Тэлмен тайком высматривал оптические линзы пересадчика, но безуспешно. Он знал, что Квентин наблюдает за ним откуда-то из хитросплетения трубок, решеток, проводов и прочего инженерного фарша. Сразу с нескольких стратегически важных точек – а они могут быть где угодно.

Рубка и впрямь казалась безразмерной. В туманном желтом освещении она походила на внеземной кафедральный собор, высоченный и совершенно пустой, если не считать шестерых карликов в скафандрах. Энергетические системы, аномально большие и лишённые изоляции, гудели и сыпали искрами; пузатые лампы испускали зловещее сияние. В двадцати футах от пола тянулась металлическая платформа с предусмотрительно установленным железным ограждением. Взобраться на этот балкон можно было по двум лесенкам, установленным на противоположных стенах. С потолка свисал глобус звездного неба. В хромированном воздухе урчала и пульсировала великая мощь.

– Это угон? – осведомился динамик.

– Называй как хочешь, – весело ответил Браун. – И расслабься: мы не собираемся причинять тебе вред. Может, даже отправим на Землю, если найдем безопасный способ это сделать.

Каннингэм исследовал акриловые нити, стараясь ничего не трогать.

– Груз не заслуживает вашего внимания, – начал Квентин. – Сами понимаете, я не радий везу.

– Мне нужна силовая установка, – отрезал Браун.

– Как вы попали на борт?

– Ну что там, Каннингэм? – Браун вскинул руку, чтобы смахнуть пот с лица, наткнулся на стекло шлема и поморщился.

– Не подгоняй. Я же простой электронщик, а в этой системе сам черт ногу сломит. Ферн, подсоби-ка...

Тэлмен чувствовал растущую неловкость. После первого удивленного комментария Квентин продолжал его игнорировать. Не справившись с необъяснимым искушением, Тэлмен запрокинул голову и окликнул Квентина по имени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.